

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

7 (3) 2021

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Трансформация ценностей в современном мире
THEME OF THE ISSUE: Transformation of values in the Modern World

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 7, №3. 2021

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 7, № 3. 2021

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЭЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Цацановска Р., PhD, профессор, заведующая докторантурой Института социологических, политических и юридических исследований Университет «Святых Кирилла и Мефодия», Скопье, Македония.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Кисиленко А. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдирайымова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЭЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневецкий Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

CHIEF EDITORS OF THE ISSUE:

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ruzhica Cacanaska, PhD, Professor, Head of doctoral studies, Institute for Sociological, Political and Juridical Research, Ss. Cyril and Methodius University, Skopje, Macedonia.

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Anastasey Kisilenko, Ph.D. in Sociological Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Рикуччи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарион Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Cvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Цацановска Р., Благоевич М. Трансформация ценностей в современном мире	4	Ruzhica Cacanaska, Mirko Blagojevic Transformation of values in the modern world	4
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ		SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE	
Агаджанова К. Э., Зимова Н. С. Ценности и тенденции модного поведения, транслируемые социальными медиа	9	Karina E. Agadzhanova, Natalya S. Zimova Values and trends in fashionable behavior originating from social media	9
Гужавина Т. А., Ясников Н. Н. Ценности и социальный капитал российского регионального сообщества	22	Tatyana A. Guzhavina, Nikolay N. Yasnikov Values and Social Capital of the Regional Community in Russia	22
Ментус В. Традиционная ценностная ориентация и религиозность – многоуровневый анализ в странах Европы	34	Vladimir Mentus Traditional value orientation and religiosity – a multilevel analysis across Europe	34
Сухарькова М. П. Современные исследования олимпийских волонтеров	41	Marina P. Sukharkova International research on Olympic volunteers	41
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ		SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES	
Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Гражданское участие российских школьников	55	Elena I. Vasileva, Tatiana E. Zerchaninova Civic participation of Russian schoolchildren	55
Павич Ж., Юрлина Ю. Показатели социализации и религиозно- сти в Европе: многоуровневый анализ	70	Željko Pavić, Juraj Jurlina Societalisation and Religiosity indicators in Europe: a multilevel analysis	70
Кисиленко А. В. Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи	82	Anastasiya V. Kisilenko Value foundations of volunteer practices of Russian youth	82
Солосина М. И. Поколенческие особенности участия в социально-политических процессах	90	Maria I. Solosina Generational characteristics of participation in social and political processes	90
Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В. Молодежные протестные настроения гла- зами российской молодежи	104	Rafael B. Shaikhislamov, Guzeliya R. Asadullina and Evellina V. Sadretdinova Youth protest moods through the eyes of Russian youth	104
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ		SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES	
Горшевски Н. Религиозная теодемократия: Шариатская демократия как уникальная исламская модель	122	Nikola Gjorshoski Religious Theodemocracy: Sharia democracy as a unique Islamic model	122
Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Ярмак О. В., Ши И, Вэнсинь Чжэн Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала ки- тайских студентов	135	Pavel P. Deriugin, Evgeny V. Kremnyov, Olga V. Yarmak, Yi Shi, Zheng Wengxin Network models of business values in the human capital structure of Chinese students	135
Блажевский И., Цацановска Р., Джорд- жевски Д. Позиция религиозных общин во время пандемии коронавируса и отражение на общественном мнении в Македонии	152	Ivan Blazhevski, Ruzhica Cacanaska, Gjoko Gjorgjeski The position of religious communities during the coronavirus pandemic and the reflection on the public opinion in Macedonia	152

Редакторская статья

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-1

Цацановска Р.
Благоевич М.

Трансформация ценностей в современном мире

Институт социологических, политических и правовых исследований,
Университет Святых Кирилла и Мефодия
1000, Республика Македония, Скопье, ул. Партизанских отрядов, ББ
ruzica-c@hotmail.com, ruzica.cacanovska@gmail.com

Институт общественных наук
11000, Сербия, Белград, ул. Кралице Наталие, 45
blagomil91@sbb.rs

Информация для цитирования: Цацановска Р., Благоевич М. Трансформация ценностей в современном мире // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 4-8. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-1.

Guest editor's opening remarks

Ruzhica Cacanaska
Mirko Blagojevic

Transformation of values in the modern world

Institute for Sociological, Political and Juridical Research,
Ss. Cyril and Methodius University
1000, Skopje Partizanski odredi bb, Skopje, The Republic of Macedonia
ruzica-c@hotmail.com, ruzica.cacanovska@gmail.com

Institute of Social Sciences
11000, 45, Kraljice Natalije Str., Belgrade, Serbia
blagomil91@sbb.rs

Information for citation: Cacanaska, R. and Blagojevic, M. (2021), "Transformation of values in the modern world", Research Result. Sociology and management, 7 (3), 4-8, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-1.

Вопрос ценностей является одним из ключевых в практике, теории и исследованиях социальной жизни (Thome, 2015)¹. Ценности представляются стержневым моментом, «эпицентром» субъективного

смысла, руководящего социальными действиями человека; они же, в своих устойчивых сочетаниях и соотношениях, формируют основания общественных институтов, культур и субкультур. Совпадение или не-

¹ Values Theory And Research. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/values-theory-and-research> (дата обращения: 20.09.2021).

совпадение ценностных паттернов мышления и поведения представляется особо важным фактором развития отношений между человеческими сообществами по путям солидарности, взаимной толерантности или конфликта.

В мире Современности (называемой ещё «поздним», или «рефлексивным», Модерном) происходят многочисленные, ускоряющие свой темп изменения. Наиболее масштабной и всеобъемлющей трансформацией выступает глобализация. Столкновение культурных универсумов в условиях нарастающей всеохватности массовых коммуникаций и массового высвобождения людей из закрытых «форматов» традиционных отношений привело к невиданной в истории миксации ценностей, сформированных различными и многообразными культурными контекстами. Культурный шок, вызываемый этим процессом, порождает в сообществах многообразие реакций: от агрессивного фундаментализма и ксенофобии до ответственных стратегий взаимной терпимости и межкультурного обмена, от бегства в замкнутые субкультурные миры до захватывающих проектов синтеза культурных традиций и стилей.

На волне этого глубокого и долговременного процесса изменений закономерно не только повышенное внимание мировой и национальных социологий к вопросу ценностей, но и известная переориентация социально-политической мысли на аксиологическую повестку дня (Halman, Lomazzi, 2018). «Качественный» тренд развития социологической методологии, обогащающий её и смежные области социальных исследований антропологическими подходами и методиками; интенсивное развитие направления «культурсоциологии» (Alexander, 2003); актуализация веберовской идеи о влиянии культурных смыслов и ценностей на экономическое поведение и развитие (Inglehart, 1990) – всё это представляется яркими и показательными симптомами того, что изучение общества в XXI веке всё больше обретает характер изучения ценностей.

Представляемый номер сетевого научного журнала «Научный Результат. Социология и управление» включил статьи, посвящённые различным аспектам ценностей и их изменений в современных социальных контекстах. Содержание номера может быть представлено в двух тематических направлениях. Первое направление объединяет статьи социально-религиозной тематики. Второму направлению соответствуют статьи, авторы которых исследуют ценностные аспекты различных институциональных сфер жизни современных обществ.

Статьи первого направления представлены авторами из балканских стран: Сербии (В. Ментус), Хорватии (Ж. Павич и Ю. Юрлина) и Северной Македонии (Н. Горшовски; Р. Цацановска, Дж. Джорджевски и И. Блазевски). Указанный пул материалов подготовлен авторами на основе их выступлений в рамках пленарных сессий X Юбилейной международной конференции «Социология религии в обществе Позднего Модерна: религия и ценности», прошедшей под председательством всемирно известного учёного Роберто Чиприани (Италия) 15-17 апреля 2021 г. в дистанционном формате на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия) при информационной поддержке журнала «Научный Результат. Социология и управление».

Статья Владимира Ментуса (Сербия, Белград) «**Traditional value orientation and religiosity – a multilevel analysis across Europe**» посвящена анализу взаимосвязи религиозности с традиционными ценностными ориентациями населения европейских стран. Применяемый автором многоуровневый анализ данных исследования *European Social Survey data* за период 2018 г. с охватом 49519 респондентов из 29 стран позволяет прийти к достаточно обоснованным выводам об умеренной связи между религиозностью и традиционными ценностями на индивидуальном уровне и о незна-

чительном влиянии религиозности на социетальном уровне (уровне страны) на отдельные традиционные ценности.

Статья хорватских учёных Желько Павича и Юрая Юрлина (Хорватия, Осиек) «**Societalisation and Religiosity indicators in Europe: a multilevel analysis**» развивает методологическую тематику изучения ценностей в связи с религиозностью населения в аспекте «макросоциализации» на материале европейских стран с применением многоуровневого анализа. Авторы выдвигают четыре гипотезы, касающиеся различных аспектов связи религиозности и социетализации (Брайан Уилсон). Одним из наиболее значимых выводов исследования представляется тезис о том, что «существует значительная отрицательная связь почти всех показателей социетализации и показателей индивидуального и общественного благосостояния с показателями религиозности». Социетализация, как значимая составляющая процесса модернизации, представляется «обратно пропорциональной» религиозности. Также результаты исследования не подтверждают тезис о религиозной индивидуализации.

В статье исследователя из Северной Македонии Николы Горшовски (Северная Македония, Охрид) «**Religious Theodemocracy: Sharia democracy as a unique Islamic model**» представлен теоретический анализ на стыке социологической и политической проблематики, посвящённый освоению модели «теодемократии», выработанной в рамках мормонизма, традиционными исламскими сообществами. Автор приходит к выводу, что религиозная теодемократия в исламских регионах превращается в шариатскую демократию, и что она представляет собой «новую систему политической инженерии, которая включает взаимосвязь некоторых демократических моментов и рамок шариата».

Данное направление завершает статья авторского коллектива из Северной Македонии Ружицы Цапановска, Джоко Джорджевски и Ивана Блажевски (Северная Македония, Скопье) «**The position of religious**

communities during the coronavirus pandemic and the reflection on the public opinion in Macedonia». Сверхактуальная тематика мировой пандемии коронавируса становится «пробным камнем» для самоопределения социальной позиции практически всех религиозных сообществ. Исследование общественного мнения населения Македонии на предмет отношения к религиозным сообществам, нарушающим введённые ограничения на посещение религиозных служб, основывалось на сопоставлении официальной позиции македонских религиозных общин и реакции широкой общественности через социальную сеть Twitter. Установлено, что уровень общественной нетерпимости по отношению к духовенству и верующим, посещающим службы, был одинаков в оба рассматриваемых периода (начало пандемии и конец 2020-го календарного года), при том что интерес общественности к религиозным практикам в конце года был значительно ниже, чем в начале пандемии. Помимо этого, еще раз подтвердилось влияние тематических объявлений, сделанных СМИ, на динамику обмена сообщениями в Твиттере.

Статьи второго направления представлены авторами из России и Китая (К. Э. Агаджанова и Н. С. Зимова; Е. И. Васильева и Т. Е. Зерчанинова; Т. А. Гужавина и Н. Н. Ясников; П. П. Дерюгин, Е. В. Кремнёв, О. В. Ярмач, Ш. И. и В. Чжэн; А. В. Кисиленко; М. И. Солосина; М. П. Сухарькова; Р. Б. Шайхисламов, Г. Р. Асадуллина и Э. В. Садретдинова). Данный пул статей примечателен широким охватом предметных аспектов и разнообразием методологических и методических подходов к анализу ценностной проблематики современных социальных изменений.

Раздел открывается статьей Карины Агаджановой и Натальи Зимовой (Россия, Москва) «**Ценности и тенденции модного поведения, транслируемые социальными медиа**». Статья написана по результатам авторского качественного исследования большого количества социальных ме-

диа с использованием автоматической системы мониторинга СМИ и Social Media Медиалогия. Проведённый контент-анализ позволил авторам выделить несколько ключевых ценностных кластеров, формирующих современные модные тренды публичного поведения и потребления: «здоровый образ жизни», «показное потребление», «отказ от излишеств», «экологически осознанное поведение», бодипозитив. Ими фиксируется противоречивая тенденция: повышение доли потребления в пространстве моды – и переход от моды на потребление к моде на экологически рациональное и аскетическое потребление.

Статья Татьяны Гужавиной и Николая Ясникова (Россия, Вологда) «**Values and Social Capital of the Regional Community in Russia**», продолжающая тематику направления, анализирует ценностную составляющую социального капитала региональных сообществ. Методология исследования основана на соединении подходов Макса Вебера и Пьера Бурдьё. Ценности рассматриваются авторами как «базовое основание» социального капитала, формирующегося в сетях человеческих отношений. Анализ базируется на разработанной авторами методике интегрального индекса, накопленного субъектами социального капитала. Исследование, в частности, показало снижение интегрального индекса социального капитала региональных сообществ вследствие пандемии, приведшей к ограничениям социальных связей.

Статья Елены Васильевой и Татьяны Зерчаниновой (Россия, Москва) «**Гражданское участие российских школьников**» посвящена политическому аспекту ценностной социализации молодого поколения жителей России. Авторы, совмещая количественный и качественный методы анализа, сопоставляют показатели гражданской активности обучающихся российских общеобразовательных школ с аналогичными показателями российской молодёжи в целом. В исследовании выявляется и прогнозируется роль школьных образователь-

ных практик, таких как инициативное бюджетирование, имитационные игры, школьное самоуправление, в становлении паттернов гражданского поведения и культуры молодых людей.

Следующая статья раздела принадлежит международному коллективу авторов под руководством Павла Дерюгина (Россия, Санкт-Петербург), включающему Евгения Кремнева (Россия, Иркутск), Ольгу Ярмак (Россия, Севастополь), молодых ученых из Китая И Ши и Чжэн Вэнсинь. Она посвящена вопросам конструирования **сетевых моделей деловых ценностей в структуре человеческого капитала студентов китайских университетов**. Авторы статьи проводят глубокий компаративный анализ сетевых связей деловых ценностей китайских студентов и китайской молодежи, не обучающейся в университетах. Они выделяют у студентов и молодежи ряд контрастных ценностей: качество власти, как формы организационных отношений; лидерство, целеустремленность и рациональность; сила сетевой связанности. На примере Пекинского университета делается вывод об университетской среде как о важном социальном факторе формирования деловых ценностей студентов Китайской Народной Республики.

Статья Анастасии Кисиленко (Россия, Белгород) «**Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи**» эксплицирует результаты авторских комплексных исследований волонтерских практик и массовых опросов российских полстеров на данную тему с позиции аксиологического подхода. Автор выявляет ценностные ориентиры, которые демонстрирует молодое поколение жителей России в отношении волонтерских практик как добровольного, бескорыстного труда на общественное благо. Статья интересна своим ярко выраженным гуманистическим трендом и удачным, на наш взгляд, соединением качественных и количественных методов социологического изучения феномена волонтерства.

В статье Марины Солосиной (Россия, Воронеж) представлены результаты социологического изучения **поколенческих особенностей участия в социально-политических процессах**. Актуальность этой темы базируется на сочетании стратегий вовлечения граждан в общественные процессы и стратегий выстраивания межпоколенческих коммуникаций. На основе проведенного автором количественно-качественного исследования делаются выводы о тенденциях и специфике формирования стратегий участия представителей различных поколений населения современной России в социально-политических процессах.

Следующая статья, автором которой выступает Марина Сухарькова (Россия, Москва), делится с читателями обзором **современных исследований олимпийских волонтеров**. Предметом обзора выступают новейшие российские и международные исследования волонтеров, принимающих участие в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр. Обращает на себя внимание достаточно обширная, с учётом специфики темы, библиографическая база статьи из 47 источников на английском, китайском и русском языках. Автор, в числе прочих, приходит к выводу о том, что «спортивное волонтерство в рамках мега-событий ... распространяет моральные и социальные ценности, мультикультурализм и солидарность».

Статья **«Молодежные протестные настроения глазами российской молодежи»**, выполненна коллективом российских авторов под руководством Рафаэля Шайхисламова (Россия, Уфа) в составе Гузелии Асадуллиной (Россия, Уфа) и Эвелины Садретдиновой (Россия, Уфа). Авторы анализируют оценочные суждения молодых жителей России о протестных акциях, прошедших в их стране и в мире за последние два года. В статье подчёркивается, что в отношении протестных событий у молодых людей преобладают позитивные оценки. Авторы связывают это с ограниченной степенью соучастия молодежи в общих делах и обосновывают необходимость

трансформации национальных целей развития страны до 2030 года из «целей для молодежи» в «цели самой молодежи».

Список литературы

Alexander J. C. (ed.) *The Meanings of Social Life: A Cultural. Sociology*. Oxford and New York: Oxford University Press, 2003.

Halman L., Lomazzi V. *European Values Study: a unique cross-national comparative and longitudinal survey research project on basic human values in Europe* // *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018. № 3. Pp. 24-34.

Inglehart R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

Thome H. *Values, Sociology of* // In book: *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2015. 2nd ed. Vol. 25. Pp. 47-53.

References

Alexander, J. C. (ed.) (2003), *The Meanings of Social Life: A Cultural. Sociology*, Oxford University Press, Oxford and New York, USA.

Halman, L. and Lomazzi, V. (2018), "European Values Study: a unique cross-national comparative and longitudinal survey research project on basic human values in Europe", *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, (3), 24-34.

Inglehart, R. (1990), *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.

Thome, H. (2015), "Values, Sociology of", in *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd ed., 25, 47-53.

Цацановска Ружица, PhD, профессор, Руководитель докторантуры по направлению «Энвайронментализм» (социальные науки) Института социологических, политических и правовых исследований Университета Святых Кирилла и Мефодия, Скопье, Республика Македония.

Благоевич Мирко, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель FOREL Института общественных наук, Белград, Сербия.

Ruzhica Cacanaska, PhD, Head of Doctoral studies – ENVIRONMENTALISM (Social sciences), Institute for Sociological, Political and Juridical Research, Ss. Cyril and Methodius University, Skopje, The Republic of Macedonia.

Mirko Blagojevic, Doctor of Sociology, Chief Researcher, Head of FOREL, Institute of Social Sciences, Belgrade, Serbia.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-2

Оригинальная статья

Агаджанова К. Э.
Зимова Н. С.

Ценности и тенденции модного поведения,
транслируемые социальными медиа

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1
akarinka19@ya.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1
nzimova@mail.ru

Аннотация. Мода, являясь сложным социокультурным явлением, механизмом социальной, культурной регуляции, тесно связана с основными ценностями и тенденциями развития общества. Современные цифровые трансформации определяют вектор развития моды, способствуют возникновению и утверждению новых ценностей, изменяют поведенческие стратегии, что придает проблематике моды, механизмам ее функционирования, процессам прогнозирования модных тенденций особую актуальность. Данная статья посвящена анализу ценностей и тенденций модного поведения. На основе анализа существующих теоретических подходов к исследованию моды выявлены особенности современного процесса конструирования представлений о моде. Показано, что на первый план выходит качественное и количественное развитие информационно-технологической инфраструктуры. В процессе конструирования и трансляции модных ценностей и модного поведения все большую роль играют социальные медиа. Социальные медиа формируют определенный образ жизни, создавая эталоны модного поведения, не исключая разнообразия вариаций и интерпретаций, учитывая различия в социальном положении и в системе ценностных ориентаций. На основе анализа глубинных интервью определены ключевые ценности модного поведения, транслируемые современными социальными медиа: равенство, толерантность, гендерная нейтральность, активная социальная позиция, экологичность, ответственность. Контент-анализ содержания сообщений на тему моды и модного поведения, опубликованных в различных социальных медиа с использованием автоматической системы мониторинга СМИ и Social Media Медиалогия, позволил выявить основные тематически схожие кластеры, отражающие модное поведение: здоровый образ жизни, показное потребление, отказ от излишеств, экологически осознанное поведение, бодипозитив и др. Среди основных тенденций модного поведения, транслируемого социальными медиа, выделяются: сохранение

актуальности показного потребления, переход к экологически осознанному потреблению, изменение отношения к собственному телу («бодипозитив»).

Ключевые слова: мода; модное поведение; социальные медиа; блогерство; показное потребление; экологически рациональное потребление; бодипозитив

Информация для цитирования: Агаджанова К. Э., Зимова Н. С. Ценности и тенденции модного поведения, транслируемые социальными медиа // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 9-21. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-2.

Original article

Karina E. Agadzhanova
Natalya S. Zimova

Values and trends in fashionable behavior originating from social media

Lomonosov Moscow State University
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia
akarinka19@ya.ru

Lomonosov Moscow State University
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia
nzimova@mail.ru

Abstract. Fashion is closely related to the main values and trends of society development because it is a complex socio-cultural phenomenon, a mechanism of social and cultural regulation. Modern digital transformations determine the fashion development vector, contribute to the emergence and assertion of new values, change behavioral strategies. So fashion issues, its functioning and forecasting trends mechanisms become a topic of particular relevance. This article analyzes the values and trends of fashionable behavior. Based on the analysis of existing theoretical approaches to the study of fashion, the authors reveal some features of the modern process of constructing representations about fashion. The results show that the qualitative and quantitative development of information technology infrastructure comes to the forefront. Social media form a certain way of life, creating benchmarks of fashionable behavior, not excluding the diversity of variations and interpretations, taking into account differences in social status and in the system of value orientations. Based on the analysis of in-depth interviews, the key values of fashionable behavior originating from modern social media, have been determined: equality, tolerance, gender neutrality, active social position, environmental friendliness, naturalness. Content analysis of the messages content on the topic of fashion and fashionable behavior (published on various social media, using an automatic media monitoring system and Social Media Medialogy) allowed to identify the main thematically similar clusters reflecting fashionable behavior: healthy lifestyle, ostentatious consumption, avoiding excesses, environmentally conscious behavior, body positivity. The main trends in fashionable behavior originating from social media are: maintaining the relevance of ostentatious consumption, the transition to environmentally conscious consumption, body attitude change (“body positivity”). Fashion is closely related to the main values and trends of society development because it is a complex socio-cultural phenomenon, mechanism of social and cultural regulation. Modern digital transformations define the fashion develop-

ment vector, contribute to the emergence and assertion of new values, change behavioral strategies. So fashion issues, its functioning and forecasting trends mechanisms become a topic of particular relevance. This article analyses values and trends of the fashionable behavior. The features of the modern process of fashion ideas construction are revealed, based on the analysis of existing theoretical methods to the study of fashion and the fashionable behavior. The results show that the qualitative and quantitative development of information technology infrastructure comes to the forefront. Social media is becoming the main source of the fashion values and the fashionable behavior. Social media is shaping a certain way of life, creating standards of the fashionable behavior. Thus, it does not exclude a variety of interpretations and takes into account differences in social status and in the system of value orientations. Based on the analysis of in-depth interviews, the key values of the fashionable behavior, broadcast by modern social media, have been determined: equality, tolerance, gender neutrality, active social position, environmental friendliness, naturalness. Content analysis of the messages content on the topic of fashion and fashionable behavior (published on various social media, using an automatic media monitoring system and Social Media Medialogy) allowed to identify the main thematically similar clusters reflecting the fashionable behavior: healthy lifestyle, ostentatious consumption, avoiding excesses, environmentally conscious behavior, bodypositive. The main trends in the fashionable behavior broadcast by social media are: maintaining the relevance of ostentatious consumption, the transition to environmentally conscious consumption, body attitude change (“bodypositive”).

Keywords: fashion; fashionable behavior; social media; blogging; conspicuous consumption; consumer consciousness; green consumption; body positivity

Information for citation: Agadzhanova, K. E. and Zimova, N. S. (2021), “Values and trends in fashionable behavior originating from social media”, *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 9-21, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-2.

Введение (Introduction). Сегодня мода является многогранным и многосторонним социально-культурным феноменом, который не ограничивается сферой одежды и дизайна. Данное понятие намного шире, оно находит отражение в разнообразных сферах общественной жизни: политической, духовной, экономической. Проанализировав моду, её место в современной жизни и отношение к ней, можно лучше понять характер конкретного общества.

Мода выступает социальным регулятором и социальным маркером, что стало особенно заметным в эпоху массового потребления, формирующего «модные» установки и предпочтения. Современный мир предлагает широкий спектр продуктов потребления, определяющих жизненные стратегии индивидов: индивидуальные решения о следовании той или иной линии модного поведения обусловлены доступным

разнообразием продуктов модного потребления (Aspers, Godart, 2013: 182-183). Человек потребляет то, что ему хочется, создавая вокруг себя определенное информационное «облако», свидетельствующее о его вовлеченности в модные тенденции. Он стремится выразить себя через интерпретацию модных тенденций посредством одежды, украшений, лексики, музыки, литературы, гаджетов и прочих атрибутов жизни современного человека, конструируя, таким образом, собственную идентичность. Человек, вобравший в себя ценности и нормы модного поведения, так или иначе, транслирует их своему окружению.

Ключевым механизмом усиления влияния моды в современном обществе выступает Интернет-пространство, а именно – социальные медиа (Social Media), продвигающие идею многообразия и демократичности выбора модных стратегий. Л. Мэтьюз

определяет социальные медиа как сетевые технологии, практики или сообщества, используемые для создания контента и обмена мнениями, идеями, опытом и перспективами между людьми. (Matthews, 2010: 17-23). В отличие от традиционных СМИ, контент социальных медиа создается не по иерархическому принципу вертикально интегрированной структуры, а бесконечным количеством пользователей, которые выступают уже не пассивными потребителями, а активными участниками, реагирующими и влияющими на процесс генерирования контента (Dewdney, 2006: 123). Особую роль в формировании актуальной повестки дня играет набирающая популярность блогосфера – разновидность медиа, чьей основной характеристикой является создание постоянного диалога между автором и потенциальными читателями (Абрамов, 2012: 90-118).

В пространстве социальных медиа происходит не только передача модного опыта, но и определяется вектор развития моды, формируется потребитель, его стиль жизни и ценностные директивы. В таком ключе и блогеры становятся не просто «новыми хранителями модных знаний» (Zhang, 2010: 154), а активными участниками модной индустрии. Создавая эталоны модного поведения, социальные медиа формируют определенный образ жизни, не исключая разнообразия вариаций и интерпретаций, учитывая различия в социальном положении и в системе ценностных ориентаций.

В условиях возрастания влияния социальных медиа в обществе, исследование механизма социального конструирования представлений о моде и модном поведении приобретает особую актуальность, как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Данная статья посвящена определению основных ценностей моды и выявлению актуальных тенденций модного поведения в социальных медиа.

Методология и методы исследования (Methodology and methods). Многозначность феномена моды породила самые разные методологические подходы к ее

изучению. В зарубежной социологии мода и модное поведение изучались Т. Вебленом, Г. Зиммелем, которые полагали, что мода формируется в высших слоях общества и понимали ее исключительно как феномен классового общества (Веблен, 2011: 120-190; Зиммель, 1996: 266-291). П. Бурдьё поддерживал идею о моде как индикаторе классовой принадлежности, но, в то же время, сделал в этой идее важное уточнение. Он полагал, что со временем мода перестала быть прерогативой высших сословий и стала доступной широким слоям, привнеся с собой новые механизмы передачи модных веяний (Bourdieu, 1984: 233). Г. Блумер интерпретировал моду как «дух времени» и изучал «рождение» модных тенденций в результате взаимодействия ряда акторов, в связи с чем его подход получил название «интеракционистского» (Blumer, 1969: 275-291). Сторонником знаковой теории Р. Бартом было выдвинуто предположение о том, что мода представляет собой скрытую знаковую систему, которое, однако, было опровергнуто Ж. Бодрийяром (Барт, 2003: 153; Бодрийяр, 2000: 169-189). Он считал, что модные знаки в постмассовом информационном обществе более не отсылают ни к каким референтам. По мнению Ж. Липовецкого, необходимо отказаться от анализа моды «с помощью тяжелой артиллерии социальных классов», их различий и претензий, их символической борьбы и рассматривать моду как выражение «человеческой индивидуальности», как желание индивида утвердить себя по отношению к другому. Ж. Липовецкий определяет моду как «социоисторическую реальность», для которой характерны отрицание власти традиций и прославление власти новизны и изменений (Липовецкий, 2012).

Среди новейших зарубежных социологических исследований моды следует отметить работы таких авторов, как Д. Крейн, Ю. Кавамура и др. (Crane, 2000; Kawamura, 2005).

В отечественной социологии основные исследования моды приходятся на вто-

рую половину XX в. В работах А. Б. Гофмана, Е. Я. Басина, В. М. Краснова, Т. Б. Любимова, Л. В. Петрова, В. И. Толстых мода рассматривается как одна из форм, один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения (Гофман, 2015; Басин, Краснова, 1973: 40-66; Любимова, 1973:67-76; Толстых, 1973:7-39, Петров, 1974). Среди современных социологических исследований в области моды следует отметить работы О. Ю. Гуровой, К. Ю. Михалевой, Л. И. Ятиной (Гурова, 2011: 72-82; Михалева, 2012; Ятина, 2006).

Методологической основой данного исследования послужил преобладающий в последние годы междисциплинарный подход к изучению моды как социокультурного явления, как механизма социальной и культурной регуляции. Такой подход тесно связан с основными ценностями и тенденциями развития современного общества.

В работе «Мода и люди: новая теория модного поведения» А. Б. Гофман рассматривает моду как социальную ценность, на которую указывают модные объекты, которые в глазах последователей моды наделяются модными значениями. Модные ценности – это получивший широкое распространение конкретный устойчивый интерес, обладающий признаками престижности, современности. А. Б. Гофман выделяет атрибутивные (или внутренние) ценности и денотативные (внешние) ценности моды. Внутренние (атрибутивные) ценности обозначают качества, присущие всем модным объектам. К ним относятся: современность, универсальность, демонстративность и добровольность. Денотативные ценности – наиболее мощная движущая сила поведения участников моды. В отличие от неизменных атрибутивных ценностей, денотативные ценности бесконечно многообразны, носят ситуативный характер (Гофман, 2015: 164-182).

Поведение, ориентированное на стандарты и ценности моды можно определить как модное поведение, т.е. такое поведение,

когда человек пытается подражать образцам моды, следовать значимым модным ценностям. Во многом формы модного поведения зависят от ценностных установок, социальной инфраструктуры и информационных технологий, и, соответственно, имеют те или иные особенности.

К. Ю. Михалева считает, что существенной характеристикой современного модного поведения является новый взгляд на возникновение трендов. Тренд модного поведения задается перформативно, т.е. появлению тренда должно предшествовать появление глобального или локального трендсеттера, который задает ту или иную моду или направление в качестве трендового (Михалева, 2012). Таким образом, модное поведение индивида формируется исходя из рекомендации его референтной группы, которая в условиях распространения интернета все более виртуализируется. Это приводит к возрастанию роли социальных сетей и блогерства в конструировании и трансляции модных ценностей и тенденций модного поведения.

Для изучения ценностей и тенденций модного поведения в социальных медиа исследовательской группой Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова весной 2020 г. было проведено эмпирическое исследование с опорой на методы глубинных интервью и контент-анализа публикаций социальных медиа. Применение двух методов позволило проанализировать индивидуальное и массовое восприятие моды и модных тенденций и составить более цельную картину представлений о моде и модном поведении в сознании индивидов.

На первом этапе были проведены глубинные интервью с представителями модной индустрии. Отбор респондентов для глубинных интервью проводился в соответствии со следующими эмпирическими правилами: активное использование ими социальных сетей, регулярное отслеживание модных новинок в различных сферах моды, адаптация некоторых проявлений модных тенденций в собственной жизни. В числе

опрошенных присутствовали фэшн-фотографы и модели, погруженные во взаимодействие с социальной группой, формирующей модные тенденции и в большей степени подверженной влиянию модных тенденций, что позволяет говорить о том, что выборочная совокупность обладает чертами дискурсивной компетентности и типичности.

Глубинные интервью проводились по заранее составленному авторами плану. Опросный лист содержал 4 блока вопросов:

1. Основные характеристики респондентов;
2. Блок вопросов об основных ценностях моды;
3. Блок вопросов о тенденциях модного поведения;
4. Блок вопросов о блогерстве в сфере моды;

Данные о респондентах собирались в формате онлайн-анкеты. Вопросы из блоков № 2-4 задавались в формате личной беседы. Всего в исследовании приняло участие 12 человек. Средняя продолжительность одного интервью – 80 минут.

В исследовании участвовали девушки в возрасте 21-31 лет, активно использующие социальные сети и мессенджеры (3-5 часов в день), а также ведущие собственные блоги и осуществляющие активность на странице ежедневно. Чаще всего участники интервью публикуют свои фотографии, делятся мнениями, новостями и модными находками в еде, косметике, брендах; наиболее частым форматом публикаций являются истории, в которых пользователи делятся некоторыми моментами своей жизни («лайфстайл сторис»).

Особый интерес для опрошенных представляет контент бьюти-, арт-, фэшн-, кулинарных и лайфстайл блогеров, что говорит о том, что область интересов составляют блогеры, связанные с профессиональным статусом респондентов (психология, фотография и т.д.) или личными интересами (например, путешествия, рекомендации фильмов и книг). Таким образом, ис-

ходным пунктом в формировании представлений о моде являются личные и профессиональные интересы пользователей – на основе уже имеющихся мировоззренческих и опытных конструкций пользователь формирует вокруг себя определенное информационное облако, фильтрующее шум и предлагающее уникальные видения модных тенденций.

На втором этапе проведения авторского эмпирического исследования был осуществлен анализ содержания сообщений на тему моды и модного поведения, опубликованных в социальных медиа. В качестве метода исследования использовался контент-анализ; в качестве инструмента исследования – автоматическая система мониторинга СМИ и Social Media Медиалогия. Базу данных анализируемых Медиалогией материалов составляют 52 тыс. источников традиционных СМИ и 250 тыс. платформ, включающих более 900 млн. аккаунтов социальных медиа. Медиалогия располагает собственной высокотехнологичной разработкой, которая обрабатывает около 500 тыс. сообщений СМИ и 100 млн. сообщений Social Media ежедневно. В настоящее время Медиалогия является лидером на рынке аналитических продуктов, осуществляющим наиболее полный и качественный мониторинг СМИ и социальных медиа.

Смысловые единицы для проведения контент-анализа были выделены с учетом выявленных в ходе глубинных интервью модных тенденций. Основные смысловые единицы: мода, экологическая сознательность, экологическая рациональность, рациональное потребление, вторичная переработка, бодипозитив. В качестве дополнительных смысловых единиц выступили следующие концепты: fashion, recycle, reuse, reduce, bodypositivity.

Аналізу подверглись публикации за период 17.04.2019 – 17.04.2020 г.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализ ответов респондентов глубинных интервью проводился согласно выделенным тематическим блокам.

Блок вопросов про ценности. Большинство опрошенных согласились, что современные ценности моды ориентированы на представителей поколения «Z» и «Y». Модные проекты, построенные на ценностях патриархального общества, все меньше привлекают внимание молодой аудитории. Анализ мнения респондентов относительно ценностей моды позволил выделить следующие ценности моды:

1. Равенство и толерантность.

«За последние несколько лет ценность расового равенства оказалась на пике популярности. Поэтому сегодня и на модных показах, и в рекламе в инстаграме дизайнеров можно увидеть представителей разных культур». (Мария, 27 лет).

2. Естественность и искренность.

«Молодые люди не хотят соответствовать навязанным стереотипам, а хотят оставаться собой. Поэтому им интересны обычные люди, а не фальшивый гляцевый блеск. Все чаще в модной индустрии задействуют популярных в народе интернет-пользователей». (Елена 23 года).

«Неидеальные фото, без ретуши, снятые на телефон становятся новым идеалом в социальных сетях». (Екатерина, 21 год).

3. Гендерная нейтральность.

«Свобода самовыражения, поддержка ЛГБТК-сообществ. На подиуме можно встретить женщин на мужских показах и наоборот» (Милана, 21 год).

4. Активная социальная позиция.

«В период пандемии и вынужденной самоизоляции было модным активно продвигать идею «оставайся дома» (Анна, 24 года).

5. Экологичность.

«Появляются новые экобренды, которые по-разному проявляют заботу об окружающей среде. Это может быть использование переработанных материалов или экоупаковка или отказ от тестирования на животных». (Екатерина, 21 год).

Блок вопросов о тенденциях модного поведения в социальных медиа. Оценка ре-

спондентами актуальности модных тенденций представлена приведенным ниже разнобразием взглядов. По мнению опрошенных, актуальность тенденции измеряется восприятием аудитории, ее активностью. Например, такая тенденция как показное потребление (использование потребления для доказательства обладания богатством, как средства поддержания репутации, имитации социального благополучия) может вызывать как интерес, так и отторжение. Несмотря на признание аудиторией того факта, что показное потребление не несет в себе искренности, что оно лицемерно, чрезмерно и, чаще всего, коммерциализированно, демонстрация потребления является наиболее успешным инструментом маркетинга. Все респонденты оценивают данную тенденцию как наиболее актуальную, прогнозируя трансформацию тенденции показного потребления в долгосрочной перспективе.

Одним из аспектов трансформации тенденции на демонстрацию потребления большинство респондентов называет переход (или непереход) к экологически осознанному потреблению. С одной стороны, инфлюенсеры – наиболее влиятельные потребители престижных товаров – не спешат транслировать идею экологической рациональности своей публике, хотя имеют для этого все возможности. С другой стороны, социальный заказ на трансляцию идеи разумного подхода к жизни уже сформирован. Респондентами признается, что российскому информационному пространству не хватает экологичности, что проявляется, например, в чрезмерном потреблении косметических препаратов, большинство из которых тестируется на животных. Существуют небольшие блоги, в которых люди делятся своим экологическим опытом, однако их ресурсов недостаточно для ответа на потребность в экологической информации. Возможным выходом из этой ситуации является создание крупных эко-блогов или введение администрацией социальных сетей обязательного требования к публика-

ции инфлюенсерами экологически-значимых публикаций, однако трансформировать массовое сознание в сторону рациональности потребления будет сложнее, если трансляция этой идеи не будет подкреплена созданием соответствующей инфраструктуры.

Бодипозитив как проявление переосмысления отношения к телесности является очень спорной и крайне неоднозначной тенденцией, но, тем не менее, она существует в тесной связи с феминизмом и все чаще проявляется в различных аспектах сферы моды. Мнения опрошенных разделились: примерно половина опрошенных считает, что бодипозитив неблагоприятно влияет на здоровье людей и разрушает объективность восприятия; оставшаяся часть опрошенных считает, что данное течение показывает новые стороны человека. В любом случае, тенденция бодипозитива проявляется в разных формах все чаще, поэтому стоит ожидать расширения влияния идеологов бодипозитива.

Таким образом, по мнению респондентов, наиболее актуальными в социальных медиа являются тенденции показного потребления, переход к экологически осознанному потреблению, бодипозитив.

Блок вопросов о блогерстве в сфере моды. Все респонденты отметили возрастание роли блогеров в системе формирования и трансляции модного поведения.

«Фешен-блогер» имеет достаточно значимую роль в мире моды. Он является связующим звеном между модой и обычным человеком, показывает, как ее можно использовать в обычной жизни» (Мария, 27 лет).

Рост популярности блогеров приближает их к тематически независимым СМИ, превращая посредническое положение в профессиональный статус, предполагающий возможность непосредственного взаимодействия с представителями модной индустрии и получения прибыли от блога. Набирает силу «маркетинг влияния», продвижение модных брендов в социальных

сетях при помощи модных блогеров, лидеров мнений.

«Блог становится площадкой для информации о моде. Эта информация проходит через призму собственного вкуса блогера и донесения ее до уровня читателя. Из собственного хобби блог превращается в профессиональную деятельность, которая приносит немалый доход» (Полина, 26 лет).

В качестве причин такого резкого возрастания роли блогерства было высказано мнение о доверии со стороны аудитории.

«Блогеры воспринимаются аудиторией не как знаменитости, а как обычные люди, что вызывает к ним больше доверия. Блогер делится не только знаниями о моде, но и своими эмоциями и чувствами. Ему можно задать свои вопросы, что не сделаешь с гляцевым журналом» (Елена, 23 года).

Большинство респондентов связывают нарастание тенденции «показного потребления» с распространением феномена блогерства. Действительно, подписчики популярных блогеров стремятся соответствовать своим кумирам хотя бы в нескольких деталях. Показное потребление отходит от формата «стиль жизни» и становится инструментом продвижения блога и формирования нового образа потребителя.

Таким образом, на этапе проведения глубинных интервью были выявлены ценности моды, обозначены основные тенденций модного поведения с точки зрения представителей модной индустрии. Для дальнейшего исследования тенденций модного поведения был проведен контент-анализ содержания сообщений на тему моды и модного поведения, опубликованных в социальных медиа.

В результате проведения контент-анализа публикации, упоминающие различные проявления модных тенденций, были сгруппированы в тематически схожие кластеры. Первым кластером, отражающим модную тенденцию нашего времени, является мода на здоровый образ жизни, проявляющаяся в соответствующих практиках питания и ежедневной активности.

Вторым кластером является противоречивая, но все же имеющая место быть мода на приписывание себе признаков психических заболеваний, что, возможно, связано с доступностью соответствующих знаний, с расширением возможностей для самовыражения, а также с ростом «поддержки» музыкальной и киноиндустрии.

Еще одной тенденцией в модном поведении, представляющей третий кластер, является отказ от излишеств – авторы публикаций в социальных сетях призывают провести «ревизию шкафов» и оставить только самое необходимое; что касается одежды, то подписчикам рекомендуется научиться грамотно сочетать классику и современность, не забывая о практичности и удобстве.

Безусловно, ситуация, которую переживает мир в настоящее время, наложила отпечаток и на индустрию моды. Изменения, коснувшиеся индустрии моды в период пандемии, можно условно объединить в четвертый кластер модных тенденций.

Публикации с упоминанием выделенных ранее тенденций показного потребления, к переходу на экологически осознанное потребление и к принятию себя также были сгруппированы в отдельные тематические кластеры и проанализированы.

Обратившись к статистике употребления концептов «показное потребление» и «демонстративное потребление» в социальных медиа, мы обнаружили, что такие публикации имеют ярко выраженную негативную тональность, связанную, в большей степени, с сожалением о том, что современная личность находится в подчинении у этой идеи, испытывая глубокий кризис бытия. Особенно сильное влияние идеи показного потребления имеют на представителей более низкого социального статуса. Помимо этого, было выявлено, что дополнительным фактором, оказывающим влияние на демонстрацию блогером престижности потребления, является активная социальная позиция. То есть, социально активные блогеры выражают себя, демонстрируя имею-

щиеся блага, а потребители контента интернализируют транслируемые шаблоны потребления и стремятся к реализации этих шаблонов в своей жизни, хотя не всегда располагают соответствующими возможностями.

Что касается употребления концептов к переходу на экологически осознанное потребление в контексте моды, то здесь было обнаружено интересное наблюдение: в настоящее время потребители модных эко-товаров не воспринимают себя как часть модного потребления. Наоборот, они противопоставляют себя современным «модникам», голосуют за необходимость развития идеи рационального потребления. Сторонники «минимализма» пишут в блогах о переходе к экологическому туризму, об использовании продуктов вторичной переработки (например, пряжа из бутылок), об использовании шопперов и многоразовых мешочков, о сортировке мусора. Сторонники идеи рационального потребления готовы заплатить более высокую цену за товар, если будут знать, что он соответствует их идее.

Что касается частоты и качества употребления концептов «бодипозитив» и «bodypositivity», то в данном случае основанием для объединения послужит не только смысловая составляющая публикаций, но и тональность сообщений. Изучение тональности публикаций на тему бодипозитива связано с дискуссионным характером этого течения.

Первая группа связана с текущей ситуацией: коронавирус «взял и просто вынес на помойку такие наиважнейшие вопросы современного общества, как <...>, борьба за гендер, марши за бодипозитив, войны за феминитивы, вегетарианская инквизиция и прочая чушь...». Бодипозитив воспринимается как «ложная стратегия», которая наряду с идеями чайлдфри, внебрачного партнерства и т.д. противоречит консервативным ценностям. Эта группа публикаций имеет ярко выраженный негативный эмоциональный окрас.

Вторая группа публикаций сводится к дискуссии о сути бодипозитива – принятие себя как форма смирения с невозможностью измениться (например, в связи с определенными заболеваниями) или использования идеи бодипозитива в феминистических движениях (например, отказ от ухода за собой как форма протеста против патриархальных устоев). Эта группа имеет скорее нейтральный эмоциональный окрас и сводится к полемике о предмете течения и его приложении к иным современным течениям.

Третью группу публикаций составляют сообщения на тему красоты естественности и заботы о себе как нормальной составляющей человеческой жизни. Эта группа имеет ярко выраженный позитивный окрас, поскольку публикации о красоте естественности и необходимости заботы о себе представляют собой конструктивную поведенческую стратегию.

Четвертую группу составляют публикации более радикального характера. Эта группа публикаций тесно связана со второй группой, а именно – со спекулированием на идее бодипозитива и провозглашением бодипозитива как средства реализации идей феминизма.

Пятая группа публикаций относится, скорее, к спаму – использование хештегов #бодипозитив и #bodypositivity производится с целью привлечения внимания к фотографиям, предметам одежды, продуктам творчества.

Интересное применение в контексте данного течения находит мода на оверсайз: для некоторых это способ сокрытия недостатков; для некоторых – подчеркивания недостатков и, возможно, возведение их в абсолюте. Причем термин «оверсайз» применяется не только в отношении одежды, но и в отношении человека. То есть восприятие человека отходит от целостности и становится фрагментарным. Дробление восприятия человека через социальные сети приводит к тому, что человек воспри-

нимается через визуальный облик, а не через признание единства материального и идеального.

Таким образом, контент-анализ содержания публикаций в социальных медиа позволил расширить выявленный на первом этапе исследования спектр актуальных тенденций в модном поведении. Выявленные ранее тенденции показного потребления, переход к экологически осознанному потреблению, бодипозитив были конкретизированы и дополнены такими тенденциями, как здоровый образ жизни, отказ от излишеств, приписывание себе признаков психических заболеваний.

Заключение (Conclusions). В результате проведенного исследования было выявлено, что современная мода находится в процессе постоянного усложнения, сейчас особенно ясно проявляется ее влияние на стиль жизни индивида и общества, а также индивидуальное и коллективное мироощущение. Установлено, что в настоящее время пространство моды находится в процессе перестройки, вызванной как распространением новых информационных технологий, так и адаптацией к последствиям распространения коронавирусной инфекции. Ожидается, что текущая ситуация кардинально изменит как визуальные, так и институциональные проявления моды.

Выявленные актуальные представления о моде и модном поведении на основе проведения серии глубинных интервью с пользователями социальных сетей и контент-анализа российских и зарубежных социальных медиа позволили сделать ряд выводов.

Во-первых, модный контент социальных медиа ориентирован на представителей поколений «Z» и «Y». Ценности моды, транслируемые в социальных медиа, апеллируют к ценностям новых поколений. Так, ключевыми ценностями модного поведения, транслируемыми социальными медиа, можно назвать равенство, толерантность,

гендерную нейтральность, активную социальную позицию, экологичность, естественность.

Во-вторых, формируемые в сознании потребителей медиа-контента представления о моде способствуют повышению доли потребления в пространстве моды. Несмотря на выявленную негативную тональность медиа-контента на тему показного потребления, на сегодняшний день именно эта тенденция является наиболее актуальной. Нарастание тенденции показного потребления во многом связано с распространением блогерства. Феномен показного потребления отходит от формата «стиль жизни» и становится инструментом продвижения блога и формирования нового образа потребителя, то есть инструментом управления, манипуляции. Помимо этого, было выявлено, что дополнительным фактором, оказывающим влияние на демонстрацию блогером престижности потребления, является активная социальная позиция.

В-третьих, намечается переход от потребительского сознания к экологическому сознанию (идеи экологически рационального потребления), и к аскетичному потреблению. Увеличивается количество публикаций, содержащих идеи того, как покупать осознанно только необходимые вещи, как сократить количество отходов, как по-новому использовать непригодные, на первый взгляд, вещи, как максимально использовать возможности вторичной переработки. Реализующиеся в настоящее время проекты показывают, что мода на осознанное потребление постоянно развивается и расширяется. При наличии соответствующей инфраструктуры тенденция на экологичность станет реальностью для большинства. Уже сейчас экологичное направление в моде создает новые контуры среды обитания человека и его поведенческих стратегий. Понимание актуальности экологичного образа жизни постепенно проникает в сознание пользователей социальных сетей, однако трансформация массового сознания в сторону рациональности потребления требует

создания соответствующей инфраструктуры.

В-четвертых, модная тенденция, направленная на изменение отношения к собственному телу, переосмысление отношения к телесности («бодипозитив») остается спорной и крайне неоднозначной тенденцией. Анализ тональности публикаций на тему бодипозитива демонстрирует широкий спектр мнений от полного принятия до отказа, что не позволяет прогнозировать массовое распространение данной тенденции в ближайшей перспективе.

В-пятых, возрастание роли блогеров в системе формирования и трансляции модного поведения трансформирует их посредническое положение между модной индустрией и широкими массами в профессиональный статус, приравнивая их к узкоспециализированным СМИ.

Обозначенные выше тренды показывают, что мода находится в процессе постоянного расширения спектра разнообразия ее проявлений, а благодаря социальным медиа не только увеличивается скорость и масштаб распространения модных ценностей и стратегий поведения, но и формируются новые векторы развития моды.

Выявленные в данном исследовании тенденции и приведенные классификации составляют базу для проведения дальнейших, более узконаправленных, исследований, актуальность которых, с признанием динамичности моды как социального явления и беспрецедентности ситуации, связанной с развитием средств электронной коммуникации, будет только расти. Помимо теоретического применения, полученные результаты могут быть использованы государственными органами, средствами массовой информации, PR-агентствами, рекламными компаниями для понимания процесса конструирования представлений о моде и модном поведении, факторов, влияющих на него, особенностей представлений о моде и модном поведении в сознании индивидов и основных тенденций моды и модного поведения.

Список литературы

Абрамов Р. Н. Методологические и содержательные аспекты социальных исследований блогов: аналитический обзор // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2012. № 35. С. 90-118.

Барт Р. Система Моды / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.

Басин Е. Я., Краснов В. М. «Гордиев узел» моды // Мода: за и против. М.: Искусство, 1973. С. 40-66.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000.

Веблен Т. Б. Теория праздного класса / Пер. с англ. С. Сорокиной. М.: Либроком, 2011.

Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Книжный Дом «Университет», 2015.

Гурова О. Ю. Социология моды: обзор классических концепций // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 72-82.

Зиммель Г. Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 266-291.

Липовецкий Ж. Империя эфемерного: мода и ее судьба в современном обществе / Пер. с фр. Ю. Розенберг. М.: Новое лит. обозрение, 2012.

Любимова Т. Б. Мода и ценность // Мода: за и против. М.: Искусство, 1973. С. 67-76.

Михалева К. Ю. Мода и новые медиа. Часть I, 2012. URL: https://www.brainity.moscow/society/trends/moda_i_novye_media_chast_ii/ (дата обращения: 15.08.2021).

Петров Л. В. Мода как общественное явление. Л., 1974.

Толстых В. И. Мода как социальный феномен // Мода: за и против. М.: Искусство, 1973. С. 7-39.

Ятина Л.И. Мода глазами социолога. СПб.: Элексис Принт, 2006.

Aspers P., Godart F. Sociology of fashion: Order and change // Annual rev. of sociology. Palo Alto (CA). 2013. Vol. 39. P. 171-192.

Blumer H. Fashion: from Class Differentiation to Collective Selection // The Sociological Quarterly. 1969. Vol. 10. № 3. P. 275-291.

Bourdieu P. Distinction: a Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

Chesebro J., McMahan D., Russett P. Internet Communication. Bern: Peter Lang Publishing, 2014.

Crane D. Fashion and its social agendas: class, gender, and identity in clothing. Chicago: University of Chicago Press, 2000.

Dewdney A., Ride P. The New Media Handbook. London: Routledge, 2006.

Kawamura Y. Fashionology. An introduction to fashion studies. Oxford: Berg, 2005.

Matthews L. Social Media and the Evolution of Corporate Communications // The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2010. Vol. 1. P. 17-23.

Miller C., McIntyre S., Mantrala M. Toward Formalizing Fashion Theory // Journal of Marketing Research. 1993. Vol. 30 (2). P. 142-157.

Zhang C. Fashion Blogs: The New Member in Fashion Industry // Journal of Digital Research and Publishing. 2010. Vol. 3, № 1. P. 153-161.

References

Abramov, R. N. (2012), "Methodological and Substantive Approaches to Social Studies of Blogs: an Analytical Review", *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (sociology: 4m)*, (35), 90-118. (in Russian)

Bart, R. (2003), *The Fashion System*, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, Moscow, Russia. (in Russian)

Basin, E. Ya. and Krasnov, V. M. (1973), "Gordian knot of fashion", in *Fashion: pros and cons*, Moscow, Russia, 40-66. (in Russian)

Baudrillard, J. (2000), *Symbolic Exchange and Death*, Dobrosvet, Moscow, Russia. (in Russian)

Veblen, T. (2011), *Theory of the Leisure Class*, Librokom, Moscow, Russia. (in Russian)

Gofman, A. B. (2015), *Fashion and People. New Theory of Fashion and Fashion Behavior*, Knizhny Dom «Universitet», Moscow, Russia. (in Russian)

Gurova, O. Yu. (2011), "Sociology of fashion: review of the classical theories", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (8), 72-82. (in Russian)

Simmel, G. (1996), Fashion, in Simmel, G. *Selected Writings. Vol. 2 The View of Life. Fashion*, Yurist, Moscow, Russia. (in Russian)

Lipovetsky, J. (2012), *The Empire of the ephemeral: fashion and its fate in modern society*, Translated by Rosenberg, Yu., Novoe lit. review, Moscow, Russia. (in Russian)

Lyubimova, T. B. (1973), "Fashion and value", in *Fashion: pros and cons*, Iskusstvo, Moscow, Russia, 67-76. (in Russian)

Mikhaleva, K. Yu. (2012), "Fashion and new media. Part I" [Online], available at: https://www.brainity.moscow/society/trends/moda_i_novye_media_chast_ii/ (Accessed 15 August 2021). (in Russian)

Petrov, L. V. (1974), *Fashion as a social phenomenon*, Leningrad, Russia. (in Russian)

Tolstykh, V. I. (1973), "Fashion as a social phenomenon", in *Fashion: pros and cons*, Iskusstvo, Moscow, Russia, 7-39. (in Russian)

Yatina, L. I. (2006), *Fashion through the eyes of a sociologist*, Elecsis Print, St. Petersburg, Russia. (in Russian)

Aspers, P. and Godart, F. (2013), "Sociology of fashion: Order and change", *Annual rev. of sociology*, 39, 171-192.

Blumer, H. (1969), "Fashion: from Class Differentiation to Collective Selection", *The Sociological Quarterly*, 10 (3), 275-291.

Bourdieu, P. (1984), *Distinction: a Social Critique of the Judgement of Taste*, Harvard University Press, Cambridge.

Crane, D. (2000), *Fashion and its social agendas: class, gender, and identity in clothing*, University of Chicago Press, Chicago.

Chesebro, J., McMahan, D. and Russett, P. (2014), *Internet Communication*, Peter Lang Publishing, Bern.

Dewdney, A. and Ride, P. (2006), *The New Media Handbook*, Routledge, London.

Kawamura, Y. (2005), *Fashionology. An introduction to fashion studies*, Berg, Oxford.

Matthews, L. (2010), "Social Media and the Evolution of Corporate Communications", *The*

Elon Journal of Undergraduate Research in Communications, 1, 17-23.

Miller, C., McIntyre, S. and Mantrala, M. (1993), "Toward formalizing fashion theory", *Journal of marketing research*, 30 (2), 142-157.

Zhang, C. (2010), "Fashion Blogs: The New Member in Fashion Industry", *Journal of Digital Research and Publishing*, 3 (1), 153-161.

Статья поступила в редакцию 03 августа 2021 г. Поступила после доработки 12 сентября 2021 г. Принята к печати 14 сентября 2021 г.

Received 03 August 2021. Revised 12 September 2021. Accepted 14 September 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Агаджанова Карина Эрнестовна, магистр социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Зимова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социального конструирования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Karina Er. Agadzhanova, Master in Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Natalya S. Zimova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Engineering, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

УДК 316.4.06

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-3

Research article

Tatiana A. Guzhavina
Nikolay N. Yasnikov

Values and Social Capital of the Regional Community
in Russia

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
54A, Gorky St., Vologda, 162000, Russia
tanja_gta@mail.ru

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences)
54A Gorky St., Vologda, 162000, Russian Federation
nyasnikov94@mail.ru

Abstract. The transformations of modern social reality focus our attention on understanding the processes in the modern globalizing world. As a result, many researchers claim there is a deep civilizational shift taking place. The processes that we observe are not only external by their nature, there are also deep changes concerning the value attitudes of this shift. With the evolution of society there has been an expansion and deepening of ideas about its value system. Contemporary Russian society is a rather contradictory construct based on various, sometimes mixed value attitudes. Based on social relations, values serve as the foundation for the social capital formed in the networks of these relations. We study the connections and dependencies of the respondents' choice of a particular value on the level of accumulated social capital. The study applies the authors' methodology for determining the level of accumulated social capital based on its integrated index. The methodology measures the level of accumulated social capital in the region and demonstrates its distribution among its carriers. The study showed a decrease in the integral index of social capital as a consequence of the pandemic, which led to restrictions on social ties. Based on M. Weber's method of "value attribution" or attributing meaning, a list of values characterizing the main spheres of an individual's life activity was determined, negative and positive connections between respondents' choice of values and their belonging to a group with accumulated social capital were revealed. The research reveals a number of problems that require further study.

Keywords: values; region; social capital; index of social capital; method of "value attribution"

Acknowledgments. The article was financially supported by the RFBR-RSF (Russian Foundation for Basic Research – Russian Science Foundation) within the framework of research project No. 20-011-00326 "Collective Actions and Social Capital in the Russian Society".

Information for citation: Guzhavina, T. A. and Yasnikov, N. N. (2021), "Values and Social Capital of the Regional Community in Russia", *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 22-33, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-3.

Гужавина Т. А.
Ясников Н. Н.

Ценности и социальный капитал российского
регионального сообщества

ФГБУН Вологодский научный центр РАН
ул. Горького, 56 А, Вологда, 162000, Россия
tanja_gta@mail.ru

ФГБУН Вологодский научный центр РАН
ул. Горького, 56 А, Вологда, 162000, Россия
nyasnikov94@mail.ru

Аннотация. Преобразования современной социальной реальности актуализируют внимание на понимании происходящих процессов в современном глобализирующемся мире, что позволяет ученым заявлять о глубинном цивилизационном сдвиге. При этом, процессы, которые мы наблюдаем, затрагивают саму сущность ценностных оснований человеческого сообщества. С эволюцией общества происходило расширение и углубление представлений о его ценностной системе. Современное российское общество представляет собой достаточно противоречивый конструкт, основанный на разнообразных, порой противоречащих друг другу ценностных основаниях. Являясь основой социальных отношений, ценности служат базовым основанием формирующегося в сетях этих отношений социального капитала. Исследовались связи и зависимости выбора респондентами той или иной ценности от уровня накопленного социального капитала. В исследовании использовались авторская методика определения уровня накопленного социального капитала на основе его интегрального индекса. Методика позволила измерить уровень накопленного социального капитала в регионе и показать его распределение среди носителей. Исследование показало снижение интегрального индекса социального капитала вследствие пандемии, приведшей к ограничениям социальных связей. Опираясь на разработанный М. Вебером метод «отнесения к ценности» или придания значения, был определен перечень ценностей, характеризующих основные сферы жизнедеятельности индивида, выявлены отрицательные и положительные связи между выбором респондентами ценностей и их принадлежностью к группе с накопленным социальным капиталом. Исследование выявило ряд проблем, требующих дальнейшего изучения.

Ключевые слова: ценности; регион; социальный капитал; индекс социального капитала; метод «отнесения к ценности»

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ-РНФ в рамках научного проекта № 20-011-00326 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Информация для цитирования: Гужавина Т. А., Ясников Н. Н. Ценности и социальный капитал российского регионального сообщества // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 22-33 DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-3.

Introduction. The role and significance of values in the life of society are extremely vital. They largely explain the changes taking place in the society. Crisis phenomena can lead to their revaluation, shift the course of value development, as well as give rise to a shortage of established values shared by many or most people in the society. According to data obtained by ZIRCON Research group during the implementation of the project "Value Solidarity and Public Trust", Russian society appears to be a very complex and contradictory construct¹.

Values as a research topic are currently becoming more and more relevant. It is also highly important to study values, value attitudes, and their systems comprehensively due to the need to find ways to influence them in order to prevent conflicts in the society and re-focus on positive goals. Estimations that the former values lose their functional purpose are most often "unsubstantiated statements" (Parsons, 2018).

Representing a concentrated expression of accumulated historical experience and cultural heritage of any ethnic group, values serve as guidelines which bring individuals' actions to correlation. Values are a social product, the result of vital activity of a society or a social group. Researchers believe that only a value that is recognized and serves as a reference point of behavior is of certain significance for an individual. M. Rokeach defines value as «an enduring belief that a specific mode of conduct or end-state of existence is personally or socially preferable to an opposite or converse mode of conduct or end-state of existence» (Rokeach, 2015: 305).

The values prevailing in the society serve as a functional indicator for analyzing personal and cultural changes as a response to historical and social changes. This explains such attention to them from the world research community, as well as the availability of various research methods. The best known are studies by G. Hofstede, which identified the

correlation between values and the level of economic and political development (Hofstede, 2001). Inglehart's research found significant differences in the value systems of countries depending on the level of their democratic and economic development (Inglehart, 1997). Schwartz's survey also analyzed the relations between value systems and economic performance. (Schwartz, 2004: 43-73). These studies also shed light on Russia. For example, according to Hofstede's survey, the country is characterized by average values (Hofstede, 2001). According to Inglehart, Russia, while being closer to the pole of survival, is rather rationalistic (Inglehart, 1997). According to the Schwartz Scale of Values, it is currently located at the intersection of Embeddedness, Hierarchy and Mastery (Schwartz, 2004). The developed methods were also used by Russian researchers. For example, according to the results of the study on Schwartz measurements published in 1999, Russian students demonstrated higher value indicators compared to those from both Eastern and Western Europe (Lebedeva, 1999).

All these studies show a significant impact of social factors reflecting people's relationships in certain socio-economic conditions on the development of a society. It turns out that cultural traditions and value attitudes greatly influence social capital (Lebedeva, Tatarko, 2010). Therefore, the study of the relationship between values and social capital in a territorial community is of particular research interest for the present study.

Theoretically, the purpose of the article is to identify the relationship between values and social capital. Methodologically, the purpose is to test the developed methodology for constructing an integrated index of social capital in order to identify the value preferences of its carriers depending on belonging to a particular group of social capital. The empirical part involves identifying

¹ Value Solidarity and Public Trust in Russia. Available at: <http://doverie.zircon.tilda.ws/> (Accessed: 20.07.2021).

and studying the distribution of values depending on the respondents' belonging to a group with accumulated social capital.

Methodology and methods. Over time, science has formed an understanding that all spheres of human life have a value basis. According to researchers, the interpretation of the category commonly includes "...characteristics that can be considered by an individual or public consciousness as socially significant and at the same time act as an element of a holistic positive image of the world" (Zemtsova, 2015: 136).

The category of value was introduced into sociology thanks to Max Weber and his theory of social action based on the thesis formulated within the framework of the neo-Kantian approach about the relations between the values which a person possesses and which indicate an individual's codes of conduct and the goals of their activity with the possible interpretation of their actions. Weber also successfully applied the method of «value attribution». It was developed by H. Rickert, who represented the Baden school based on the neo-Kantian approach, which laid the methodological ground of the research. According to H. Rickert, "what cannot be attributed to values has absolutely no meaning" (Rickert, 1908: 100). In this context, values become absolute assessments of an ideal entity, the criteria of which lie beyond the limits of human activity. An entity free from values is at the same time devoid of meaning and value (Rickert, 1998: 336). An important aspect of this method is that it separates the concepts of "value" and "evaluation". According to Rickert, their mixing is a kind of "a disease" of scientific knowledge. "The problem of value is the problem of "value significance" (Geltung), and this issue doesn't coincide with the issue of the existence of evaluation" (Rickert, 1998: 459). This approach helped Weber determine the meaning of an action focused on value through its nature rather than its goal as such, since it is value that is its basis (Weber, 1990).

The ideas of value have evolved with the development of philosophy from epoch to

epoch. This was accompanied by the understanding of new emerging values generated by new historical stages of human social development. The researchers note that the category of value enriched "from the ethical and aesthetic to the ontological, epistemological, methodological and instrumental meaning of this concept" (Fedorov, Blagova, 2016: 137).

As a basis of human relations values are closely connected with social capital, which derives from the established social relations in the society. According to G. V. Rozhkov, this connection is caused by the fact that "social capital is transmitted and reproduced through historical and cultural mechanisms such as traditions, agreed standards and values" (Rozhkov, 2009: 244). Being social in its origin, social capital depends on the intensity and nature of people's relations people, which, in turn, are based on the socially established system of values.

The concept of social capital originally comes from economic studies. R. Putnam and J. Helliwell's comparative analysis of the economic development of regions in Italy helped them understand the role of social relations in economic development (Putnam, Helliwell, 1995).

In further research, R. Putnam connected social capital with trust, standards, networks of relations between people, and showed its ability to influence the coordination of actions. He sees the basic essence of the theory of social capital in recognizing the *value* of networks of relations for the influence of contacts on efficient interaction between subjects such as individuals, groups, or organizations (Putnam, 2001). According to Putnam, public life, expansion of contacts and connections, as well as development and consolidation of standards of interaction are the indicators of presence of social capital.

P. Bourdieu deepens the understanding of social capital, including it into the system of aggregate capital (Bourdieu, 2002). Bourdieu revealed the significant difference between social capital and the previously known forms of aggregate capital, pointing out that the latter

is intangible. This is due to its different nature. Social capital can only arise in the process of interaction and exchange between people. According to Bourdieu, one of the significant conditions for the emergence of social capital is joining a group, which helps acquire “support in the form of collective capital, “reputation”, which ensures loans in all senses” (Bourdieu, 2002: 66). Bourdieu believed that being a member of a group is associated with a certain position or status in the social structure (Bourdieu, 2001). A distinctive feature of social capital (in comparison with other forms of capital) is absence of ownership rights, which stems primarily from its nature as a public good. Being formed in networks of relationships, it is the “property” of all network participants (Guzhavina, 2018).

Currently, the study of social capital is conducted on the basis of national data (Callois, Schmitt, 2009; Dzialek, 2014) and international comparative studies (Knack, Keefer, 1997; Panebianco, 2003).

In our opinion, an important distinguishing feature of social capital is its territorial characteristic since owners of this resource have a certain connection to the territory of their residence (Guzhavina, 2020). This explains the nature of social capital as a “local” product (Polishchuk, Menyashev, 2011).

In the present research, social capital is referred to as networks of social relations based on trust and characterized by common standards, values, and the level of people’s involvement in them; as external effects and results generated by social interaction within these networks and associations that are useful for the society and social groups (Afanasyev, Guzhavina, Mekhova, 2016).

Further analysis is based on the following points. First, social capital is embodied in social relations created by subjects in the process of interaction and social exchange. Second, as social capital is of social nature, its most important structural element includes values affecting the reproducibility of the phenomenon under study. When we speak

of values, we refer to Weber’s approach of “value attribution”. Third, social capital, being a public good, is formed in networks of interaction, and the subjects of interaction act as its carriers, rather than its owners. And finally, carriers of different amounts of social capital differ in their set of values and their rank distribution.

Research methodology. The analysis of social capital of the regional community is based on the method of an indicator model for measuring social capital, which was developed with participation of one of the authors of the present research. The model is based on the index method. This method helps calculate the integrated index of social capital for each respondent using around 49 indicators classified into groups according to 3 main categories defined as “Trust”, “Networks”, and “Values”. “Trust” includes indicators aimed at measuring interpersonal, institutional and general trust. The group “Networks” includes indicators measuring people’s inclusion into networks of relations. “Values” include indicators measuring basic values such as locus of responsibility, attitudes of solidarity and readiness to unite, self-assessment of opportunities to influence the situation at different levels of life (from family to country).

The integrated index of social capital (I_{SC}) is calculated using the formula that includes the main components of social capital: trust, networks, values and standards.

$$I_{SC} = (I_{trust} + I_{networks} + I_{values}) / 3$$

Based on the obtained data, groups of carriers of social capital are determined depending on the level of its accumulation. The next step was grouping, which made it possible to distinguish groups of carriers of social capital depending on the level of its accumulation. Respondents with the lowest level of social capital, who mostly choose options such as “I do not trust”/ “I did not participate” / “I cannot influence in any way”, etc. when answering questions, are classified to the first group – a group with minimal social capital. The second group includes respondents with a higher index referred to as

carriers of low-level social capital. Their answers were also dominated by points such as “I don't trust”/ “I didn't participate” / “I can't influence in any way”, yet there were also positive alternative options. The third group includes respondents with average social capital. Respondents give a lot of positive answers, which results in higher index values. This group turned out to be quite numerous. The fourth group includes those who demonstrate a relatively high-level social capital. This group is characterized by positive attitudes towards trust, readiness to unite or be part of public life, they demonstrate a pronounced internal locus of control. Quite few respondents with high-level social capital are included in the fifth group. Carriers of high-level social capital do not only have positive alternatives to “trust/ participate/influence” in the structure of responses, but also say that they are involved in social activities or are initiators of collective actions, etc. They have a wide range of contacts, they are not only ready, but really use their resources, they are focused on achieving socially significant goals.

The methodology is described in more detail in the collective monograph “Regional

Social Capital in the Conditions of Crisis”, which describes the results of the study conducted by a research team in the framework of the project financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant № 16-03-00188-OGN).

The empirical basis of the research includes data obtained during the implementation of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant №. 20-011-00326 “Collective Actions and Social Capital in the Russian Society” in 2020. The survey was carried out in the cities of Vologda and Cherepovets, as well as in 8 districts of the Vologda Oblast. The representativeness of the sample was ensured by quotas based on gender and age according to the existing structure of the adult population in the cities participating in the survey. Sample size – 1,918 people.

Research Results and Discussion.

Using available data and the research model we analyzed the distribution of social capital among the residents of the Oblast. The research shows that low-level and average social capital, or Types 2 and 3 according to our classification, prevail in the Oblast (Fig. 1).

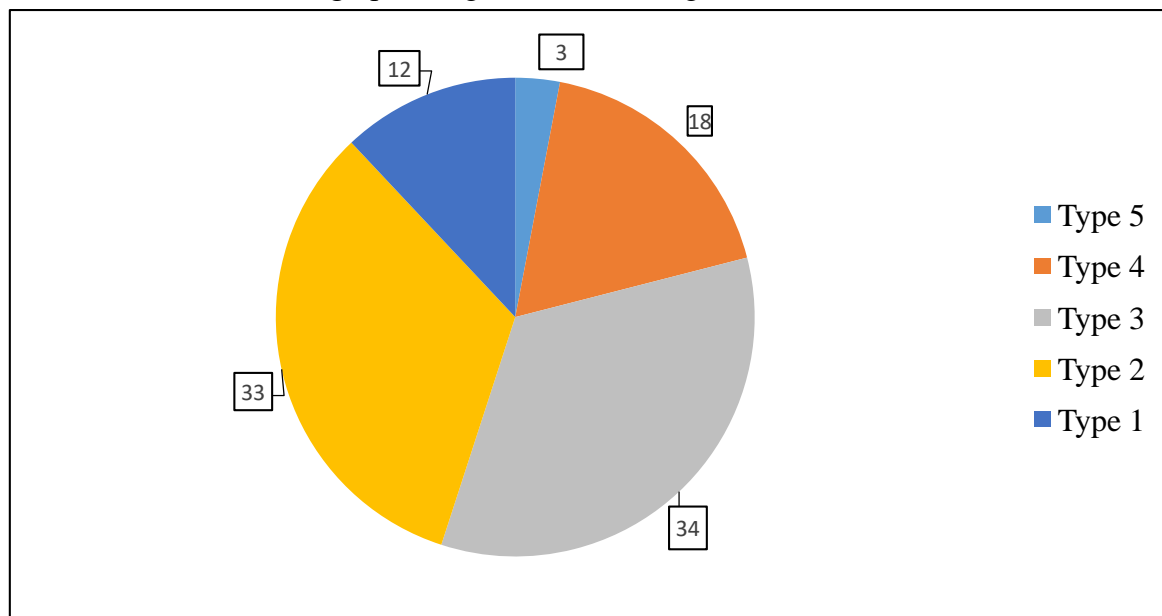

Fig. 1. Population structure of the Vologda region depending on the level of social capital (% of the number of respondents)

It is noteworthy that a significant decrease in the level of social capital was revealed under the influence of the pandemic. According to the 2018 research based on the same methodology, the predominant types in the region were Type 3 and 4. (Regional Social Capital..., 2018) Self-isolation, limited contacts and connections were the factors that decreased the level of social capital in the community. On the other hand, we once again confirmed the fact that social capital is a product of social relations and is generated in the networks of these relations.

We view social capital as an integrated index, so the analysis of its constituent indicators helps better understand its distribution and the situation in the territorial breakdown.

As a product of social relations, social capital is not only based on values available in

the society, but also contributes to the production of those supporting trust and promoting solidarity (P. Bourdieu). Moreover, social capital available to an individual or group affects the formation of attitudes, and consequently, behavior practices in various spheres of life. One of the goals of the present research was to study value attitudes of the population in the Vologda Oblast depending on the level of accumulated social capital relative to the main spheres of human activity.

The set of values presented is formed based on Rokeach's methodology and Weber's approach. The list of values offered to the respondents included those characterizing the main spheres of human life – work, family, social relations, as well as values that create conditions for individual existence and self-fulfillment (*Table 1*).

Table 1

Groups of values by sphere of life

Human	Work	Family	Society
Health	Financially secure life	Love	Trust between people
Development (self-improvement, constant physical and spiritual improvement)	Interesting job	Children	Happiness of the loved ones
Entertainment, high-quality leisure	Successful career	Strong marriage	Having good, loyal friends
Freedom		Happy family life	Public recognition (team's, workmates' and other people's respect)

Below is a brief description of each of the selected groups of values that characterize the main spheres of life depending on their distribution in groups of carriers of social capital.

The first group includes values that are important for people's individual existence. It is conventionally designated as a semantic value group "Human". The absolute value here is physical health. The aspects of possible development, self-improvement, constant physical and spiritual improvement are also important. It is essential for a modern person to use their free time efficiently as it helps them

develop their creative abilities. These indicators are closely related to the respondents' perception of freedom, which provides opportunities in various spheres, including participation in solving significant public issues.

The second group "Work" is related to working activity and includes characteristics of the financial situation, attitude to work and career. It is noteworthy that for the majority of Russians (it is them who make up the group of people who become respondents in surveys) work is the main or the only source of income and, accordingly, financial well-being. An

interesting job and a successful career do not only help individuals fulfill themselves, but also increase the level of their well-being.

The third group “Family” characterizes the sphere of family relations. Family is the environment where an individual is formed and where they realize their human potential and provide future generations. Family values include love, a strong marriage, a happy family life, and children.

The fourth group “Society” includes values related to individuals’ interaction in the social environment. Social relations,

representing the basis of the society, are not always realized and are taken for granted. But they are impossible without trust.

Further analysis of value attribution of a particular indicator will be conducted based on this distribution. During the survey, respondents ranked values according to the degree of their significance on a 10-point scale (Table 2).

In further research, values were correlated with groups of respondents who carried social capital of different types (Fig. 2).

Table 2

Distribution of answers to the question “Can you rank the importance of the values below on a 10-point scale?” (% of the number of respondents)

Value	Point									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Health	0.3	0.2	0.3	0.5	1.5	2.1	4	5.6	7.2	77.8
Development (self-improvement)	2.7	0.8	1.7	2.5	6.7	10.2	10.9	13.8	11	38.5
Entertainment, high-quality leisure	3.9	0.7	2	2.9	7.2	10.1	10.1	12.5	11.9	37.4
Freedom	1.6	0.4	0.4	1.5	2.9	6.6	6.7	11.9	14.2	52.5
Interesting job	4	0.9	0.8	1.1	3.8	6.5	7.4	10.2	11.3	52.4
Financial well-being	0.4	0.2	0.3	0.5	1.6	3.5	4.5	8.8	13.9	65.4
Successful career	4.5	0.4	1.2	2.3	5.4	7.9	9.1	12.9	12.2	42.4
Love	2.5	0.4	0.7	1.6	4.5	4.5	4.7	10.1	11.4	58
Children	1.5	0.1	0.6	1.4	2	3.3	4.2	7.2	8.9	70.3
Strong marriage	2.6	0.2	0.7	1.2	3.4	5.1	6.3	8.8	11.6	58.6
Happy family life	1.7	0.2	0.6	1	3	3.8	4.7	8.6	11.1	64.4
Good loyal friends	0.8	0.3	0.6	1.4	3.4	5	6.6	12.1	13.1	55.5
Public recognition	4.5	0.9	1.9	2.8	5.2	9.7	10.6	13.2	11.8	37.7
Happiness of the loves ones	0.7	0.1	0.2	0.8	2.1	3.4	4	8.2	12.1	67.5
Trust between people	1.1	0.2	0.6	0.6	2.5	4.4	5.5	11.6	12.5	60.1
Confession	8.1	0.7	1.8	3	7.3	10.1	10.1	13.7	10.7	32.7

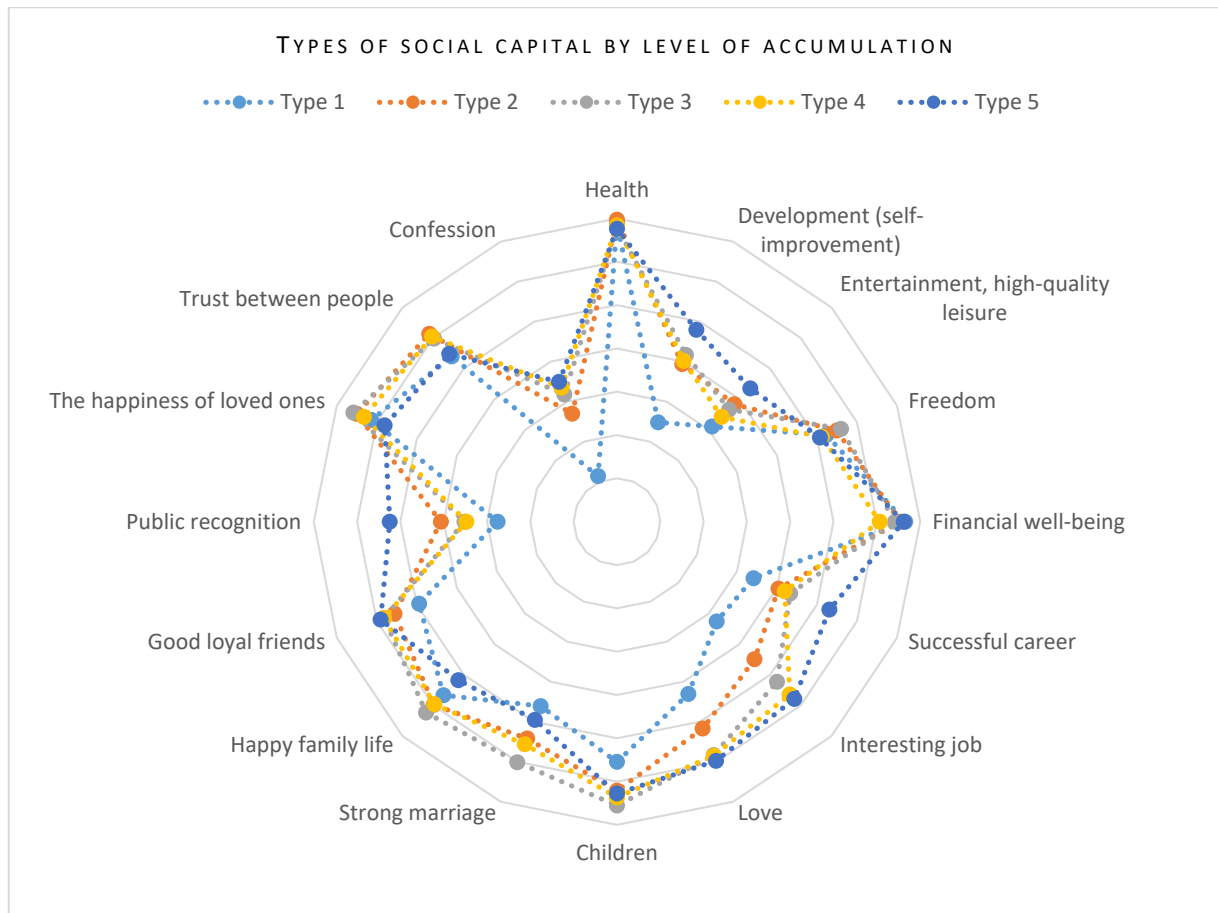

Fig. 2. Distribution of values in groups by level of accumulated social capital

It is important that all respondents ranked confession as the least significant value. In this respect, our research results fully coincide with those obtained by the researchers of the ZIRCON Research group¹. This value is excluded from further analysis. The rank of health as a value is quite understandable. It is ranked as the most important by carriers of all types of social capital.

Values are distributed rather unevenly among the carriers of social capital at different levels (Fig. 1). For comparison, consider the situation with two opposite groups of carriers of minimum and maximum indicators of the integrated index – the first and fifth groups. This comparison most clearly shows the possibilities of the methodology for identifying and describing the structural characteristics of a territorial community.

Respondents with minimal social capital demonstrate almost minimal indices of value attitudes. Among them, those having individualistic aspirations and minimal focus on public interests are at a higher level. They are not interested in personal development, creativity-focused leisure or career. Only 48% of them believe that an interesting and busy life depends on them. To compare, the share of respondents who chose this alternative is about 90% in the fifth group. The representatives of this group are more focused on family, happiness of the loved ones. This once again confirms that they are concentrated on the inner circle, where trust is mainly demonstrated towards relatives, less often towards friends or colleagues. These respondents have a very narrow trust range (Table 3). We have repeatedly noted this sustainable aspect (Guzhavina, Vorobyova, 2018; Guzhavina, Silina, 2018).

¹ Value Solidarity and Public Trust in Russia. Available at: <http://doverie.zircon.tilda.ws/>.

Table 3

Distribution of answers to the question “Who do you think you can trust at this time?”
(%, depending on a group with accumulated social capital)

Option	1	2	3	4	5
No one can be trusted	56	19	12	8	0
Only trust closest friends and family members	41	66	61	43	18
Trust most people they know	3	11	19	32	46
Most people can be trusted		3	6	13	26
Everyone can be trusted without exception	0	1	2	5	11

Trust among the representatives of the fifth group is at a much higher level, which helps them build wider networks of relations. Trust is the most important factor for the formation of social relations, the basis for the stability and integration of society (Shabunova, Guzhavina, Kozhina, 2016).

An indicator of involvement in the system of public relations and the presence of networks where social capital is generated can be the respondents' answers to the question “Do you belong to any public organizations or participate in any events or actions hosted by them?”. Respondents of the first group give negative answers (92%), while 86% of those from the fifth group answer positively.

The attitudes in labor relations in the fifth group are contradictory. The group of values "Labor" characterizes the respondents' opinions regarding labor relations. This is a significant sphere as it provides stable social relations, which serve as the basis for the formation of an individual's social identity. With unstable employment, the spread of short-term and transitional forms of employment, and increased pandemic restrictions, modern world creates risks of losing social identity obtained through labor. This issue of the modern world was addressed by the International Labour Organization¹. The representatives of the fifth group certainly strive for financial well-being, yet they do not directly associate it with career and an interesting job. This is also confirmed by the fact that about half of the representatives of this group believe that “each person who can and

wants to work is able to provide their financial well-being”, while in the fifth group, this opinion is supported by more than 80% of respondents. The difference in the respondents' self-assessment of their financial situation is also significant. In the first group, 5% of respondents rate their own and their family's financial situation as good, in the fifth group – 21%. At the same time, an external locus of control is clearly observed in the first group, while in the fifth group it is internal. The willingness to take responsibility for the state of affairs is directly dependent on the level of accumulated social capital

The representatives of the group with high-level social capital demonstrate a more even distribution of attitudes in various spheres of life.

Conclusions. The analysis of theoretical and methodological approaches to the study of social capital and its impact on the basic values of the population of the region, as well as the results of the research conducted according to the author's methodology help us draw the following conclusions.

First, social capital should be considered as a dynamic resource. Its interpretation as a system of social relations explains the changes in the level of its accumulation and distribution between groups of carriers. It is obvious that changes occur under the influence of external factors. In our case, there was a decrease in the level of social capital in the period from 2018 to 2020 under the influence of pandemic restrictions. Second, Weber' approach of "value attribution" showed its heuristic

¹ The future of work centenary initiative. Report of Director General. International Labour Conference 104th Session, 2015. pp. 5-6. Available at: <https://www.ilo.org> (Accessed: 05.05.2021).

capabilities and demonstrated certain connections between the existing social capital and value attitudes. This is especially evident when comparing diametrically located groups of respondents according to the criterion of social capital accumulation. Value attitudes of carriers of high-level social capital are more evenly distributed. All intermediate groups have certain deviations that reflect the dynamics of transformation of value attitudes, depending on social capital at their disposal. Third, the results of the study provide an idea about the structuring of a territorial community, about the distribution of value attitudes characterizing various groups of carriers of social capital. This, in turn, can become the basis for understanding the purposes for the activity of certain groups in the social or labor sphere, as well as for identifying the reserves of a social organism.

References

- Afanasyev, D. V., Guzhavina, T. A. and Mekhova, A. A. (2016), "Social capital in the region: on the issue of measuring and constructing an indicator model", *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, (6), 110-125. (in Russian)
- Antonenko, I. V. (2015), "The essence of trust as a socio-psychological phenomenon", *Bulletin of the Ural Federal District*, (3), 34-44. (in Russian)
- Bourdieu, P. (2001), *Practical sense*, Aleteya, Saint Petersburg, Russia. (in Russian)
- Bourdieu, P. (2019), "Forms of capital", *Economic Sociology*, 3 (5), 60-74, Available at: www.ecsoc.msses.ru (Accessed 12 July 2019). (in Russian)
- Callois, J. M. and Schmitt, B. (2009), "The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas", *Review of Agricultural and Environmental Studies*, (90), 257-286 (in Russian)
- Dzialek, J. (2014), "Is social capital useful for explaining economic development in polish regions?", *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 96 (2), 177-193.
- Fedorov, V. A. and Blagova, A. S. (2016), "Evolution of the concept of "Value"", *Bulletin of the RUDN. Series: Philosophy*, (1), 128-140. (in Russian)
- Guzhavina, T. A. (2018), "Social capital of the urban community: trust, solidarity, responsibility", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11 (2), 225-230.
- Guzhavina, T. A. (2020), "Social capital of the population of small towns", *Materials of the X International Sociological Grushinskaya Conference "To live in Russia – to live in the world. Sociology of everyday life"*, 2020, Moscow, Russia, 191-195. (in Russian)
- Guzhavina, T. A., Afanasyev, D. V., Vorobyova, I. N. and et al. (2018), *Regional Social Capital in the Conditions of Crisis: monograph*, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia. (in Russian)
- Losskii, N. O. (1931), *Value and being. God and the kingdom of God as the basis of value*, YMCA-PRESS, Paris. (in Russian)
- Panebianco, S. (2003), *The impact of social capital on regional economic development*, ACSP Congress, Lovanio.
- Polishchuk, L. and Menyashev, R. (2011), "The economic significance of social capital", *Economic Issues*, (12), 46-65. (in Russian)
- Putnam, R. and Helliwell, J. (1995), "Economic Growth and Social Capital in Italy", *Eastern Economic Journal*, (21), 295-307.
- Putnam, R. D. (2001), *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, Touchstone Books by Simon & Schuster, New York, USA.
- Rickert, G. (1998), "On the concept of philosophy, the Philosophy of life", "Nika-Center", "Vist-S", Kiev, Ukraine. (in Russian)
- Rozhkov, G. V. (2009), "Genesis of the innovative economy in Russia", in Eroshenkov, S. G. (ed.), Moscow, Russia. (in Russian)
- Shabunova, A. A., Guzhavina, T. A. and Kozhina, T. P. (2016), "Trust and Social Development in Russia", *Problemy razvitiya territorii*, (2), 7-19.
- Svensen, G. T. and Svenddsen, G. L. H. (eds.) (2009), *Handbook of Social Capital: The Troika of Sociology, Political Science and Economics*, Edvard Elgar, Northampton, MA.
- Weber, M. (1999), *Selected works*, Moscow, Russia. (in Russian)
- Zemtsova, E. (2015), "In the Ontological prerequisites for the study of value as a socio-philosophical category", *Socio-Humanitarian Knowledge*, (6), 127-143, (in Russian)

Статья поступила в редакцию 01 августа 2021 г. Поступила после доработки

12 сентября 2021 г. Принята к печати 14 сентября 2021 г.

Received 01 August 2021. Revised 12 September 2021. Accepted 14 September 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Tatyana A. Guzhavina, PhD in Philosophy, Associate Professor, Leading Research Fellow, Vologda Research Center of the Russian Academy

of Sciences, Vologda, Russia.

Nikolay N. Yasnikov, Master of Sociology, Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Гужавина Татьяна Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия.

Ясников Николай Николаевич, магистр социологии, инженер исследователь ФГБУН Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-4

Original article

Vladimir Mentus

**Traditional value orientation and religiosity –
a multilevel analysis across Europe**

Belgrade Institute of Social Sciences
11000, 45, Kraljice Natalije Str., Belgrade, Serbia
vmentus@idn.org.rs

Abstract. In this paper, we examine the relationship between traditional value orientation and religiosity in European societies. While the association between traditional values and religiosity is well-established, no study examined differences in its strength in relation to religiosity on a societal level. Our main aim is thus to test whether this association is moderated by country-level religiosity. Because of the weakened importance of religion in less religious societies, we hypothesized that the effect of religion on individual values is also weaker compared to more religious societies. We used the European Social Survey data, from 2018, with 49,519 respondents from 29 countries. The data indicated a significant but very weak negative moderating effect of country-level religiosity on an individual religiosity and traditional values association. We discuss our findings in the light of the transformation of the traditional relationship between human values and religiosity, as well as a separation between religion and culture.

Keywords: tradition; values; religiosity; European Social Survey; multilevel analysis

Information for citation: Mentus, V. (2021), “Traditional value orientation and religiosity – a multilevel analysis across Europe”, Research Result. Sociology and management, 7 (3), 34-40, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-4

Оригинальная статья

Ментус В.

**Традиционная ценностная ориентация и религиозность –
многоуровневый анализ в странах Европы**

Институт общественных наук Белграда
11000, Сербия, Белград, Кралице Наталие, 45
vmentus@idn.org.rs

Аннотация. В этой статье мы исследуем взаимосвязь между традиционными ценностными ориентациями и религиозностью в европейских обществах. Хотя связь между традиционными ценностями и религиозностью хорошо известна, ни одно исследование не изучало различия в ее силе по отношению к религиозности на уровне общества. Таким образом, наша главная цель – проверить, модулируется ли это объединение религиозностью на страновом уровне. Из-за ослабления значения религии в менее религиозных обществах мы предположили, что влияние религии на индивидуальные ценности в них также слабее по сравнению с

более религиозными обществами. Мы использовали данные Европейского социального исследования за 2018 год, в котором приняли участие 49 519 респондентов из 29 стран. Данные свидетельствуют о значительном, но очень слабом отрицательном сдерживающем влиянии религиозности на уровне страны на ассоциированность индивидуальной религиозности с традиционными ценностями. Мы обсуждаем наши выводы в свете трансформации традиционных отношений между человеческими ценностями и религиозностью, а также разделения между религией и культурой.

Ключевые слова: традиция; ценности; религиозность; Европейское социальное исследование; многоуровневый анализ

Информация для цитирования: Ментус В. Традиционная ценностная ориентация и религиозность – многоуровневый анализ в странах Европы // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 34-40. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-4

Introduction. Traditional values refer to the respect, commitment, and acceptance of the customs and ideas that one's culture or religion provides (Schwartz et al., 2012). They involve a group's need to preserve and honor cultural customs and principles (Abi-Hashem and Driscoll, 2013). Strong traditions define community standards and regulate social behaviors – shared experiences of a group are often expressed through symbols or practices that may take the form of religious rites, belief, or normative behaviors (ibid.). They symbolize the group's solidarity, express its unique worth, and contribute to its survival (Schwartz, 2012a). Also, especially in times of crisis, respect and adherence to these values serve to solidify cultural bonds and develop alliances for support and cohesiveness – societies have relied upon strong cultural bonds to provide coherence for survival and stability through history (Abi-Hashem and Driscoll, 2013).

According to Schwartz's typology of value orientations (Schwartz, 2012a), tradition values are (along with power, achievement, hedonism, stimulation, self-direction, universalism, benevolence, conformity and security values) one of the ten basic value orientations. They are often measured using items such as “He thinks it's important not to ask for more than what you have. He believes that people should be satisfied with what they have”, “Religious belief is important to him. He tries hard to do what his religion requires”, “He thinks it

is best to do things in traditional ways. It is important to him to keep up the customs he has learned”, and “It is important to him to be humble and modest. He tries not to draw attention to himself” (Schwartz et al., 2001).

The above definition and items clearly reflect strong ties of tradition values and religiosity. Many researches indicate that traditional values, compared to other nine basic values, have actually the strongest relations with religiosity (Schwartz, 2012b; Saroglou et al., 2004; Saroglou, 2008; Pepper et al., 2010; Schwartz and Huisman, 1995; Schnabel and Grötsch, 2015). Schwartz and Huisman (Schwartz and Huisman, 1995) note some presumptions on the basis of which these findings may be explained. First, as religiosity emphasizes reaching toward and submitting to forces beyond the self, it should correlate positively with values that emphasize submission to transcendental authority by accepting the customs and beliefs of traditional culture. Second, religion symbolizes, preserves, and justifies the prevailing social structure and normative system – it encourages believers to accept the social order and discourage questioning and innovation, which is why religiosity should correlate positively with values that emphasize preserving the status quo. Third, as one of the functions of religion is individual's need to reduce uncertainty, religiosity should correlate positively with values that emphasize attaining and maintaining certainty in life.

Although the association between tradition and religiosity is well-established, examinations of differences in its strength in relation to religiosity on a societal level are non-existent. We fill the gap by testing these differences across European countries – which are still relatively heterogeneous in terms of religiosity (Van der Noll et al., 2018; Storm, 2017). We hypothesize that societal level religiosity moderates the association between individual religiosity and traditional value orientation – given that in less religious societies, religion should have a weaker role in an individual's behavior, attitudes, everyday life etc. (and thus value orientations as well).

Methodology and methods. We used the data from the European Social Survey, which is a large nationally-representative, repeated, cross-sectional survey in more than thirteen European countries. For the purposes of this research, we used the data from the ninth round of the survey, from 2018. The round contains data from a total 49,519 respondents (51.4% of females, $M_{age} = 48.42$, $SD_{age} = 19.02$), coming from 29 countries.

Religiosity in the ESS is measured using three dimensions: self-rated religiosity, frequency of attending religious services apart from special occasions, and frequency of praying apart from at religious services. However, we limit this examination to the first one only. Schwartz and Huisman (Schwartz and Huisman, 1995) give several arguments for such an approach in this type of research. The first argument is that research has the primary interest in relating religiosity to general cultural attitudes and not in unravelling relations among the various components of religion. Second, if the sample consists of relatively heterogeneous groups (as in different country residence and religious affiliation), religious commitment needs to be operationalized through religiosity's common denominator (rather than its discrete dimensions). Third, as the authors note, many prior researches indicate that nationally representative samples generate a single religious factor. It may also be noted that the unidimensional approach much simplifies multi-level analysis.

This dimension of religiosity in the European Social Survey is measured using the question: “How religious would you say you are?”, where 0 means “Not at all religious”, and 10 means “Very religious”. Traditional values orientation is measured on two six-point scales. Respondents rate extent to each of the following descriptions are or are not like themselves: “It is important to him to be humble and modest. He tries not to draw attention to himself”, and “Tradition is important to him. He tries to follow the customs handed down by his religion or his family”. The response options range from 1 – “Very much like me”, to 6 – “Not like me at all” (we reversed the scale values). Internal consistency of the scale is low (Cronbach's alpha = .325), which may be explained by the small number of items and the fact that value encompasses different sub-constructs (Schwartz, 2003), however, it is reasonable to be used (Sortheix and Schwartz, 2017).

In our analysis, we controlled for age, gender and income. We transformed gender into a dummy variable, with females as the reference category. Income is measured through ten categories, from 1 (which is the first decile) to 10 (which is the tenth decile).

Research Results and Discussion. As it may be seen from Table 1, nearly 50000 respondents (from 29 European countries) rated their importance of tradition as 4.4 out of 6 on average, which indicates an above-neutral score. On the other side, the average self-rated religiosity score is to some extent below neutral – 4.49 on a ten-point scale. Country-level religiosity score – an average level of religiosity in all examined countries, is approximately equal (4.40).

In order to examine whether more religious societies are characterized by the stronger effect of religiosity on traditional value orientation compared to less religious ones, we run four multilevel regression models. First of our models included only control variables (gender, age, and income). The second model additionally included individual religiosity.

Table 1

Descriptive statistics

Specifications	n	Mean	SD	Min	Max
Gender	49519	1.51	0.50	1	2
Age	49286	47.84	18.89	15	90
Income	39043	5.48	2.76	1	10
Tradition	48931	4.40	0.93	1	6
Religiosity	48989	4.49	3.13	0	10
Country-level religiosity	49519	4.40	0.93	2.4	6.71

The third model included religiosity on a country-level, while the fourth includes an interaction effect of religiosity at a country-level

and religiosity at the individual level on our dependent variable. The results of a multilevel regression are shown in Table 2.

Table 2

Multilevel modeling results

Specifications	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4
Intercept	3.811*** (.055)	3.596*** (.049)	3.311*** (.196)	3.572*** (.197)
Female	.120*** (.001)	.041*** (.001)	.041*** (.001)	.041*** (.001)
Age	.009*** (.0003)	.006*** (.0003)	.006*** (.0002)	.006*** (.0003)
Income	-.024*** (.002)	-.018*** (.002)	-.018*** (.002)	-.018*** (.002)
Religiosity (individual level)		.095*** (.002)	.095*** (.002)	.036*** (.009)
Religiosity (country level)			-.063 (.042)	.0004 (.043)
Religiosity (individual level)* Religiosity (country level)				-.013*** (.002)
Observations	39,138	38,942	38,942	38,942
Log Likelihood	108623.002	104782.080	104779.922	104723.839
AIC	108635.002	104796.080	104795.922	104741.839
BIC	108686.451	104856.068	104864.480	104818.968
Note: Effects and standard errors (between brackets) of a multi-level linear regression. *p<0.5, **p<0.01, ***p<0.001				

The proportion in variation in tradition that lies between countries was approximately 6% – in the null model, the Intra-Class Correlation Coefficient (ICC) was about .062. This

indicates a clustering of observations within countries to the extent that multilevel models could to be applied. Our control variables have

a significant, although weak, effect on traditional value orientation, especially income – which is slightly negative related to individual tradition values scores. Females have significantly higher scores of tradition value orientation compared to males. Age is also shown to be related to traditional values in a positive direction.

When it comes to our main independent variables, the results indicate a significant and positive association between individual religiosity and traditional values (Model 2). The effect is not very strong ($\beta = .095$), and religiosity on a country level is not related to individual traditional values (Model 3), which together indicate a somewhat separation of religion and tradition.

Finally, in order to investigate our main research question, we run a multilevel model on traditional values with an interaction effect between an individual-level and country-level religiosity – we tested whether religiosity on a country level moderates the relationship between religiosity and traditional values on an individual level (Model 4). The results indicated that country-level religiosity is a significant moderator of this association. The interaction is negative, although the effect is very weak.

Also, the goodness of fit measures (AIC and BIC) show that the fourth model explains the highest amount of variance compared to the previous three models.

In this paper, we carried out a multilevel analysis of traditional value orientation and religiosity across Europe. We found that tradition value orientation is related to age, lower income, and being female. This is consistent with many previous researches (Chan et al., 2020; Schwartz and Rubel, 2005; PEW, 2015). However, these effects are not strong. Having in mind items that the tradition scale is consisted of, it looks like the expectations within gender norms that woman should be humble and modest is still present across Europe, and on the other side, women usually experience less security in their lives, being more vulnerable to the hardships of poverty, debt, poor health, old age, and lack of physical safety

(Norris and Inglehart, 2004; 2008; Kregting et al. 2019). The latter may also explain income differences in tradition values and religiosity. Older people may be more traditional and religious because they are more aware of their own mortality and the potential afterlife; also, in times they were socialized, traditional and religious practices were more common; finally, people who have become more isolated and disengaged from wider society may often find social network and support in traditional and religious groups (Voas and Crockett, 2005).

Conclusions. Our primary aim was to test whether in more religious societies across Europe the effect of religiosity on tradition is stronger than in less religious ones. We assessed the interaction effect of mean religiosity at a country-level and religiosity at the individual level on tradition. The results indicated that there is a significant negative, but very weak interaction effect. In other words, the level of religiosity on a country level does moderate, but to a very small extent, the association between individual religiosity and tradition values. Our results also indicate a moderate association between religiosity and traditional values on an individual level, and a non-significant effect of country-level religiosity on individual traditional values, so a weak moderating effect is not surprising.

Carneiro and colleagues (Carneiro et al., 2021) sum some explanations for the autonomy of value orientations in relation to religiosity and only moderate relation between them. To some extent, that can be somewhat related with the thesis that the traditional relationship between human values and religiosity is experiencing a transformation (see: Davie, 1990), which is, however, no evidence of ongoing secularization, but that people believe without belonging. This is a result of a rising religious pluralism, globally and particularly in Europe. Besides that, these authors agree with the thesis about advocating a pure religion and a separation between religion and culture (see: Roy, 2014). According to this thesis, there is no more a quest for synthesis or integration of religion and culture since religion was not concerned with society.

Future studies should examine the moderating effect of country-level religiosity in non-European countries, in the first place, more religious ones. Also, future research should examine these effects taking into account other dimensions of religiosity such as attending religious services or frequency of prayer.

References

- Abi-Hashem, N., and Driscoll, E. G. (2013), "Values (Shalom H. Schwartz) – Power", in *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology*, 1324-1325.
- Carneiro, A., Helder F., Dinis, M., and Leite Â. (2021), "Human Values and Religion: Evidence from the European Social Survey", *Social Sciences*, 10, 75.
- Chan, S. W. Y., Lau, W. W. F., Hui, C. H., Lau, E. Y. Y., and Cheung, S.-F. (2020), "Causal relationship between religiosity and value priorities: Cross-sectional and longitudinal investigations", *Psychology of Religion and Spirituality*, 12 (1), 77-87.
- Davie, G. (1990), "Believing without belonging: Is this the future of religion in Britain", *Social Compass*, 37, 455-69.
- Kregting, J., Scheepers, P., Vermeer, P., and Hermans, C. (2019), "Why Dutch women are still more religious than Dutch men: Explaining the persistent religious gender gap in the Netherlands using a multifactorial approach", *Review of Religious Research*, 61 (2), 81-108.
- Norris, P. and Inglehart, R. (2008), "Existential security and the gender gap in religious values", Shah, T., Stepan, A. and Toft, M. (eds.), Draft chapter for the *SSRC conference on religion and international affairs*, New York, USA.
- Norris, P. and Inglehart, R. (2008), *Sacred and secular. Religion and politics worldwide*, University Press, Cambridge, UK.
- Pepper, M., Uzzell, D., and Jackson, T. (2010), "A study of multidimensional religion constructs and value in the United Kingdom", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 49, 127-146.
- PEW (2014), "Religious tradition by household income", Available at: <https://www.pewforum.org/religious-landscape-study/compare/religious-tradition/by/income-distribution/> (Accessed 05 April 2021)
- Roccas, S., and Sagiv, L. (2010), "Personal Values and Behavior: Taking the Cultural Context into Account", *Social and Personality Psychology Compass*, 4 (1), 30-41.
- Roy, O. (2014), *Holy Ignorance: When Religion and Culture Part Ways*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Saroglou, V. (2008), "Religion and psychology of values: "Universals" and changes", in Agazzi, E. and Minazzi, F. (eds.), *Science and ethics: The axiological contexts of science*, Peter Lang, Brussels, Belgian, 247-272.
- Saroglou, V., Delpierre, V., and Dernelle, R. (2004), "Values and religiosity: a meta-analysis of studies using Schwartz's model", *Personality and Individual Differences*, 37 (4), 721-734.
- Schnabel, A. and Grötsch, F. (2015), "Religion and Value Orientations in Europe", *Journal of religion in Europe*, 8 (2), 153-184.
- Schwartz, (2012b), "Values and Religion in Adolescent Development", in Tromsdorff, G. and Chen, X. (eds.) *Values, Religion, and Culture in Adolescent Development*, Cambridge University Press, New York, USA, 97-122.
- Schwartz, S. H. (2003), "Proposal for measuring value orientations across nations", in *Questionnaire development report of the European Social Survey*, Available at: http://naticent02.uuhost.uk.uu.net/questionnaire/chapter_07.doc (Accessed 05 April 2021)
- Schwartz, S. H. (2012a), "An overview of the Schwartz theory of basic values", *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1).
- Schwartz, S. H., and Huisman, S. (1995), "Value Priorities and Religiosity in Four Western Religions", *Social Psychology Quarterly*, 58(2), 88-107.
- Schwartz, S. H., and Rubel, T. (2005), "Sex differences in value priorities: Cross-cultural and multimethod studies", *Journal of Personality and Social Psychology*, 89(6), 1010-1028.
- Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C. and Konty, M. (2012), "Refining the theory of basic individual values", *Journal of Personality and Social Psychology*, 103(4), 663-688.
- Schwartz, S. H., Melech, G., Lehmann, A., Burgess, S., Harris, M., and Owens, V. (2001), "Extending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a Different Method of Measurement", *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32(5), 519-542.
- Sortheix, F. M., and Schwartz, S. H. (2017), "Values that Underlie and Undermine Well-Being: Variability Across Countries", *European Journal of Personality*, 31 (2), 187-201.

Storm, I. (2017), "Does Economic Insecurity Predict Religiosity? Evidence from the European Social Survey 2002-2014", *Sociology of Religion*, 78(2), 146-172.

Van der Noll, J., Rohmann, A., and Saroglou, V. (2018), "Societal Level of Religiosity and Religious Identity Expression in Europe", *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49(6), 959-975.

Voas, D., and Crockett, A. (2005), "Religion in Britain: Neither Believing nor Belonging", *Sociology*, 39(1), 11-28.

Received 12 April 2021. Revised 12 August 2021. Accepted 04 September 2021.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2021 г. Поступила после доработки 12 августа 2021 г. Принята к печати 04 сентября 2021 г.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Vladimir Mentus, Researcher, Institute of Social Sciences, Belgrade, Serbia.

Ментус Владимир, Научный сотрудник Института общественных наук, Белград, Сербия.

УДК 316.354.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-5

Обзорная статья

Сухарькова М. П. | Современные исследования олимпийских волонтеров

Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора,
Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора
Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики»
101990, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
MSukharkova@hse.ru

Аннотация. В последние годы все больше внимание общественности уделяется крупным спортивным мероприятиям, вместе с тем растет популярность волонтерства на таких мега-событиях как Олимпийские и/или Паралимпийские игры, растет и исследовательский интерес к участникам олимпийских волонтерских программ. Привлечение волонтеров для подготовки и проведения крупных спортивных мероприятий – практика, реализуемая в разных странах, которые проводят спортивные мероприятия такого уровня на своей территории. Олимпийские и Паралимпийские игры связаны с масштабными изменениями (экономическими, социальными, культурными и др.) на территории, которая выступает площадкой проведения этих мероприятий. Эффекты этих мероприятий вызывают исследовательский интерес, в том числе в сфере волонтерства. В статье представлен обзор современных российских и международных исследований волонтеров, принимающих участие в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр. На основе анализа существующей литературы, посвященной изучению олимпийского волонтерского сообщества, были выявлено, что основными исследовательскими вопросами являются мотивация волонтеров, стимулы и барьеры для участия в олимпийских волонтерских программах и удовлетворенность волонтеров участием в олимпийских мероприятиях. Актуальность изучения волонтеров, принимающих участие в подготовке и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр обусловлена глобальным охватом олимпийского движения, масштабностью олимпийских мероприятий, ростом числа олимпийских волонтеров. Кроме этого, существующая база исследований олимпийских волонтеров может использоваться для будущих сравнительных межстрановых исследований и национальных особенностей олимпийских волонтерских программ.

Ключевые слова: волонтеры; олимпийские волонтеры; Олимпийские и Паралимпийские игры; крупные спортивные мероприятия; исследования в сфере волонтерства

Информация для цитирования: Сухарькова М. П. Современные исследования олимпийских волонтеров // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 41-54. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-5.

Marina Sukharkova | International research on Olympic volunteers

Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector,
Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector,
Higher School of Economics National Research University
101990, 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia
MSukharkova@hse.ru

Abstract. In recent years, more and more public attention has been paid to major sporting events, along with the growing popularity of volunteering at such mega-events as the Olympic and/or Paralympic Games, and research interest in participants in Olympic volunteer programs is also growing. The involvement of volunteers for the preparation and holding of major sporting events is a practice implemented in various countries that host sporting events of this level on their territory. The Olympic and Paralympic Games are associated with major changes (economic, social, cultural, etc.) in the territory that serves as the venue for these events. The effects of these events are of research interest, including volunteerism. The article provides an overview of contemporary Russian and international research on volunteers who participate in the organization and hosting of the Olympic and Paralympic Games. Based on a review of the existing literature on the study of the Olympic volunteer community, it was found that the main research questions include volunteer motivation, incentives and barriers to participation in Olympic volunteer programs, and volunteer satisfaction with participation in Olympic events. Relevance of the study of volunteers participating in the preparation and holding of the Olympic and Paralympic Games is due to the global coverage of the Olympic movement, the scale of the Olympic events, the growing number of Olympic volunteers. In addition, the existing base of research on Olympic volunteers can be used for future comparative cross-country studies and national features of Olympic volunteer programs.

Keywords: volunteers; Olympic volunteers; Olympic and Paralympic Games; major sporting events

Information for citation: Sukharkova, M. (2021), "International research on Olympic volunteers", *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 41-54, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-5.

Введение (Introduction). Волонтеры впервые были привлечены для организации Зимних Олимпийских игр 1980 года, который проходили в США, Лейк-Плэсиде, тогда же впервые был оценен вклад волонтеров в реализацию игр (Giannoulakis et al., 2007). Затем участие волонтеров в организации и проведении крупных спортивных мероприятий стало неотъемлемым компонентом успеха этих мероприятий (Farrell et al., 1998; Williams, Dossa, & Tompkins, 1995).

Исследователи доказали ценность волонтеров крупных спортивных мероприятий по нескольким направлениям, например, экономическим, социальным, культурным и политическим основаниям (Chalip, 1999; MacAloon, 1999; Minnaert, 2012; Moreno et al., 1999; Nichols, Ralston, 2011). Хотя еще Ана Белен Морено, Микель де Морагас и Нурия Пуч утверждали, что, несмотря на то, что волонтеры сокращают расходы на организацию и проведение крупных спортивных событий, более важ-

ным является то, что волонтеры «объединяют усилия людей для реализации общего проекта, являются выражением общественного импульса» (Moreno, Moragas, Paniagua, 1999: 151). Как добавил Джон МакАлун (MacAloon, 1999), олимпийское волонтерское движение распространяет моральные и социальные ценности, мультикультурализм и солидарность, связанные с олимпийским движением. Кроме того, возможность волонтерства на Олимпийских и Паралимпийских играх предоставляет возможность для повышения социальной устойчивости и социальной интеграции (Minnaert, 2012; Nichols, Ralston, 2011).

Методология и методы (Methodology and methods). *Спортивные мегасобытия.* Спортивные мегасобытия – это крупные международные мероприятия достижений в соревновательных дисциплинах, которые предлагать принимающим странам возможности для создания прочного наследия. Концепция наследия описывает различные эффекты, которые могут быть достигнуты после мегасобытия и которые могут приносить пользу город-хозяину или нации на протяжении многих лет (Veal, Toohey, & Frawley, 2012). Наследие спортивных мегасобытий может быть, как материальным (например, количество посетителей-туристов), так и нематериальным (например, национальная гордость), влияющие на экономику, образование, здоровье, спорт и физическую активность, городской дизайн и другие области общества.

Впервые концепция мегасобытий описывается в работе Брент Ричи и Цзюй Янчжоу (Ritchie, Yangzhou, 1987: 20). Ученые писали о том, что мегасобытия – это крупные разовые или повторяющиеся мероприятия ограниченной продолжительности, которые служат для повышения осведомленности, привлекательности и прибыльности туристического направления в краткосрочной и / или долгосрочной перспективе, при этом, успех таких мероприятий зависит от уникальности, статуса или своевременной значимости, чтобы вызвать

интерес и привлечь внимание. Другой исследователь крупных мероприятий – Морис Рош (Roche, 1994: 1-2) первым сформулировал тезис о долгосрочности последствий крупных мероприятий для принимающего города. «Мегасобытия – это краткосрочные события с долгосрочными последствиями для городов, которые их устраивают. Они связаны с созданием инфраструктуры и объектов для проведения мероприятий, часто имеющих долгосрочные последствия и всегда требующие долгосрочного использования и управления созданными объектами» (Roche, 1994). Позже этот же исследователь дополнил свой подход тем, что мегасобытия обладают значимой культурной программой, которая способствует массовой привлекательности этих мероприятий и международному значению (Roche, 2000).

Лео Джаго и Робин Шоу (Jago, Shaw, 1998: 29) также подчеркивали тот факт, что мегасобытия зачастую имеют сопутствующую основному действию программу, что привлекает большое количество людей и внимание средств массовой информации. Гарри Хиллер (Хиллер, 2000) в своих работах называл мегасобытия громкими мероприятиями и выделял важную роль средств массовой информации для популяризации данных мероприятий.

Современные исследователи концентрируют свое внимание на оценке последствий мегасобытий. Так, Джон Хорн (Horne, 2007: 81-82) говорил о том, что следствие крупных событий обязательно необходимо учитывать, как уровне города, так и региона, и страны в целом. Об этом же писали Джон и Маргарет Голд (Gold, 2011: 1), которые считали, что считаться мегасобытием могут лишь те мероприятия, которые оказывают влияние на экономику региона или страны. Брайан Миллс и Марк Розентрауб (Mills, Rosentraub, 2013: 239) выделяли ключевую роль государства и его инвестиций в построение инфраструктуры для проведения крупных мероприятий. Мартин Мюллер (Müller, 2015) называет

мегасобытиями короткие мероприятия с продолжительными последствиями.

Подводя итог, отметим, что на протяжении многих лет исследователи уделяли внимание изучению особенностей мега-событий. Однако исследователи выделяют схожие условия для того, чтобы мероприятие могло считаться мега-событием. Среди которых: ограниченная протяженность мероприятия; большое количество участников и массовый охват международной аудитории; необходимость затрат на подготовку и проведение этих мероприятий; наличие последствий мероприятия, которые останутся актуальными для принимающего города, региона или страны на протяжении длительного периода времени.

Олимпийские волонтеры. Олимпийское волонтерство относится к разновидности спортивного волонтерства. Спортивное волонтерство - одно из самых популярных направлений добровольчества во всем мире, ежегодно тысячи людей желают приобщиться к спортивным мероприятиям в качестве волонтеров (Телепаева, 2020).

Учитывая характер мероприятий, которые представляют собой громкие международные мероприятия, периодически проводимые в разных принимающих странах, большинство волонтеров на этих мероприятиях предоставляют временную помощь на короткий период времени. Волонтерская деятельность в сфере спорта требует высокой активности, вовлеченности, определенных усилий со стороны самих волонтеров, которые должны проходить отбор и тратить свободное время на образовательную подготовку, такие условия деятельности волонтеров требуют особого профессионального подхода к организации работы с ними.

Волонтеры помогают снизить эксплуатационные расходы на проведение спортивных мега-мероприятий за счет снижения оплаты труда. Волонтеры предлагают навыки и усилия без вознаграждения, но нанять квалифицированных волонтеров для спортивных мега-событий без стимулов и вознаграждений – непростая задача.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Изучение олимпийских волонтеров в России.* В нашей стране интерес исследователей к волонтерам крупных спортивных мероприятий, в первую очередь связан с теми мероприятиями, которые проходили на территории России. Говоря об исследованиях олимпийских волонтеров, стоит отметить, исследовательскую работу Натальи Горловой (Горлова, 2017), которая посвящена эволюции олимпийского волонтерства в России. Особое внимание исследователь уделяет истории институционального развития данного направления волонтерства и его ключевым характеристикам, включая социокультурным особенностям. На основе анализа развития олимпийского волонтерства, автор пришла к выводу о том, что в период с 2010-2014 гг. олимпийское волонтерство институционально оформилось.

Исследовательский коллектив (Починкин; Димитрова; Зайцев, 2015) проанализировал систему подготовки волонтеров в период подготовки зимних Олимпийских игр в г. Сочи в 2014 году. Исследователи выявили затраты организаторов олимпийских соревнований, связанные с организацией деятельности волонтеров и на основе этого сделали следующий вывод о коммерческой выгоде организаторов мероприятий в качестве экономического критерия труда олимпийских волонтеров. Более того, исследование включало информацию о реальной финансовой экономии организаторов мероприятий в связи с привлечением волонтеров. Исследователи также уделили внимание региональному опыту комплексного обучения волонтеров для участия в Олимпийских и Паралимпийских играх в Сочи в Томском центре подготовки волонтеров, в котором демонстрируется необходимость подготовки олимпийских волонтеров по оказанию первой помощи при чрезвычайных ситуациях (Диамант, Романов, Смьшляева, 2014).

Ряд научных работ посвящен мотивации олимпийских волонтеров. Например,

Ольга Шиняева (Шиняева, 2017) представила результаты исследования мотивации участия в олимпийском волонтерстве студенческой молодежи, Александр Зайцев (Зацев, 2016) также, изучая мотивацию волонтеров Олимпийских игр пришел к выводу, что возможность получить полезный и уникальный опыт работы. В его статье рассматриваются экспектационные тенденции мотивационной сферы представителей социальных групп как научная основа для организации волонтерского движения. Уделено внимание взаимосвязи мотивационного профиля волонтера с уровнем его коммуникативных способностей (Романова, 2012). Константин Катькал и Олег Бердарь (Катькал и Бердарь 2016) в ходе своего исследования выявили, что олимпийские волонтеры осознают, что являются бесплатной рабочей силой в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр.

Нельзя не отметить еще одну работу, в которой было доказано, что успешная организация и проведение крупных мероприятий, таких как Олимпийские и Паралимпийские игры требует участия большого количества волонтеров, выполняющих различные работы, так как волонтерское движение значительно снижает экономические затраты организаторов (Стрельникова, 2019).

Таким образом, российские исследователи уделяют внимание изучению олимпийской волонтерской программы и ее участникам. При этом, в отечественной литературе преобладает рассмотрение истории олимпийского волонтерства и мотивации людей принять участие в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр в качестве волонтеров.

Современные международные исследования олимпийских волонтеров. Том Баум (Университет Стратклайда, Шотландия) и Леони Локстон (Университет Виктории, Австралия) в статье «Волонтеры и спортивные мега-мероприятия: развитие исследований» (Baum, Lockstone, 2007) опубликованной 2007 году писали о том,

что существует относительно мало информации о волонтерах крупных спортивных мероприятий, как относительно их участия в этих мероприятиях, так и для принимающего сообщества. В связи с этим исследователи предприняли попытку систематизации существующих исследований для выявления пробелов о том, какое значение имеют волонтеры на крупных спортивных мероприятиях, кто эти волонтеры и что их мотивирует работать на добровольных началах, как волонтерства влияет на их последующую жизнь и желание продолжать участие в волонтерстве после мероприятия.

Джефф Николс и Рита Ральстон (Nichols, Ralston, 2011), исследовали кейс волонтеров на Олимпийских играх 2012 года. Ключевой темой их исследования был социальный капитал олимпийских волонтеров Лондона. В результате авторы пришли к выводу, что опыт участия в крупных спортивных мероприятиях благоприятно влияет на карьеру волонтеров и распространение активного образа жизни. Линда Уилкс (Wilks, 2011) провела качественное исследование жизненного опыта волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2012 года в рамках теоретической основы досуга. Эрин Кодама, Элисон Доэрты и Меган Попович (Kodama, Doherty, Popovic, 2013) провели исследование волонтеров игр 2010 года в Ванкувере методом включенного наблюдения. Авторы сами были волонтерами игр, вели довольно подробные ежедневные дневники жизни волонтера на играх. Как результат, исследование содержит подробное руководство для специалистов, работающих с волонтерами, потому что исследователи сделали акцент на проблемах волонтеров, например, сложности построения взаимоотношений между волонтерами. Существует исследование роли социального, человеческого и политического капитала при отборе волонтеров Олимпийских игр в Пекине 2008 года, в котором исследователи пришли к выводу, что у человека, обладающего капиталами более высока вероятность стать волонтером игр (Zhuang, Girginov, 2012). Чарльз Ричард Бладен

(Bladen, 2010) исследовал репрезентацию образа волонтера Олимпийских игр в Пекине в СМИ. Китайские исследователи Бинхуа Ли и Хуан Джуан (Li, 2010; Zhuang, 2010) после изучения волонтеров Олимпийских игр 2008 года выявили специфические черты китайского добровольчества и особенности организации игр в странах Востока. Идеологическая основа программ по работе с волонтерами в Китае сильно отличается от стран Запада. Государственная волонтерская программа Китая основана на предоставлении народу возможности служения социалистической партии. Основа программы - демонстрация другим странам достижений и высокого уровня жизни Китая. Алиса Каппато и Витторио Пенназио (Carrato, Pennazio, 2006), а также Николас Чанават и Ален Ферран (Chanavat, Ferrand, 2010) исследователи программы подготовки и направления работы волонтеров игр 2006 года в Турине. Ими было проведено комплексное исследование менеджмента волонтерства в рамках спортивного менеджмента и организации мероприятий крупного масштаба.

Тьяго Рибейро и Абель Коррейя (Ribeiro, Correia, 2020) рассмотрели влияние организационных вопросов на воспринимаемое социальное воздействие с точки зрения волонтера Олимпийских игр 2016 года в Рио. Исследование было проведено в Рио-де-Жанейро, исследователи хотели измерить воспринимаемые операционные, инфраструктурные и экологические проблемы, а также позитивные и негативные восприятия социального воздействия. Результаты исследования показывают, что организационная структура вопроса была в значительной степени связана с восприятием негативного социального воздействия (социальные конфликты и затраты). В статье обсуждаются управленческие последствия этих результатов и предлагаются рекомендации для будущих исследований.

Еще одно исследование, посвященное Олимпийским играм в Рио, направлено на выявление мотивационных факторов возможных волонтеров, которые участвует в

спортивных мероприятиях в Бразилии. Исследование, проведенное Элиу Араужо Перейра и Карлосом Эдуардо Кавальканте (Pereira, Cavalcante, 2018) показало, что основные мотивационные факторы волонтеров связаны со следующими переменными: выражение ценностей добровольчества, приверженность спорту и межличностные контакты.

Программа по работе с волонтерами Олимпийских игр в Корее 2018 года также не осталась без внимания исследователей. Целью исследования, проведенного Тэван Ким, Чанмин Парк, Хани Ким и Чжеун Ким (Kim, Park, Kim, Kimb 2019) состояла в том, чтобы исследовать влияние удовлетворения психологических потребностей добровольцев и практики управления добровольцами на общую удовлетворенность добровольцев, а также проверить их условное воздействие в зависимости от участия добровольцев. Кроме того, настоящее исследование было направлено на изучение влияния удовлетворенности добровольцев на будущую активность добровольцев, сарафанное радио и посещение принимающего города. Результаты исследования показали, что общее удовлетворение волонтеров положительно влияет на будущие волонтерские намерения, распространение информации о волонтерстве на спортивных мероприятиях и намерениях посетить принимающий город в качестве туристов.

Янг Джуан (Ahn, 2018) предприняла попытку сравнительного анализа подходов к мотивации, которые используются в управлении персоналом и в работе с волонтерами. Исследователь утверждает, что психологическая связь волонтеров с их задачей дает полезную информацию об их интересах и их связи с волонтерской работой. В этом исследовании эмпирически проверялась взаимосвязь мотивации добровольцев, признания и вознаграждения, связности и намерения добровольно участвовать в контексте зимних Олимпийских игр в Пхенчхане в 2018 году. Данные исследования показывают, что мотивация досуга является наиболее влиятельным фактором,

который влияет на добровольцев, за которыми следует целенаправленная мотивация и эгоистическая мотивация. Внешние влияния существенно не влияют на связность. Это исследование эмпирически демонстрирует, что участие в работе волонтеров не только повышает внутреннюю мотивацию волонтеров, но также усиливает организационную поддержку, предлагаемую олимпийскими комитетами, исследование расширяет эту область исследования мотивации добровольцев до признания и поощрения в спортивных организациях, что связано со связностью и поведенческими намерениями людей.

Другое исследование, проведенное Намжу Син и Челсу Чой (신남주6 2019), касающиеся участников олимпийской волонтерской программы 2018 года имело целью проанализировать взаимосвязь между мотивацией участия, приверженностью, удовлетворением и поведением волонтеров игр 2018 года в Пхенчхане, а также проанализировать стратегии управления волонтерами, которые применяются для работы с волонтерами спортивных мероприятий. Для ответа на данные исследовательские вопросы применялись данные опроса 450 волонтеров Зимних Олимпийских игр Пхёнчхана. В результате анализа было определено, что мотивация участия волонтеров оказывает положительное влияние на приверженность, удовлетворение от участия в волонтерской программе и намерения дальнейшего участия в практиках волонтерства.

Авторы исследования процесса подготовки волонтеров для участия в организации и проведения Олимпийских и Паралимпийских игр 2020 года в Токио Хейл Парк и Эрик Олсон (Park, Olson, 2020) утверждают, управление волонтерами является неотъемлемой частью любого мероприятия, которое зависит от вклада волонтеров, при этом, управление волонтерами для мероприятий связано с тремя смежными областями: события, человеческие ресурсы и волонтерство. Каждый из доменов обсуждается на предмет его отношения к управлению волонтерами в контексте

спортивных мероприятий. В своей работе авторы рассматривают практику управления добровольцами с точки зрения ее этапов.

Также интерес вызывает статья группы авторов из Китая (Chen, Preuss, Hu, Kenyon, Liang, 2019), несмотря на то, что основной целью проведенного ими исследования является изучение политических изменений как части наследия Олимпийских игр 2008 и 2022 гг. для Китая, ученые уделяют внимание и наследию волонтерских программ данных мероприятий. Так анализ полученных ими данных показывает, что опыт организации и проведение Олимпийских игр на территории Китая изменил традиционных схемы планирования спортивных мега событий во многих сферах, включая и работу с волонтерами. Специалисты, работающие с волонтерами, стали оценивать эффективность работы волонтеров и работать в направлении удержания людей в волонтерских программах для повышения качества оказываемых ими услуг.

Другой китайский исследователь (徐有粮, 2019) проанализировал проблемы, которые могут возникнуть в процессе управления волонтерами на зимних Олимпийских играх 2022 года и стратегии предотвращения этих проблем. Исследователь сформулировал следующие рекомендации для повышения качества программы по работе с олимпийскими волонтерами: усовершенствовать правовую систему, разработать стратегию управления волонтерами с китайскими особенностями, использовать максимальное количество каналов распространения информации о наборе волонтеров, включая новые медиа, предоставить доступ к волонтерской программе для всех членов общества, обеспечение всех мер безопасности на всех этапах работы с волонтерами; создать гуманную систему офлайн и онлайн обучения для волонтеров для развития практических навыков волонтеров с многопрофильный и углубленным изучением всех направлений предстоящей работы, базирующихся на традиционной китайской культуре; усовершенствовать

правила управления волонтерами, разработать стандарты оценки их работы, на всех этапах волонтерской программы необходимо использовать опыт предыдущих Олимпийских игр 2008 года; после окончания игр необходимо сохранить волонтерские ресурсы, что будет способствовать развитию волонтерской культуры в Китае, при этом олимпийские волонтеры могут способствовать как развитию местных волонтерских проектов, так и принимать участие в организации других крупномасштабных мероприятий.

В еще одном китайском исследовании (Li, Qi, Zu, 2020) на основе анализа литературы и интервью с экспертами исследовали процесс волонтерской работы во время предыдущих зимних Олимпийских игр в Пекине и выявили наилучшее служебное поведение и факторы, оказывающие влияние на волонтеров во время зимних Олимпийских игр. Детальному анализу авторы исследования подвергли программу по работе с волонтерами Олимпийских игр 2008 года, хотя отмечают, что предстоящая олимпийская волонтерская программа будет значительно отличаться от предыдущей. Исследователи пришли к выводу о том, что эффективный менеджмент работы и обучения волонтеров, моральные поощрения и материальная помощь, предоставляемая Организационным комитетом Олимпийских игр – является гарантией профессионализма, энтузиазма и безопасности во время работы волонтеров. Исследователи сформировали следующие рекомендации для развития волонтерской программы на зимних Олимпийских играх 2022 года в Китае: четкое планирование работы волонтеров; подчеркивание значимости волонтеров для успеха игр в Пекине; широкое распространение информации о наборе и обучении волонтеров; мотивация волонтеров.

Кроме этого, исследователями (刘蓓蓓, 2017) также были сформулированы рекомендации для волонтерской программы

Олимпийских игр 2022 года на основе анализа организационной системы по управлению волонтерами во время зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году и Пхенчхане в 2018 года. Используя методы экспертных интервью и опроса волонтеров, исследователи пришли к выводу о том, что у каждой программы по работе с олимпийскими волонтерами есть свои сильные и слабые стороны. Так, волонтерская программа Олимпийских игр в Сочи имела рациональную систему отбора волонтеров, которая способствовала отбору наиболее подготовленных претендентов. Более того, методы подготовки волонтеров Олимпийских игр 2014 года были более разнообразны, хотя, как для волонтеров игр 2014 года, так и игр 2018 года для подготовки волонтеров использовались онлайн платформы. Стоит отметить, что по итогам обучения волонтеров Олимпийских игр в Пхенчхане не проводился контроль полученных знаний. Несмотря на то, что во время Олимпийских игр в Сочи для волонтеров были предоставлены сервисы, такие как транспорт, проживание, питание и др. в данной программе наблюдается дисбаланс в стимулах для волонтеров. Форму стимулирования были более разработаны в олимпийской волонтерской программе 2018 года для повышения качества услуг, которые предоставляли волонтеры для игр. Разработка системы стимулирования олимпийских волонтеров игр 2022 года признается исследователями (杜彩璐, 2018) важной составляющей волонтерской программы для повышения эффективности работы волонтеров. По мнению авторов исследования, волонтеры Олимпийских игр являются важными носителями культуры и имиджа принимающей страны, поэтому особенное внимание необходимо уделить повышению эффективности работы волонтеров и их мотивации. Поэтому на основе качественных методов исследования и анализа общедоступной информации ученые

выявили, что до старта волонтерской программы необходимо детально изучать потребности волонтеров, чтобы в дальнейшем ожидания волонтеров были оправданы. Удовлетворенность волонтерской работой неизбежно окажет влияние на повышения качества оказываемых услуг волонтерами.

Таким образом, китайские исследователи уделяют повышенное внимание предстоящим Олимпийским и Паралимпийским играм в Пекине, в том числе олимпийской волонтерской программе и ее участникам. Исследователи едины во мнении о том, что для реализации олимпийской волонтерской программы на высоком уровне необходимо учитывать опыт предыдущих игр по работе с волонтерами, в первую очередь, основой предстоящих игр в Пекине должны стать прошедшие в 2008 году Олимпийские игры. Также исследователями были сформулированы схожие рекомендации для организаторов волонтерской программы с уклоном на системы мотивации волонтеров и менеджмента.

В современной международной практике привлечение волонтеров для организации и проведения спортивных мероприятий разного масштаба является популярной практикой. Волонтеры представляют собой важный человеческий ресурс, который наряду с наемным персоналом делают вклад в подготовке и крупных спортивных мероприятий, например, таких как Олимпийские и Паралимпийские игры. Эксперты доказали, что вклад волонтеров не ограничивается лишь работой в различных направлениях организации и проведения крупного спортивного мероприятия. Кроме этого, спортивное волонтерство в рамках мега-событий предоставляет возможность широкому кругу людей принять участие в мероприятиях, распространяет моральные и социальные ценности, мультикультурализм и солидарность, связанные со спортивным или, например, олимпийским движением.

Логично, что наибольший исследовательский интерес к олимпийскому волон-

терству возникает в тех странах, на территории которых проводятся Олимпийские и Паралимпийские игры. Вместе с ростом числа волонтеров, принимающих участие в практиках олимпийского волонтерства, наблюдается и рост числа исследований людей, которые добровольно принимают участие в волонтерской деятельности спортивного направления в рамках крупного спортивного мероприятия. Так, в России один из первых исследований в сфере олимпийского волонтерства проводился применительно к волонтерам Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 года. Программа по работе с волонтерами этих крупных спортивных мероприятий является одной из первых комплексных программ по работе с волонтерами, которая реализовывалась на федеральном уровне.

В этой статье мы рассмотрели исследования, посвященные программам подготовки и работе с олимпийскими волонтерами и самим волонтерам, принимающим участие в подготовке и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр. В статье были описаны как российские, так и международные современные исследования. На основе анализа существующей литературы можно сделать вывод о наиболее популярных исследовательских темах, касающихся олимпийского волонтерства. Среди них мотивация участников данного направления волонтерства, анализ программ обучения и подготовки волонтеров и удовлетворенность олимпийских волонтеров участием в мероприятиях.

Анализ существующих исследований, касающихся олимпийских волонтеров демонстрирует, что среди ученых присутствует интерес к данному направлению работ. Актуальность исследований олимпийских волонтеров связана как с развитием международного олимпийского движения, увеличения числа крупных спортивных мероприятий и их масштаба, так и с ростом числа желающих принять участие в практиках олимпийского волонтерства, развитием

программ по работе с волонтерами, возможностью проведения межстрановых исследований, сравнительных исследований в разных временных периодах.

Список литературы

Горлова Н. И. Развитие олимпийского движения волонтеров в России: историография вопроса // Вестник КГУ. 2017. № 2. С. 52-55.

Диамант И. И., Романов Д. С., Смышляева Л. Г. Комплексная подготовка волонтеров зимних Олимпийских и Паралимпийских Игр 2014 г. В Сочи (Россия) // Вестник ТГПУ. 2014. № 1 (142). С. 131-135.

Зайцев А. О. Основные мотивы участия волонтеров в проведении Зимних Олимпийских игр в г. Сочи // NovaInfo. Ru. 2016. Т. 3, №. 46. С. 192-196.

Каткал К. А., Бердарь О. С. Как видят себя волонтеры на Олимпийских и Паралимпийских играх в Сочи // Физкультура, спорт, здоровье. 2016. С. 390-392.

Починкин А. В., Димитрова И. Л., Зайцев А. О. Спортивное волонтерство с позиции коммерческой выгоды организаторов соревнований // Ученые записки университета Лесгафта. 2015. № 11 (129). С. 219-223.

Романова Г. М. Теоретико-методологические основы исследования ожиданий и мотивации волонтеров // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 3. С. 151-161.

Стрельникова И. П. Волонтерское движение и его роль в подготовке Олимпийских игр // Олимпизм: истоки, традиции и современность. 2019. С. 584-587.

Телепаева Д. Ф. Социологический анализ специфики и эффективности рекрутинга спортивных волонтеров в российском регионе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 3. С. 139-151.

Шиняева О. В. Спортивное волонтерское движение в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 126-132.

Ahn Y. J. Recruitment of volunteers connected with sports mega-events: A case study of the PyeongChang 2018 Olympic and Paralympic Winter Games // Journal of destination marketing & management. 2018. Vol. 8. P. 194-203.

Baum T. G., Lockstone L. Volunteers and mega sporting events: developing a research framework // International Journal of event management research. 2007. Vol. 3, № 1. P. 29-41.

Bladen C. R. Media representation of volunteers at the Beijing Olympic Games // Sport in Society. 2010. Vol. 13, № 5. P. 784-796.

Cappato A., Pennazio V. Corporate Social Responsibility in Sport: Torino 2006 Olympic Winter Games // University of Turin. 2006.

Chalip L. Sydney 2000: Volunteers and the organisation of the Olympic Games: economic and formative aspects. Paper presented at the symposium on volunteers, global society and the Olympic movement. Lausanne. 1999.

Chanavat N., Ferrand A. Volunteer programme in mega sport events: the case of the Olympic Winter Games, Torino 2006 // International Journal of Sport Management and Marketing. 2010. Vol. 7, № 3-4. P. 241-266.

Chen S., Preuss H., Hu X., Kenyon J., Liang X. Sport Policy Development in China: Legacies of Beijing's 2008 Summer Olympic Games and 2022 Winter Olympic Games // Journal of Global Sport Management. 2019. Vol. 1. № 30.

Farrell J. M., Johnston M. E., Twynam G. D. Volunteer motivation, satisfaction, and management at an elite sporting competition // Journal of Sport Management. 1998. Vol. 12, № 4. P. 288-300.

Giannoulakis C., Wang C., Gray D. Measuring volunteer motivation in mega-sporting events // Event Management. 2007. Vol. 11, № 4. P. 191-200.

Gold J. R., Gold M. M. Introduction // Olympic cities: City agendas, planning, and the World's Games; J. R. Gold & M. M. Gold (Eds.), London: Routledge. 2011. 2nd ed., P. 1-16.

Hiller H. Toward an urban sociology of mega-events // Research in Urban Sociology. 2000. № 5. P. 181-205.

Horne J. The four "knowns" of sports mega-events // Leisure Studies. 2007. № 26. P. 81-96.

Jago L. K., Shaw R. N. Special events: A conceptual and definitional framework // Festival Management and Event Tourism. 1998. № 5. P. 21-32.

Kim D., Park C., Kim H., Kim J. Determinants and outcomes of volunteer satisfaction in mega sports events // Sustainability. 2019. Vol. 11, № 7. P. 1859.

Kodama E., Doherty A., Popovic M. Front line insight: an autoethnography of the Vancouver

2010 volunteer experience // *European Sport Management Quarterly*. 2013. Vol. 13, № 1. P. 76-93.

Li B. H. Recruiting volunteers from outside Beijing regions for the Beijing Olympics and Paralympics // *Beijing Olympic Volunteer Work Coordination Group 2007 Bulletins Compilation*, compiled by the Beijing Olympic Volunteer Work Coordination Group. 2007. 36.

Li X., Qi C., Zu J. The Empirical Study and Data Analysis of the Volunteer Work and Treatment in 2022 Beijing Olympic Winter Games // *Design Engineering*. 2020. № 11. P. 352-359.

MacAloon J. Volunteers, global society and the Olympic movement. Paper presented at the symposium on volunteers, global society and the Olympic movement. Lausanne, 1999.

Mills B. M., Rosentraub M. S. Hosting mega-events: A guide to the evaluation of development effects in integrated metropolitan regions // *Tourism Management*. 2013. № 34. P. 238-246.

Minnaert L. An Olympic legacy for all? The non-infrastructural outcomes of the Olympic Games for socially excluded groups (Atlanta 1996 – Beijing 2008) // *Tourism Management*. 2012. Vol. 33, №2. P. 361-370.

Moreno A. B., Moragas M. D., Paniagua R. The evolution of volunteers at the Olympic Games. Paper presented at the Symposium on Volunteers, Global society and the Olympic movement. Lausanne, 1999.

Müller M. What makes an event a mega-event? Definitions and sizes // *Leisure studies*. 2015. Vol. 34, № 6. P. 627-642.

Nichols G., Ralston R. Social inclusion through volunteering: The legacy potential of the 2012 Olympic Games // *Sociology*. 2011. Vol. 45, № 5. P. 900-914.

Park H., Olson E. Volunteer Management: The Case of Tokyo 2020 Olympic Games. 2020.

Pereira H. A., Cavalcante C. E. Gold medal! Study on motivation in an eventual volunteer work in the Olympic Games in Rio de Janeiro // *Organizations in context, São Bernardo do Campo*. 2018. Vol. 14. P. 28.

Ribeiro T., Correia A. The relationship between organisational issues and social impacts of Rio Olympic Games: a volunteer's perspective // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2020. Vol. 1. P. 22.

Ritchie J. R. B., Yangzhou J. The role and impact of mega-events and attractions on national and regional tourism: A conceptual and methodological overview // *Proceedings of the 37th Annual*

Congress of the International Association of Scientific Experts in Tourism (AIEST) in Calgary. St. Gallen: AIEST, 1987. P. 17-58.

Roche M. Mega-events and urban policy // *Annals of Tourism Research*. 1994. № 21. P. 1-19.

Roche M. Mega-events and modernity. London: Routledge, 2000.

Veal A. J., Toohey K., Frawley, S. The sport participation legacy of the Sydney 2000 Olympic Games and other international sporting events hosted in Australia // *Journal of policy research in tourism, leisure and events*. 2012. Vol. 4. № 2. P. 155-184.

Wilks L. Volunteering at the London 2012 Olympic and Paralympic Games: a serious leisure perspective. 2013.

Williams P. W., Dossa K. B., Tompkins L. Volunteerism and special event management: A case study of whistler's men's World Cup of skiing // *Festival Management and Event Tourism*. 1995. Vol. 3, № 2. P. 83-95.

Zhuang J. Beijing 2008: Volunteerism in Chinese culture and its Olympic interpretation and influence // *The International Journal of the History of Sport*. 2010. Vol. 27, № 16-18. P. 2842-2862.

Zhuang J., Girginov V. Volunteer selection and social, human and political capital: a case study of the Beijing 2008 Olympic Games // *Managing Leisure*. 2012. Vol. 17, № 2-3. P. 239-256.

신남주, 최철수. 평창 동계올림픽 자원봉사자의 참여동기와 몰입, 만족, 행동의도 간의 관계 연구. *관광경영연구*. 2019. Vol. 89. P. 85-106.

刘蓓蓓. 张家口地区高校志愿者服务 2022 京张冬奥会工作研究 // *人力资源管理*. 2017. № 2017 年 02. P. 180-181.

徐有粮. 2022 年冬奥会志愿者管理策略研究 // *第十一届全国体育科学大会论文摘要汇编*. 2019.

杜彩璐. 奥林匹克志愿者体系简述与激励机制的研究 // *2018 年全国体育社会科学年会论文集*. 2018.

References

Gorlova, N. I. (2017), "Development of the Olympic movement of volunteers in Russia: historiography of the issue", *Bulletin of KSU*, (2), 52-55. (in Russian)

Diamant, I. I., Romanov, D. S., Smyshlyaeva, L. G. (2014), "Comprehensive training of volunteers for the 2014 Winter Olympic and Paralympic Games in Sochi (Russia)", *Bulletin of TSPU*, (1), 131-135. (in Russian)

Zajtsev, A. O. (2016), "The main motives for the participation of volunteers in the Winter Olympic Games in Sochi", *NovaInfo. Ru*, 3 (46), 192-196. (in Russian)

Kat'kal, K. A. and Berdar', O. S. (2016), "How volunteers see themselves at the Olympic and Paralympic Games in Sochi", *Physical culture, sport, health*, 390-392. (in Russian)

Pochinkin, A. V., Dimitrova, I. L. and Zajcev, A. O. (2015), "Sports volunteering from the standpoint of the commercial benefit of the organizers of the competition", *Scientific notes of the University of Lesgaft*, (11), 219-223. (in Russian)

Romanova, G. M. (2012), "Theoretical and methodological foundations of the study of expectations and motivation of volunteers", *News of the Sochi State University*, (3), 151-161. (in Russian)

Strel'nikova, I. P. (2019), "Volunteer movement and its role in the preparation of the Olympic Games", *Olympism: origins, traditions and modernity*, 584-587. (in Russian)

Telepaeva, D. F. (2020), "Sociological analysis of the specificity and effectiveness of recruiting sports volunteers in the Russian region", *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, (3), 139-151. (in Russian)

Shinyaeva, O. V. (2017), "Sports volunteer movement in modern Russia", *Izvestia TulGU. Humanitarian sciences*, (3), 126-132. (in Russian)

Ahn, Y. J. (2018), "Recruitment of volunteers connected with sports mega-events: A case study of the PyeongChang 2018 Olympic and Paralympic Winter Games", *Journal of destination marketing & management*, 8, 194-203.

Baum, T. G. and Lockstone, L. (2007), "Volunteers and mega sporting events: developing a research framework", *International Journal of event management research*, 3 (1), 29-41.

Bladen, C. R. (2010), "Media representation of volunteers at the Beijing Olympic Games", *Sport in Society*, 13 (5), 784-796.

Cappato, A. and Pennazio, V. (2006), *Corporate Social Responsibility in Sport: Torino 2006 Olympic Winter Games*, University of Turin, Turin.

Chalip, L. (1999), *Sydney 2000: Volunteers and the organisation of the Olympic Games: economic and formative aspects*, Paper presented at

the symposium on volunteers, global society and the Olympic movement, Lausanne, Switzerland.

Chanavat, N. and Ferrand, A. (2010), "Volunteer programme in mega sport events: the case of the Olympic Winter Games, Torino 2006", *International Journal of Sport Management and Marketing*, 7 (3-4), 241-266.

Chen, S., Preuss, H., Hu, X., Kenyon, J. and Liang, X. (2019), "Sport Policy Development in China: Legacies of Beijing's 2008 Summer Olympic Games and 2022 Winter Olympic Games", *Journal of Global Sport Management*, 1 (30).

Farrell, J. M., Johnston, M. E. and Twynam, G. D. (1998), "Volunteer motivation, satisfaction, and management at an elite sporting competition", *Journal of Sport Management*, 12 (4), 288-300.

Giannoulakis, C., Wang, C. and Gray, D. (2007), "Measuring volunteer motivation in mega-sporting events", *Event Management*, 11 (4), 191-200.

Gold, J. R. and Gold, M. M. (2011), "Introduction", in Gold, J. R. & Gold, M. M. (eds.), *Olympic cities: City agendas, planning, and the World's Games*, Routledge, London, UK, 2nd ed., 1-16.

Hiller, H. (2000), "Toward an urban sociology of mega-events", *Research in Urban Sociology*, (5), 181-205.

Horne, J. (2007), "The four "knowns" of sports mega-events", *Leisure Studies*, (26), 81-96.

Jago, L. K. and Shaw, R. N. (1998), "Special events: A conceptual and definitional framework", *Festival Management and Event Tourism*, (5), 21-32.

Kim, D., Park, C., Kim, H. and Kim, J. (2019), "Determinants and outcomes of volunteer satisfaction in mega sports events", *Sustainability*, 11 (7), 1859.

Kodama, E., Doherty, A. and Popovic, M. (2013), "Front line insight: an autoethnography of the Vancouver 2010 volunteer experience", *European Sport Management Quarterly*, 13 (1), 76-93.

Li, B. H. (2007), "Recruiting volunteers from outside Beijing regions for the Beijing Olympics and Paralympics", *Beijing Olympic Volunteer Work Coordination Group 2007 Bulletins Compilation, compiled by the Beijing Olympic Volunteer Work Coordination Group*, 36.

Li, X., Qi, C. and Zu, J. (2020), "The Empirical Study and Data Analysis of the Volunteer Work and Treatment in 2022 Beijing Olympic Winter Games", *Design Engineering*, (11), 352-359.

MacAloon, J. (1999), *Volunteers, global society and the Olympic movement*, Paper presented at the symposium on volunteers, global society and the Olympic movement, Lausanne, Switzerland.

Mills, B. M. and Rosentraub, M. S. (2013), "Hosting mega-events: A guide to the valuation of development effects in integrated metropolitan regions", *Tourism Management*, (34), 238-246.

Minnaert, L. (2012), "An Olympic legacy for all? The non-infrastructure outcomes of the Olympic Games for socially excluded groups (Atlanta 1996–Beijing 2008)", *Tourism Management*, 33 (2), 361-370.

Moreno, A. B., Moragas, M. D. and Paniagua, R. (1999), *The evolution of volunteers at the Olympic Games*, Paper presented at the Symposium on Volunteers, Global society and the Olympic movement, Lausanne, Switzerland.

Müller, M. (2015), "What makes an event a mega-event? Definitions and sizes", *Leisure studies*, 34 (6), 627-642.

Nichols, G. and Ralston, R. (2011), "Social inclusion through volunteering: The legacy potential of the 2012 Olympic Games", *Sociology*, 45 (5), 900-914.

Park, H. and Olson, E. (2020), *Volunteer Management: The Case of Tokyo 2020 Olympic Games*.

Pereira, H. A. and Cavalcante, C. E. (2018), "Gold medal! Study on motivation in an eventual volunteer work in the Olympic Games in Rio de Janeiro", *Organizations in context, São Bernardo do Campo*, 14, 28.

Ribeiro, T. and Correia, A. (2020), "The relationship between organisational issues and social impacts of Rio Olympic Games: a volunteer's perspective", *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, 1, 22.

Ritchie, J. R. B. and Yangzhou, J. (1987), "The role and impact of mega-events and attractions on national and regional tourism: A conceptual and methodological overview", in *Proceedings of the 37th Annual Congress of the International Association of Scientific Experts in Tourism (AIEST) in Calgary*, AIEST, St. Gallen, 17-58.

Roche, M. (1994), "Mega-events and urban policy", *Annals of Tourism Research*, (21), 1-19.

Roche, M. (2000), "Mega-events and modernity", Routledge, London, UK.

Veal, A. J., Toohey, K. and Frawley, S. (2012), "The sport participation legacy of the Sydney 2000 Olympic Games and other international sporting events hosted in Australia", *Journal of*

policy research in tourism, leisure and events, 4 (2). 155-184.

Wilks, L. (2013), *Volunteering at the London 2012 Olympic and Paralympic Games: a serious leisure perspective*.

Williams, P. W., Dossa, K. B. and Tompkins, L. (1995), "Volunteerism and special event management: A case study of whistler's men's World Cup of skiing", *Festival Management and Event Tourism*, 3 (2), 83-95.

Zhuang, J. (2010), "Beijing 2008: Volunteerism in Chinese culture and its Olympic interpretation and influence", *The International Journal of the History of Sport*, 27 (16-18), 2842-2862.

Zhuang, J. and Girginov, V. (2012), "Volunteer selection and social, human and political capital: a case study of the Beijing 2008 Olympic Games", *Managing Leisure*, 17 (2-3), 239-256.

Nam-Joo, Shin and Cheol-Soo, Choi (2019), "A study on the relationship between participation motivation, commitment, satisfaction, and behavioral intention of volunteers at the Pyeongchang Winter Olympics", *Tourism Management Research*, 89, 85-106. (in Chinese)

Liu Beibei (2017), "Volunteer Service for Colleges and Universities in Zhangjiakou Area 2022 Beijing Zhang Winter Olympics Work Research", *Human Resource Management*, (2), 180-181. (in Chinese)

Xu Youliang (2019), "Research on Volunteer Management Strategies for the 2022 Winter Olympics", *A compilation of abstracts from the Eleventh National Sports Science Conference*. (in Chinese)

Du Cailu (2018), "A Brief Introduction to the Olympic Volunteer System and Research on the Incentive Mechanism", *Proceedings of the 2018 National Sports Social Science Annual Conference*. (in Chinese)

Статья поступила в редакцию 15 мая 2021 г. Поступила после доработки 10 августа 2021 г. Принята к печати 20 августа 2021 г.

Received 15 May 2021. Revised 10 August 2021. Accepted 20 August 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Сухарькова Марина Петровна, аналитик Научно-учебной лаборатории междисциплинарных исследований некоммерческого сектора Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Marina Sukharkova, Analyst, Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.344.34

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-6

Исследовательская статья

Васильева Е. И.

Зерчанинова Т. Е.

Гражданское участие российских школьников

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66,
vasilyeva-ekb@yandex.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66,
zerchaninova-te@ranepa.ru

Аннотация. Значительная часть исследователей рассматривает гражданскую активность в рамках школы как фактор будущей вовлеченности взрослых в демократические процессы. В этой связи практика гражданского участия школьников является актуальным предметом исследования. В статье рассмотрены результаты эмпирического социологического исследования, посвященного изучению практики гражданского участия школьников, выявления частоты участия в различных формах и определении их факторов. Цель исследования – выявить установки, практики и предпочитаемые формы гражданского участия российских школьников. Исследовательская задача также предполагает сравнение гражданской активности российских школьников и молодежи в целом. Методы сбора данных: анкетный опрос молодежи России в возрасте 14-30 лет (опрошено 2026 человек, в том числе 403 школьника), экспертное интервью (опрошено 30 экспертов). В ходе исследования установлено, что школьники высоко оценивают уровень своей гражданской активности и принимают участие в различных формах гражданской активности. Только 9,6% респондентов не принимали участие ни в одной из рассмотренных форм гражданской активности. Большая часть гражданской активности остается малодоступной для школьников в силу их ограниченных финансовых возможностей и ресурсов, а также недостаточного вовлечения молодежи в работу общественных объединений и организаций. Несмотря на высокую эмоциональную вовлеченность в гражданскую активность, школьники обладают недостаточными ресурсами и знаниями для гражданского участия и плохо информированы о возможности участия в рамках институционализированных структур вовлечения (общественных движений, групп и пр.).

Ключевые слова: молодежь; школьники; общественное участие; гражданское участие; социальное участие; политическое участие

Информация для цитирования: Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Гражданское участие российских школьников // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 55-69. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-6.

Research article

Elena I. Vasileva

Tatiana Ev. Zerchaninova

Civic participation of Russian schoolchildren

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
620144, 66, 8 Marta St., Yekaterinburg, Russia
vasilyeva-ekb@yandex.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
620144, 66, 8 Marta St., Yekaterinburg, Russia
zerchaninova-te@ranepa.ru

Abstract. A significant number of researchers consider civic engagement within the school as a factor in the future involvement of adults in democratic processes. In this regard, the practice of civic participation of schoolchildren is a topical subject of research. The article examines the results of an empirical sociological study devoted to the study of the practice of civic participation of schoolchildren, identifying the frequency of participation in various forms and determining their factors. The purpose of the study is to identify attitudes, practices and preferred forms of civic participation of Russian schoolchildren. The research task also involves comparing the civic engagement of Russian schoolchildren and young people in general. Data collection methods: a questionnaire survey of Russian youth aged 14-30 (2026 people were interviewed, including 403 schoolchildren), an expert interview (30 experts were interviewed). The study has found that schoolchildren highly rate their level of civic engagement and take part in various forms of civic engagement. Only 9.6% of respondents did not take part in any of the considered forms of civic engagement. Most of the civic engagement remains inaccessible for schoolchildren due to their limited financial capabilities and resources, as well as insufficient involvement of young people in the work of public associations and organizations. Despite the high emotional involvement in civic engagement, schoolchildren have insufficient resources and knowledge for civic participation and are poorly informed about the possibility of participating in institutionalized structures of involvement (social movements, groups, etc.).

Keywords: youth; pupils; public participation; civic participation; social participation; political participation

Information for citation: Vasileva, E. I. and Zerchaninova, T. Ev. (2021), "Civic participation of Russian schoolchildren", *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 55-69, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-6.

Введение (Introduction). Активное гражданское участие рассматривается как одна из важнейших основ демократического политического режима. Демократия в

значительной степени зависит от возможности граждан влиять на принятие тех или иных политических решений, от характера взаимодействия между органами публичного управления и населения.

Рост академического интереса к анализу практики вовлечения граждан в процесс разработки и принятия программ, проектов и иных решений органов власти и местного самоуправления обусловлен развитием горизонтально организованных форм управления, то есть механизмов учета мнения граждан, бизнеса, общественных организаций при принятии государственных или муниципальных решений (Houston, Harding, 2014).

В данной статье мы проанализируем гражданское участие российских школьников. Развитие гражданской активности в раннем возрасте позволяет ознакомить молодых людей с проблемами локального сообщества и подготовить будущих гражданских активистов. Кроме того, это формирует понимание возможностей и доверительного отношения с органами власти и управления (Middaugh, Clark, Ballard, 2017), (Metzger, Ferris, Oosterhoff, 2019).

Несмотря на различия в понимании гражданского участия, опыт реализации гражданских инициатив в рамках школы рассматривается как фактор будущей гражданской и политической активности. Учитывая существующие ограничения, с которыми молодые люди сталкиваются в отношении своего участия в общественной жизни (например, пассивного и активного избирательного права), исследователи подчеркивают важность школьного опыта учащихся для дальнейшего становления гражданской активности.

Цель исследования – выявить установки, практики и предпочитаемые формы гражданского участия российских школьников. Исследовательская задача также предполагает сравнение гражданского участия российских школьников и молодежи в целом.

Методология и методы (Methodology and methods). В последнее время возросло количество научных исследований, посвященных гражданскому участию и вовлечению граждан в решение актуально значимых вопросов на различных уровнях публичного управления (Barrett, Pachi,

2019), (Couldry, Jenkins 2014), (Couldry, Mejias, 2018).

Концепт «гражданское участие» является предметом научной дискуссии. Одни авторы рассматривают его как вид общественного участия наряду с социальным и политическим участием: «общественное участие включает в себя всю совокупность видов участия: социальное (в пространстве повседневности), гражданское и политическое» (Никовская, Скалабан, 2017: 43). Другие авторы трактуют его как «понятие, раскрывающее механизм и степень вовлеченности и включенности интересов и деятельности граждан и их объединений в процесс разработки и принятия решений по кардинальным проблемам гражданского общества» (Доманов, 2001: 59). Некоторые авторы трактуют гражданское участие с точки зрения институционального подхода (Какабадзе, Зайцев, Звягина, Карастелев, 2011: 90).

Но, несмотря на расхождение трактовок, авторы выделяют определенные признаки гражданского участия: добровольность участия; общественный характер, который предполагает взаимодействие индивидов или коллективных социальных субъектов, как минимум информационное или в форме совместных действий; их включенность, вовлеченность в коллективную деятельность; целенаправленный или реактивный характер действий, обусловленных ценностным выбором; инициативный характер; самоорганизация; направленность на достижение определенного социально значимого результата, на решение социальных проблем, на достижение общественной пользы; позволяет гражданам реализовывать права и отстаивать свои интересы.

Исходя из выявленных особенностей, гражданское участие школьников мы будем трактовать как их добровольную инициативу или вовлеченность в совместную деятельность в форме индивидуальных или коллективных действий, направленных на решение социальных проблем и достижение общественной пользы.

В зависимости от сферы гражданской активности выделяют гражданское участие в социальной и в политической сфере.

Многие исследования направлены на изучение преимущественно политической гражданской активности (Bennett, Corder, Klein, Savell, Baiocchi, 2014). Политическое участие рассматривают как деятельность, которая имеет целью оказание влияния на действия правительства либо напрямую (влияние на реализацию публичной политики), либо косвенно (влияние на решение лиц, принимающих решение) (Wicks, Wicks, Morimoto, Maxwell, Schulte, 2014).

В контексте теории политического участия рассматриваются также механизмы вовлечения молодежи в протестные акции. Рост протестного поведения как формы политического участия привел к значительному углублению теоретических и эмпирических исследований в данной области. Были выделены и проанализированы «традиционные» (голосование, участие в выборах, иные институционализированные формы) и «нетрадиционные» (массовые акции, протест) формы участия граждан (Kaase, 1990).

Ряд авторов выделяют латентное и явное политическое участие, а также индивидуальные и коллективные формы участия. Политическое участие может включать институционализированное участие в политической жизни (например, голосование или членство в партии) или активизм (легальные и нелегальные формы протеста) (Ekman, Amna, 2009).

Однако, в связи с тем, что мы рассматриваем гражданское участие школьников, то в силу возраста большинство институционализированных форм гражданского участия в политике школьникам не доступно. Поэтому гражданское участие школьников в основном реализуется в социальной сфере, а также в рамках образовательной деятельности. Социальная гражданская активность направлена на улучшение социальных аспектов жизни людей, включая волонтерство и добровольчество (Мартынова, Яницкий, Зеленин, Пфетцер, 2019).

Гражданское участие «оказывает влияние на личностное развитие индивидов, рост их социальной и гражданской компетентности и активности» (Никовская, Скалабан, 2017: 49). Несмотря на то, что возможности активного участия существенно ограничены для данной возрастной группы, опыт гражданской активности школьников в подростковом возрасте влияет на их гражданскую позицию в более взрослой жизни, например, во время обучения в вузе (Филоненко, Мосиенко, Магранов, 2019). Кроме того, участие обучающихся в общественной деятельности в рамках школы и/или образовательного процесса, как правило, сопряжено с более высоким уровнем их осведомленности о происходящих процессах, формированием осознанной гражданской позиции. Школы достигают наилучших результатов в стимулировании гражданской активности, когда они систематически обучают содержанию и навыкам гражданского участия и поощряют школьную культуру гражданской активности. Это один из выводов исследования IEA Civic Education Study, в котором 90 000 14-летних подростков из 28 стран были проверены на знание содержания и навыков гражданского участия, а также были опрошены о понятиях гражданственности, отношении к правительственным и гражданским институтам и о политических действиях (Torney-Purta, 2002). Поэтому, несмотря на различия в понимании гражданского участия, необходимо отметить важность обучения и реализацию гражданской активности в рамках школы как фактора будущей вовлеченности взрослых в демократические процессы.

Подводя итог обзору результатов исследований гражданского участия в научной литературе, можно выделить основные факторы, которые положительно влияют на формирование активной гражданской позиции у школьников:

1) ресурсы, позволяющие школьникам участвовать в различных формах политической и гражданской активности (время, знания). Знания рассматриваются и как

фактор, который отражает, насколько учащиеся осведомлены о своих гражданских правах, возможностях участия, актуальных проблемах местного сообщества. Вместе с тем, знания рассматриваются и как ресурс, позволяющий учащимся участвовать, поскольку любое участие требует не только знания механизмов участия и проблем, но и организационных навыков;

2) эмоциональная вовлеченность (интерес, прогноз эффективности и результативности участия в том или ином мероприятии);

3) институционализированные структуры вовлечения (например, общественные движения, группы, организации, партии и пр.).

Наличие указанных факторов положительно сказывается на участии школьников в разработке и реализации гражданских инициатив, а, впоследствии, и на уровне их политической активности.

В целях получения эмпирических данных, характеризующих гражданское участие российских школьников исследовательским коллективом под руководством Т. Е. Зерчаниновой в 2020 году был проведен всероссийский опрос молодежи в возрасте 14-30 лет. Опрошено 2026 человек, в том числе 403 школьника. Обработка и анализ эмпирических данных производилась в SPSS Statistics 17.0. Исследовательская задача предполагала сравнение гражданского участия российских школьников и молодежи в целом.

С целью получения экспертной оценки состояния и проблем гражданского участия школьников, механизмов вовлечения учащихся в социально-политические процессы, также было проведено экспертное интервью. Опрошено 30 экспертов. Критерии для отбора экспертов:

1. Место работы: вузы, организации среднего профессионального образования,

общеобразовательные организации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организующие работу с молодежью, общественные организации и движения.

2. Занимаемая должность: руководитель организации, заместитель руководителя организации, руководитель структурного подразделения.

3. Стаж работы: не менее 5-ти лет в организации.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Рассмотрим результаты нашего анкетного опроса молодежи и школьников. В рамках опроса респондентам было предложено ответить на блок вопросов, посвященных их уровню гражданской активности.

В целом, самооценка гражданской активности, свидетельствует о высоком уровне гражданской активности и высоком уровне эмоциональной вовлеченности. При этом школьники в большей степени склонны характеризовать свою гражданскую позицию как активную. Больше половины респондентов считают себя активными гражданами, принимающими непосредственное участие в различных мероприятиях (табл. 1).

Обращает на себя значительное количество школьников, затруднившихся с ответом (16,4%), что косвенно может свидетельствовать о наличии двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, речь идет о понимании обучающимися ограниченных возможностей для гражданской и политической активности, свойственных их возрастной группе. С другой стороны, школьники, не будучи включенными в различные молодежные организации, могут ощущать невостребованность их потенциала для решения социальных проблем (табл. 2).

Таблица 1

Какова Ваша гражданская позиция?

Table 1

What is your civic position?

Диспозиции / Dispositions	Школьники, % / Schoolchildren, %	Молодежь, % / Youth, %
Активная / Active	28,0	26,5
Скорее активная / Rather active	33,2	40,1
Пассивная / Passive	10,8	13,2
Скорее пассивная / Rather passive	11,6	11,7
Затрудняюсь ответить / I am at a loss to answer	16,4	8,5
Всего / Total:	100	100

Таблица 2

Удовлетворенность школьников различными сторонами жизни города (села)

Table 2

Satisfaction of schoolchildren with various aspects of city (village) life

Показатели / Indicators	Удовле- творен / Satisfied	Не удо- влетворен / Not satisfied	Затрудня- юсь отве- тить / I am at a loss to answer
Экологической ситуацией в городе (селе) / The eco- logical situation in the city (village)	35,6	58,0	6,4
Возможностями для развития бизнеса, предпринима- тельства в Вашем городе(селе) / Opportunities for business development, entrepreneurship in your city(village)	38,4	44,8	16,8
Социально-политической ситуацией в городе (селе) / Socio-political situation in the city (village)	40,4	42,3	17,3
Межнациональными отношениями в городе (селе) / Interethnic relations in the city (village)	63,2	25,2	11,6
Уровнем развития демократии, прав и свобод граж- дан в Вашем городе(селе) / The level of development of democracy, rights and freedoms of citizens in your city(village)	47,2	41,2	11,6
Уровнем благоустройства Вашего города (села), освещения озеленения / The level of improvement of your city (village), lighting landscaping	50,4	42,8	6,8
Качеством муниципальных дорог / The quality of mu- nicipal roads	32,4	56,0	11,6
Качеством услуг ЖКХ / The quality of housing and communal services	44,4	43,2	12,4
Качеством услуг учреждений культуры и досуга в Вашем городе (селе) / The quality of services provided by cultural and leisure institutions in your city (village)	54,0	37,2	6,8

Показатели / Indicators	Удовле- творен / Satisfied	Не удо- влетворен / Not satisfied	Затрудня- юсь отве- тить / I am at a loss to answer
Качеством услуг учреждений образования в Вашем городе (селе) / The quality of education in your city (village)	62,4	31,6	6
Возможностями для занятости и досуга молодежи / Opportunities for employment and leisure of young people	49,2	42,4	8,4
Возможностями для занятий спортом / Opportunities for sports activities	65,6	31,6	2,8

Анализ таблицы 2 показывает, что в наибольшей степени школьники удовлетворены межнациональными отношениями (63,2%), качеством услуг образования (62,4%), возможностями для занятий спор-

том (65,6%). Наибольший уровень недовольства у школьников вызывают состояние автомобильных дорог (56%), возможности для развития бизнеса (44,8%), экологическая ситуация (58%), социально-политическая ситуация в городе (42,3%).

Таблица 3

Соблюдаются ли интересы жителей Вашего города (села) в целом?

Table 3

Are the interests of the residents of your city (village) in general respected?

Диспозиции / Dispositions	Школьники, % / Schoolchildren,%
Считаю, что да / Yes	16,8
Скорее да, чем нет / Rather yes than no	44,4
Скорее нет, чем да / Rather no than yes	26,0
Считаю, что нет / No	8,0
Затрудняюсь ответить / I am at a loss to answer	4,8
Всего / Total:	100

Значительная часть школьников (61%) считает, что в целом интересы жителей соблюдаются, однако 26% респондентов в возрасте от 14 до 17 лет (каждый четвертый опрошенный) полагают, что интересы жителей скорее не соблюдаются. С данными результатами совпадают результаты, представленные в таблице 4: 26% опрошенных школьников, скорее не доверяют органам местного самоуправления, а

9,6% опрошенных полностью не доверяют (табл. 4).

Анализ мероприятий, в которых принимают участие школьники, показывает, что преобладают конструктивные формы гражданского участия – участие в благотворительности (60%), флешмобах (60%) волонтерство (67%), сбор средств и вещей (42%), онлайн активность (40%) (табл. 5).

Таблица 4

В какой степени Вы доверяете органам местного самоуправления?

Table 4

To what extent do you trust the local government?

Диспозиции / Dispositions	Школьники, % / Schoolchildren, %
Полностью доверяю / Completely trust	10,8
Скорее доверяю, чем нет / I rather trust than not	38,8
Скорее не доверяю / I rather do not trust	26,0
Не доверяю / I don't trust	9,6
Затрудняюсь ответить / I am at a loss to answer	14,8
Всего / Total:	100

Таблица 5

Уровень участия российской молодежи и школьников в альтернативных формах

Table 5

The level of participation of Russian youth and schoolchildren in alternative forms

Мероприятия / Events	Молодежь, % / Youth, %		Школьники, % / Schoolchildren, %	
	Да / Yes	Нет / No	Да / Yes	Нет / No
Участие в благотворительности / Participation in charity	57	43	60	40
Флешмобы / Flash mobs	45	55	60	40
Волонтерство / Volunteering	55	45	67	33
Участие в мероприятиях для молодежи (конкурсах, форумах, конференциях) / Participation in events for young people (competitions, forums, conferences)	58	42	60	40
Участие в деятельности молодежной думы/молодежном совете при органах местного самоуправления / Participation in the activities of the Youth Duma/Youth Council under local self-government bodies	30	70	25	75
Онлайн активность / Online activity	48	52	40	60

Гражданское участие школьников имеет по большей части индивидуальный характер и реализуется в небольших первичных коллективах (семья, друзья) или социальных сетях. Можно сделать вывод, что большая часть гражданской активности остается малодоступной для школьников в силу их ограниченных финансовых воз-

можностей и ресурсов, а также недостаточного вовлечения школьников в работу общественных объединений и организаций (табл. 6).

Около 10% респондентов, обучающихся в школе, вообще не принимали участие ни в каких формах гражданской активности.

Таблица 6

В каких формах Вы участвовали в благотворительности?

Table 6

In what forms did you participate in charity?

Варианты / Variants	Школьники, % / Schoolchildren, %
Нефинансовой материальной помощью / Non-financial material assistance	31,5
Финансовыми средствами / By financial means	23,3
Личным участием / Personal participation	45,7
Всего / Total:	100,0

Ограниченность финансовых возможностей существенным образом влияет и на формы участия молодежи в благотворительности – большинство респондентов ответили, что принимали участие личным участием (45,7%) и нефинансовой материальной помощью (31,5%).

Анализ ответов, полученных на вопрос о возможностях участия в акции по благоустройству двора, показывает, что только 9,2% опрошенных школьников не хотели бы принимать участие в такой акции. 23,6% респондентов готовы организовать такую акцию, а 44,4% готовы принять в ней участие.

Таким образом, для активного включения школьников и реализации их потенциала в первую очередь необходимы организационные структуры, поскольку в значительной части они не чувствуют в себе наличия ресурсов для организации подобных акций. Кроме того, нежелание самостоятельно организовывать такие акции может свидетельствовать о воспринимаемом низком уровне личной результативности в области гражданского участия.

Обращает на себя внимание, что школьники из сельской местности выражают более высокую готовность организовать акцию в области благоустройства. Данное обстоятельство может быть объяснено, как с точки зрения большей эмоциональной вовлеченности, так большей готовностью реализовывать совместные инициативы в небольших местных сообществах, т.е. большей воспринимаемой личностной

эффективностью и результативностью гражданской активности.

Ответы на вопрос об информированности школьников о наличии институционализированных структур вовлечения показывают, что только половина респондентов (52,4%) осведомлена о работе общественных организаций, в том числе молодежных (таблица 7).

Несмотря на то, что осведомленность о наличии общественных организаций остается низкой, 44,8% опрошенных считают, что от их деятельности есть большая польза, и только 24,8% указывают, что польза от таких организаций незначительна (таблица 8).

Согласно полученным данным, подавляющее большинство опрошенных школьников хотели бы принимать участие в деятельности общественных организаций (63,6%), четверть респондентов (25,6%) не хотели бы принимать участие в работе общественных организаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что школьники высоко оценивают уровень своей гражданской активности и принимают участие в различных формах гражданской активности. Только 9,6% респондентов не принимали участие ни в одной из указанных форм гражданской активности. Таким образом, можно отметить высокий уровень эмоциональной вовлеченности современных школьников в общественную жизнь, что может рассматриваться как фактор будущей гражданской активности.

Таблица 7

Знаете ли Вы о работе общественных организаций, в том числе молодежных, в Вашем городе (селе)?

Table 7

Do you know about the work of public organizations, including youth organizations, in your city (village)?

Диспозиции / Dispositions	Школьники, % / Schoolchildren, %
Да / Yes	52,4
Нет / No	18,0
Затрудняюсь ответить / I am at a loss to answer	29,6
Всего / Total:	100

Таблица 8

Как Вы считаете, от общественных организаций, в том числе молодежных, есть польза или нет?

Table 8

Do you think there is any benefit from public organizations, including youth organizations, or not?

Диспозиции / Dispositions	Школьники, % / Schoolchildren, %
Да, есть большая польза / Yes, there is great benefit	44,8
Да, но польза незначительная / Yes, but little benefit	24,8
Пользы нет / There is no benefit	9,6
Затрудняюсь ответить / I am at a loss to answer	20,8
Всего / Total:	100

Высокий уровень эмоциональной вовлеченности может быть использован не только в конструктивных целях, но чаще в рамках организованной протестной активности, акций гражданского неповиновения, онлайн активности, что обуславливает необходимость работы со школьниками в целях включения их в конструктивные формы гражданского участия для решения проблем местного сообщества.

Согласно данным, представленным в таблице 9, только 17,2% опрошенных школьников готовы лично принять участие в протестной акции. Но в целом, достаточно большая часть респондентов (48%) положительно относятся к протестной активности.

Только 16,4% опрошенных школьников считают, что граждане не имеют права выходить на несогласованные акции протеста (таблица 10).

Таблица 9

Отношение школьников к протестной активности

Table 9

The attitude of schoolchildren to protest activity

Диспозиции / Dispositions	Школьники, % / Schoolchildren, %
Положительное, готов сам принять участие в активных действиях, протесты помогают обратить внимание на существующие проблемы в обществе / Positive, I am ready to take part in active actions myself, protests help to draw attention to existing problems in society	17,2
Положительное, готов помогать финансами, информационно и т.д. / Positive, ready to help with finances, information, etc.	7,2
Положительное, но сам принимать участие не хочу / Positive, but I don't want to take part myself	23,6
Отрицательное, нет от них пользы / Negative, no benefit from them	11,6
Отрицательное, протесты раскачивают в интересах отдельных лиц / Negative, protests are rocking in the best interests of individuals	6,4
Отрицательное, много существует конструктивных форм взаимодействия с властью / Negative, there are many constructive forms of interaction with the authorities	4,4
Предпочитаю не высказываться по данному вопросу / I prefer not to speak out on this issue	14,4
Затрудняюсь ответить / I am at a loss to answer	15,2
Всего / Total:	100,0

Таблица 10

Как Вы считаете, имеют ли право граждане выходить на несогласованные акции протеста?

Table 10

In your opinion, do citizens have the right to go to uncoordinated protest actions?

Диспозиции / Dispositions	Школьники, % / Schoolchildren, %
Да, всегда / Yes always	20,8
Да, но только, если вопрос очень значительный / Yes, but only if the question is very significant	37,2
Да, если по-другому власть не понимает / Yes, if the authorities do not understand otherwise	25,6
Нет / No	16,4
Всего / Total:	100,0

В целом, рассмотренные выше результаты совпадают с мнением экспертов. Все эксперты высказались, что молодежь активна, однако активность носит в основ-

ном стихийный, слабо организованный характер. Высокий уровень гражданской активности молодежи наблюдается уже в более старшем возрасте – в образовательных

организациях высшего образования, стройотрядах. На уровне школы гражданские инициативы представлены незначительно.

***Эксперт 21:** Школьники активно вовлекается в различные культурно-массовые мероприятия, создание и их организацию. Очень развито спортивное направление.*

***Эксперт 30:** Практика такова, что искусственно исключаются школьники из партисипаторного бюджетирования, поскольку участвовать можно только с 16 лет. Если бы было с 14 лет, можно было бы развивать инициативное бюджетирование в школах, поэтому надо принимать иной закон чтобы вовлечь школы в этот процесс. Таким образом, на лицо не понимание, что участие – это социальная технология.*

По мнению экспертов, молодежь посредством сети Интернет активно вовлекается в разнообразные неконструктивные формы активности, в протесты, в этой связи, важно формировать молодёжные объединения на территории своего муниципального образования.

***Эксперт 18:** Школы и прочие молодёжные объединения непосредственно должны формировать молодёжные объединения при муниципалитете. Если на местах работа будет выполняться должным образом, то в целом по стране мы будем иметь положительную тенденцию к формированию молодого человека.*

По мнению экспертов, важным механизмом развития гражданской активности является личный пример, а также организационные условия для создания полноценного диалога с молодежью.

***Эксперт 20:** Необходим учет мнения молодежи и его реализация. Серьезным негативным воздействием на гражданские инициативы молодежи оказывает навязывание какого-либо мнения со стороны, которого они не придерживаются. Необходимо быть аккуратными, вставать на их позицию и придерживаться в какой-то степени их точки зрения.*

Также эксперты отметили, что в целом органы местного самоуправления, органы государственной власти не заинтересованы во взаимодействии с молодежью в процессе решения вопросов местного значения, в силу того, что органы не понимают целей этого взаимодействия.

***Эксперт 21:** Органы не понимают, не видят в этом смысла. К тому же являются слишком возрастными и зачастую просто думают, что молодежь – это угроза. Необходимо изменить подход и рассматривать молодежь как потенциал, в рамках которого можно расширить границы реализации работы и программы муниципального образования.*

По мнению экспертов, именно организационная работа способна поддерживать инициативы школьников и выстраивать им жизненную траекторию.

***Эксперт 6:** На мой взгляд, школы, вузы и молодёжные объединения играют большую роль в формировании активной гражданской позиции. Как правило, одной идеи и желания недостаточно, необходима помощь и поддержка извне. Школы и учреждения среднего и высшего образования должны всячески поддерживать инициативных ребят и помогать им в реализации их начинаний. Большая роль сохраняется и за органами государственной власти и органами местного самоуправления, поскольку в их руках сконцентрированы ключевые ресурсы, которые как правило необходимы молодым людям в осуществлении их общественно полезной деятельности.*

Заключение (Conclusions). Результаты исследования показывают важность знаний в области возможностей участия и восприятия результативности гражданственности при объяснении будущей вовлеченности школьников в различные формы гражданской активности. Различные формы самоорганизации в рамках школы оказывают положительное влияние на развитие гражданской и политической активности обучающихся.

Одной из форм такого вовлечения может стать практика инициативного бюджетирования в школах. Тем не менее, в настоящее время указанный проект носит точечный характер и не получил массового распространения. Положительно повлиять на развитие гражданской и в дальнейшем политической активности учащихся могут и такие формы как участие в школьном самоуправлении, работа в школьном совете, различные имитационные игры (имитация судебных процессов, парламентских дебатов, выборов и т.п.).

Кроме того, важнейшим фактором выступает вовлечение молодежи в деятельность общественных организаций и гражданских инициатив в школе. Участие школьников в общественных объединениях и организациях будет способствовать развитию их гражданской активности и станет одним из источников социального капитала. Поэтому необходимо развивать взаимодействие школ и местных общественных организаций, а также создавать разнообразные школьные структуры для формирования гражданской ответственности, коммуникативных навыков и навыков социального взаимодействия.

Список литературы

Доманов В. Г. Гражданское соучастие (участие) // Словарь по политологии / Под ред. В. Н. Коновалова. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001.

Какабадзе Ш. Ш., Зайцев Д. Г., Звягина Н. А., Карастелев В. Е. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 88-108.

Мартынова Т. Н., Яницкий М. С., Зеленин А. А., Пфетцер С. А. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 160-167.

Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60.

Филоненко В. И., Мосиенко О. С., Магранов А. С. Роль школы в формировании гражданской активности студенческой молодежи вузов Дона // Власть. 2019. Т. 27, № 1. С. 96-103. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6234>.

Barrett M., Pach D. Youth Civic and Political Engagement. London: Routledge, 2019. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429025570>.

Bennett E. A., Cordero A., Klein P. T., Savell S., Baiocchi G. Disavowing politics: Civic engagement in an era of political skepticism // American Journal of Sociology. 2014. № 119 (20). Pp. 518-548. DOI: <https://doi.org/10.1086/674006>.

Couldry N., Jenkins H. Participations: Dialogues on the Participatory Promise of Contemporary Culture and Politics // International Journal of Communication. 2014. № 8. Pp. 1107-1112.

Couldry N., Mejias U. A. Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject // Television & New Media. 2018. № 20 (4). Pp. 336-349. DOI: <https://doi.org/10.1177/1527476418796632>.

Ekman J., Amna E. Political Participation and Civic Engagement: Towards A New Typology // Human Affairs. 2012. № 22. Pp. 283-300. DOI: <https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1>.

Houston D. J. and Harding L. H. Public trust in government administrators explaining citizen perceptions of trustworthiness and competence // Public Integrity. 2014. № 16 (1). Pp. 53-76.

Kaase M. Mass participation // Continuities in political action; Jennings M. K. and Van Deth J. W. et al. (eds.). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1990. Pp. 23-67.

Metzger A., Ferris K. A., Oosterhoff B. Adolescents' Civic Engagement: Concordant and Longitudinal Associations among Civic Beliefs and Civic Involvement // Journal of Research on Adolescence. 2019. № 29 (4). Pp. 879-896. DOI: <https://doi.org/10.1111/jora.12423>.

Middaugh E., Clark L. S. and Ballard P. J. Digital Media, Participatory Politics, and Positive Youth Development // Pediatrics. 2017. № 140 (2). Pp. 127-131. DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2016-1758Q>.

Torney-Purta J. The school's role in developing civic engagement: A study of adolescents in twenty-eight countries // Applied Developmental Science. 2002. № 6 (4). Pp. 203-212. DOI: https://doi.org/10.1207/S1532480XADS0604_7.

Wicks R. H., Wicks J. L., Morimoto S. A., Maxwell A., Schulte S. R. Correlates of political and civic engagement among youth during the

2012 presidential campaign // *American Behavioral Scientist*. 2014. № 58 (5). Pp. 622-644. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764213515226>.

References

Domanov, V. G. (2001), *Grazhdanskoe souchastie (uchastie)* [A Dictionary of Political Science], in Konovalov, V. N. (ed.), Publishing House of the Russian State University, Rostov-on-Don, Russia. (in Russian)

Kakabadze, Sh. Sh., Zaitsev, D. G., Zvyagina, N. A. and Karastelev, V. E. (2011), "The Institute of Civil Participation: Verification by the Activities of Subjects", *Polis. Political Studies*, 3, 88-108. (in Russian)

Martynova, T. N., Yanitskiy M. S., Zelenin A. A. and Pfetzer, S. A. (2019), "Volunteer activity as a form of social and civic activity of student youth", *Professional education in Russia and abroad*, 1, 160-167. (in Russian)

Nikovskaya, L. I. and Skalaban, I. A. (2017), "Civic participation: features of discourse and trends of real development", *Polis. Political Studies*, 6, 43-60. (in Russian)

Filonenko, V. I., Mosienko, O. S. and Magranov, A. S. (2019), "The role of school in the formation of civic engagement of student youth in Don universities", *Power*, 27 (1), 96-103. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6234> (in Russian)

Barrett, M. and Pachi, D. (2019), *Youth Civic and Political Engagement*, Routledge, London. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429025570>.

Bennett, E. A., Corder, A., Klein, P. T., Savell, S. and Baiocchi G. (2014), "Disavowing politics: Civic engagement in an era of political skepticism", *American Journal of Sociology*, 119 (20), 518-548. DOI: <https://doi.org/10.1086/674006>.

Couldry, N. and Jenkins, H. (2014), "Participations: Dialogues on the Participatory Promise of Contemporary Culture and Politics", *International Journal of Communication*, 8, 1107-1112.

Couldry, N. and Mejias, U. A. (2018), "Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject", *Television & New Media*, 20 (4), 336-349. DOI: <https://doi.org/10.1177/1527476418796632>.

Ekman, J. and Amna, E. (2012), "Political Participation and Civic Engagement: Towards A New Typology", *Human Affairs*, 22, 283-300. DOI: <https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1>.

Houston, D. J. and Harding, L. H. (2014), "Public trust in government administrators explaining citizen perceptions of trustworthiness and competence", *Public Integrity*, 16 (1), 53-76.

Kaase, M. (1990), "Mass participation", in Jennings, M. K. and Van Deth, J. W. et al. (eds.), *Continuities in political action*, Walter de Gruyter, Berlin, New York, 23-67.

Metzger, A., Ferris, K. A. and Oosterhoff, B. (2019), "Adolescents' Civic Engagement: Concordant and Longitudinal Associations among Civic Beliefs and Civic Involvement", *Journal of Research on Adolescence*, 29 (4), 879-896. DOI: <https://doi.org/10.1111/jora.12423>.

Middaugh, E., Clark, L. S. and Ballard, P. J. (2017), "Digital Media, Participatory Politics, and Positive Youth Development", *Pediatrics*, 140 (2), 127-131. DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2016-1758Q>.

Torney-Purta, J. (2002), "The school's role in developing civic engagement: A study of adolescents in twenty-eight countries", *Applied Developmental Science*. 6 (4), 203-212. DOI: https://doi.org/10.1207/S1532480XADS0604_7.

Wicks, R. H., Wicks, J. L., Morimoto, S. A., Maxwell, A. and Schulte, S. R. (2014), "Correlates of political and civic engagement among youth during the 2012 presidential campaign", *American Behavioral Scientist*, 58 (5), 622-644. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764213515226>.

Статья поступила в редакцию 03 августа 2021 г. Поступила после доработки 12 сентября 2021 г. Принята к печати 14 сентября 2021 г.

Received 03 August 2021. Revised 12 September 2021. Accepted 14 September 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Васильева Елена Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры регионального и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия.

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой регионального и муниципаль-

ного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия.

Elena I. Vasileva, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Regional and

Municipal Government, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia.

Tatiana Ev. Zerchaninova, PhD in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Regional and Municipal Government, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-7

Original article

Željko Pavić
Juraj Jurlina

**Societalisation and Religiosity indicators in Europe:
a multilevel analysis**

Faculty of Humanities and Social Sciences,
Josip Juraj Strossmayer University of Osijek
31 000, 9, Lorenza Jagera, Osijek, Croatia
zeljko.pavic031@gmail.com
jjurlina@ffos.hr

Abstract. The main goal of the paper is to explore whether the process of societalisation (Bryan Wilson) has a real impact on the secularisation, i.e. on the decline of various dimensions of religion/religiosity in Europe. The paper comprises three research aims: (1) to explore whether indicators of societalisation (decline of family and rural communities on one side, and the rise of rational voluntary organisations and political activity on the other) exert impact on the possible decline of religiosity, (2) to explore whether other indicators of modernisation, such as individual and societal wealth exert impact on the possible decline of religiosity, and (3) to explore whether societalization has stronger impact on indicators of church-oriented religiosity (religious services' attendance) or on selected indicators of non-church religiosity (prayer outside religious services, personal importance of god), thus tentatively testing the hypothesis of religious individualisation. The study uses the survey data from the 2017 wave of European Values Study as well as other external country-level data (GDP per capita). The data are analysed by using sequential multilevel analyses of cross-sectional data. The results of the study show that almost all indicators of societalisation are inversely correlated with religiosity, and the same goes for personal and societal economic wealth, thus confirming the importance of societalisation as an inherent part of the process of modernisation. Additionally, the results do not provide support for the thesis of religious individualization.

Keywords: societalisation; secularisation; religion; religiosity; invisible religion; European Values Study; multilevel study

Information for citation: Pavić, Ž. and Jurlina, J. (2021), "Societalisation and Religiosity indicators in Europe: a multilevel analysis", *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 70-81, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-4.

Оригинальная статья

Павич Желько
Юрлина Юрай

**Показатели социетализации и религиозности в Европе:
многоуровневый анализ**

Факультет гуманитарных и социальных наук,
Университет Йосипа Юрая Штроссмайера в Осиеке
31 000, Хорватия, Осиек, Лоренцо Ягера, 9,
zeljko.pavic031@gmail.com
jjurlina@ffos.hr

Аннотация. Основная цель статьи – исследовать, оказывает ли процесс социетализации (Брайан Уилсон) реальное влияние на секуляризацию, т.е. на снижение различных измерений религии/религиозности в Европе. Работа включает в себя три исследовательские цели: (1) изучить, влияют ли показатели социетализации (упадок семьи и сельских общин, с одной стороны, и рост рациональных добровольных организаций и политической активности – с другой) на возможное снижение религиозности; (2) изучить, влияют ли другие показатели модернизации, такие как индивидуальное и общественное богатство, на возможное снижение религиозности; и (3) выяснить, оказывает ли социетализация более сильное влияние на показатели религиозности, ориентированной на церковь (посещение религиозных служб) или на отдельные показатели нецерковной религиозности (молитва вне религиозных служб, личная значимость бога), таким образом, предварительно проверяя гипотезу о религиозной индивидуализации. В исследовании используются данные опроса Европейского исследования ценностей 2017 года, а также другие внешние данные на уровне страны (ВВП на душу населения). Данные анализируются с помощью последовательного многоуровневого анализа кросс-секционных данных. Результаты исследования показывают, что почти все показатели социетализации находятся в обратной корреляции с религиозностью, то же самое касается личного и общественного экономического богатства, что подтверждает важность социетализации как неотъемлемой части процесса модернизации. Кроме того, полученные результаты не подтверждают тезис о религиозной индивидуализации.

Ключевые слова: социетализация; секуляризация; религия; религиозность; невидимая религия; Европейское исследование ценностей; многоуровневое исследование

Информация для цитирования: Павич Ж., Юрлина Ю. Показатели социализации и религиозности в Европе: многоуровневый анализ // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 70-81. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-7.

Introduction. It seems that in the last of couple decades the secularisation thesis has been exposed to the harsh criticism to such extent that it can even be labelled as an “unfashionable theory” (Bruce, 2011). Most famously, an early proponent of the theory, Peter Berger (1999), criticized it for its supposed ideological content prone to mixing secularisation (science) with secularism (a value-loaded political stance), and for its alleged empirical falseness. He even went that far to declare the secularisation to be a Western phenomenon and, more specifically, reserved it to the secular Western business and academic elites. Another strand of research criticized secularisation by putting forward an alternative theoretical framework known as supply-side approach or market-model of religion (Stark, Bainbridge, 1987; Iannaccone, 1992; Iannaccone, 1998; Stark,

Iannaccone, 1994; Stark, Finke, 2000). In a milder manner, some authors called for a more nuanced approach to secularisation, thus effectively “sectorizing” secularization (Warner, 2010). For instance, Dobellaere (1981) divided secularisation into three arguably independent components: laïcisation (a decrease in social importance of religion), individual secularization (a decline in commitment to religion and religious organizations) and organizational secularization (an adaptation of religious organizations to secularised societies). In a similar manner, Casanova (1994) posits that secularisation can be divided into three independent empirical hypotheses: secularization as differentiation (independence of societal spheres), secularization as the decline of religion (decline of individual religiosity), and secularization as the privatization of religion

(religion as solely a private matter). However, on this issue we concur with Steve Bruce (2011) in that we believe that the secularisation theory is unjustifiably accused as a pure ideological and political thesis with scarce empirical validity. As Bruce notes, the main cause of confusion is the alleged prognosis of the secularisation theory that religion is going to inevitably decline, and even that this is a good thing. However, secularisation theory does not necessarily include such far-fetched prognosis, it merely posits that modernisation is intertwined with secularisation, i.e. that social conditions that we label as „modernity“ make less likely the further social importance of religion and religiosity. Given the certain amount of vagueness that is attached to the notion of “modernity”, we can even define secularisation theory as a cluster of different ideas that theoretically connect modernity and decreased social importance of religion. It can be also argued that in the postmodern (or late-modern) fragmented and mediated social conditions religion can indeed develop differently in different religious fields, i.e. that secularisation can proceed in only some religious fields, thus effectively transforming religion in new directions and not destroying it (Pavić, 2016a, Pavić 2016b, Pavić, Kurbanović, Levak, 2017).

To sum up, such ideas and the propositions that follow from secularization can be independently tested. This is precisely the intention of this paper. Namely, we aim to explore whether religiosity is empirically related to the two processes that can be seen as the cornerstones of modernity: societalisation and economic development. First, we lay out a theoretical overview which draws on several authors that proposed such theoretical links, namely Bryan Wilson, as well as Pippa Norris and Ronald Inglehart. Furthermore, we also test the idea that the impact of these processes, when it comes to different levels of secularisation, can be very uneven. Namely, societalisation and economic wealth can cause religion to

decline in one aspect (i.e., church attendance), and possibly be vital in other (e.g., religious beliefs). In order to avoid the difficult question of the possible uneven secularisation throughout the World and the European „exceptionalism“ (Davie, 2002), we test the theoretical propositions on the data collected within the European Values Study project, i.e. using the data collected in European countries.

Methodology and methods. *Theoretical overview and research questions.* In his book *Religion and Secular Society* (first published in 1966)¹, Bryan Wilson argues that social conditions of industrial societies are poised to lead to the decline of religion, i.e. to secularisation. For Wilson, the pursuit of individual goals by appealing to supernatural intervention is less plausible in a world that offers more realistic, goal-orientated, rational political possibilities and solutions. Individuals become more “this-worldly” orientated and less emotionally intensive and subject to emotional gratification previously provided by religious organizations. On the macro level, all social processes are becoming rationalized, with ready-made roles in rationalized social organizations to be filled in with the individuals who are fulfilling their goals by participating in collective actions. For instance, leisure and diversions provided by mass media offered a new outlet for spending free time, thus competing with a church ministers, previously the sources of life lessons (Wilson, 2016: 47-48). In the new industrial economy, the control over the entire persons of the worker is no longer needed, and thus religious and moral socialization ceases to be an imperative. The control over the work process in industrial societies is now relegated to the new principles of “scientific management”, which motivate worker through financial reward and direct control (Wilson, 2016: 53-54). This process leads to the “de-moralization”, i.e. everyday moral concerns become less and less important as a behavioral guide, since the social scripts are

¹ As noted, the first edition of Wilson's seminal book *Religion in Secular Society* is published in 1966, followed by several slightly changed reprints. In 2016 a reprint of the book is published with a commentary by Steve Bruce, a prominent sociologist of religion. In this paper, when interpreting Wilson's ideas, we mainly refer to this edition, which itself is a reprint of the 1969 edition that is very similar to the original text.

provided by large impersonal organizations. Previous personal social relations are being replaced with impersonal interactions guided by formal social roles which usually need no further reflection as to their morality. In consequence, the moral philosophy in industrial societies is becoming more concerned with morality of large-scale organizations (corporations, nation-states, etc.), and less concerned with the morality of individuals (Wilson, 2016: 45). Wilson named this process “societalisation” and defined as a decline of close-knit communities which comprised units of everyday life, work, faith and leisure, and where religion was the source of ideas about life that were transferred unreflectively through the collective life. The decline of such, mostly rural, communities deprived religion of its natural social setting which managed to provide for the effective religious socialisation for centuries.

Economic development is one of the constituent elements of the concept of modernity and, as such, it can be conceived as one of the propellers of secularisation. The most clear and theoretically simple statement about this link can be found in a work of Pippa Norris and Ronald Inglehart (2007). They posit a simple hypothesis according which religiosity is negatively related to the level of physical, personal and social existential security. Consequently, “the importance of religion persists most strongly in vulnerable populations, especially those living in poorer nations who face risks to their survival” (Norris and Inglehart, 2007: 18). In industrial and postindustrial societies, due to the rising levels of economic wealth and existential security, religion should be in decline. Comparing their theoretical proposition with the data coming from World Values Survey, they note that, for instance, 44% of individuals in agrarian societies attend church at least once a week, while this is the case for 25% of individuals in industrial societies, and for 20% in post-industrial societies. However, they also note that the differences are very small, maybe even non-existent, when it comes to religious beliefs and other indicators of the more personalised spiritualities. In other words, a quest for a meaningful life is probably something that is not going to

vanish with the rising levels of material wealth, and religion may be very well suited for the fulfillment of such human needs (Nikodem, Jurlina, 2018: 295).

The data cited above can be interpreted as a firm sign of secularisation, since it may be assumed that those indicators of religiosity which are less costly and obligatory will decline in a more gradual and slow manner. However, they can also be seen as an indicator of the transformation of religion in contemporary postindustrial and postmodern societies. Religion may be changed and accustomed to fit to the changing social circumstances, some social contexts may favor one, and other some other types of religion. For instance, Luckmann (2003) proposed four social forms of religion which are intertwined with the social context in which they existed. In archaic societies religion and social order were one and the same, while in the first civilisations there was a division between religious and secular state power, but as a rule the state power was legitimated by means of religious arguments. In the Middle Ages until the modern western societies sacred and secular were further divided, with stronger functional specialisation in comparison to earlier societies. And finally, in contemporary societies the so-called invisible religion (Luckmann, 1967) is a dominant social form of religion which is characterised by eclecticism, individualisation and privatisation of religion. Such type of religion implies that secularisation is indeed a complex and multidimensional phenomenon, and that it is perfectly possible that societies can be secular in one sense, but very religious in some other sense. Similar ideas are proposed by Grace Davie (1990, 1994), wherein she attributes the decline of the communal aspects of religion to the general decline of communalism, i.e. to the rise of the individualist mentalities and lifestyles (Putnam, 2000). Even though there are some indications that the decline of belonging and believing is proceeding at the same rate (Voas and Crockett, 2005), the possibility that individual and collective aspects of religion are not equally susceptible to secularization still remains a viable hypothesis to be tested.

Bearing in mind the formulated theoretical framework, we have outlined the following research hypotheses to be tested in the empirical part of the paper:

H1. Societalisation (decline of family and rural communities on one side, and the rise of rational voluntary organisations and political activity on the other) is inversely correlated with religiosity.

H2. Economic wealth (personal wealth and GDP per capita) is inversely correlated with religiosity.

H3. Societalization is more strongly correlated with indicators of church-oriented religiosity (religious services' attendance) in comparison with indicators of non-church religiosity (prayer outside religious services, personal importance of god).

H4. Economic wealth (personal wealth and GDP per capita) is more strongly correlated with indicators of church-oriented religiosity (religious services' attendance) in comparison with indicators of non-church religiosity (prayer outside religious services, personal importance of god).

Data and methods. In this study we used a dataset from European Values Study, i.e. the integrated dataset of the 2017 EVS wave (EVS, 2020). This dataset was used for the multilevel analysis, i.e. for testing the research hypotheses. Various measurements from the dataset, described below, were used in the subsequent analyses.

As first-level predictor variables we chose a couple of indicators of societalisation, personal wealth and other demographic control variables. As first-level indicators of societalisation importance of family in life, importance of democracy, size of the place of residence and membership in voluntary associations were measured. All these variables are supposed to measure the impact of societalisation on the individuals. Importance of family in life is measured on a four-level scale (from very important to not important at all), but we recoded into a dummy variable (1 – very important, 0 – other answers). The reason was the fact that, overall, almost 88% of all respondents stated that their family is very important

to them. The size of the place of residence was measured on a scale ranging from 1 (less than 5,000) to 5 (500,00 and more). Membership in voluntary associations is measured as a dummy variable (1 – belongs to at least one of the listed organisations, 0 – belongs to none of the listed organisations), wherein the respondents were asked to indicate whether they belong to various types of associations – trade unions, political parties, ecological groups, sports and recreation groups, charitable/humanitarian organizations, etc. Overall, about 41.5% of all respondents declared that they do not belong to any of the ten listed organisations. Importance of democracy was measured on a scale ranging from 1 (not at all important) to 10 (absolutely important). Income per household member was measured as household monthly net income (x1000), corrected for purchase power parity in euros and divided by the number of household members. As the first-level control variables, gender (0 – female, 1 – male) and age were used.

As the second-level predictors, country GDP per capita, as well aggregated country levels of importance of family in life, importance of democracy and membership in voluntary associations were used. Country GDP per capita was measured as PPP, current international dollars, and the data source was World Bank Database. GDP per capita is taken for the year 2019, and not for the year when the data for the individual countries were collected. The main reason for such decision was COVID-19 health crisis, which led to the GDP decline in 2020, which may have introduced some measurement error to the data.

All continuous predictors were grand-mean centered.

As criterion variables, three indicators of religiosity were used – frequency of prayer outside religious services (from 1 – never to 7 – every day), importance of god in one's life (from 1 – not at all important to 10 – very important), and attendance of religious services (from 1 – never, practically never to 7 – more than once a week).

Before the analyses and hypotheses testing, in the Table 1 the descriptive statistics of the study variables is listed.

Table 1

Descriptive statistics of the study variables

Таблица 1

Описательная статистика переменных исследования

Variable	Categories	N	Percentage
Gender	Female	31,238	55.30
	Male	25,227	44.66
	Unknown/missing/not asked	26	0.04
Age	≤ 30 yrs.	10,289	18.21
	31 – 40 yrs.	8,951	15.85
	41 – 50 yrs.	9,388	16.62
	51 – 60 yrs	9,933	17.58
	61 – 70 yrs	9,713	17.19
	≥ 71yrs.	7,892	13.97
	Unknown/missing/not asked	325	0.58
Income per household member	≤ 500 US doll.	19,435	34.40
	501 – 1,000 US doll.	14,902	26.38
	≥ 1.000 USA doll.	13,236	23.43
	Unknown/missing/not asked	8,920	15.79
Size of place of residency	< 5,000	14,269	25.26
	5,000 – 100,000	21,838	38.65
	100,000 – 500,000	8,213	14.54
	> 500,000	6,214	11.00
	Unknown/missing/not asked	5,597	10.55
Importance of family	Very important	49,596	87.79
	Other answers	6,693	11.85
	Unknown/missing/not asked	202	0.36
Importance of democracy	Very important	31,371	55.53
	Other answers	23,909	42.32
	Unknown/missing/not asked	1,211	2.14
Membership in voluntary associations	No	23,467	41.54
	Yes	26,897	47.61
	Unknown/missing/not asked	6,127	10.85
Religious services attendance	Never, practically never	18,725	33.15
	Less often than a year	6,649	11.77
	Once a year	4,505	7.97
	Only on special holy days/Christmas/Easter days	12,679	22.44
	Once a month	5,713	10.11
	Once a week	5,791	10.25
	More than once a week	1,902	3.67
	Unknown/missing/not asked	527	0.93
Frequency of prayer outside of religious services	Every day	13,249	23.45
	Never	17,557	31.08
	Other answers	24,359	43.12
	Unknown/missing/not asked	1,326	2.35
Importance of god	Very important	13,913	24.63
	Not at all important	10,158	17.98
	Other answers	31,070	55.00
	Unknown/missing/not asked	1,350	2.39

Research Results and Discussion. As analytical strategy, we conducted a series of multilevel analyses with three measures of religiosity as three criterion variables. Each multilevel analysis consisted of three stages/models. The first stage was an empty model (no predictors), the second stage included random intercept model with first-level predictors, and the third stage random intercept with both first-level and second-level predictors. As already

noted, all continuous predictors were grand-mean centered.

As can be seen from Table 2, there is a significant group-level variance, i.e. country difference with regard to attendance of religious services. To be precise, about 15.08% of the total variance can be attributed to the country level (the so-called intraclass correlation coefficient – ICC).

Table 2
Multilevel regressions on religious services attendance as the criterion variable

Таблица 2

Многоуровневые регрессии по посещаемости религиозных служб
в качестве критериальной переменной

Parameter	Model 1	Model 2	Model 3
Structural part			
Intercept	4.85***	5.28***	4.60***
Gender (female)		0.36***	0.36***
Age		0.01***	0.01***
Monthly income per household member		- 0.14***	-0.14***
Size of place of residence		- 0.04***	-0.04***
Importance of family		0.21***	0.21***
Importance of democracy		0.00	0.00
Membership in voluntary associations		0.54***	0.54***
GDP per capita			0.00
Importance of family – country level			0.07
Importance of democracy – country level			-0.03
Membership in voluntary associations– country mean			0.51
Random part			
Intercept variance	0.54***	0.57***	0.40***
Residual variance	3.04***	2.85***	2.85***

* p<0.05; ** p<0.01; *** p<0.001

From the second model (individual level predictors), we can note that all predictors are statistically significant, with the exception of the importance of democracy. Women have 0.36 points higher score on the religious services attendance than men, while every year of age increases the attendance score by 0.01 points. An increase of income of one thousand dollars per family member leads to a decrease in the attendance score by 0.14 points. One-point increase in the size of the place of residence decreases the attendance score by 0.04

points. The respondents to whom their families are very important have higher score on the attendance scale by 0.21 points, when compared to those who did not indicate that their families are very important to them. And finally, the persons who are members of at least one voluntary association have higher attendance score by 0.51 points in comparison to the persons who are not members of such associations.

When the second-level predictors are added (the third model), we can note that none

of the second-level predictors are statistically significant. However, we can also not that even in the final model there is a significant and substantial intercept variance, i.e. that the countries from the sample are different even when the selected variables are accounted for.

When it comes to the multilevel regression with prayer outside religious services as the criterion variable (Table 3), from the empty model we can note that ICC amounts to 19,23% (i.e. 0.1923), which means that there also exists a significant clustering effect on the country level.

We can see that the same predictors are statistically significant and that the direction of the predictors is the same as in the regression with the attendance level as the criterion variable. The only difference is the third model, wherein one-thousand dollars increases country-level GDP per capita decreases the score on the frequency of prayer scale by 0.04 points. Other group-level predictors, i.e. aggregated levels of family importance, importance of democracy and membership in horizontal associations, are not statistically significant.

Table 3

Multilevel regressions on frequency of prayer as the criterion variable

Таблица 3

Многоуровневые регрессии для частоты молитв в качестве критериальной переменной

Parameter	Model 1	Model 2	Model 3
<i>Structural part</i>			
Intercept	4.26***	4.90***	5.65***
Gender		0.86***	0.87***
Age		0.02***	0.02***
Income per household member		- 0.22***	- 0.22***
Size of place of residence		- 0.05***	- 0.06***
Importance of family		0.33***	0.33***
Importance of democracy		- 0.01	0.01
Membership in voluntary associations		0.41***	0.42***
GDP per capita			0.00004**
Importance of family – country level			2.21
Importance of democracy – country level			0.45
Membership in horizontal organizations – country mean			0.85
<i>Random part</i>			
Intercept variance	1.15***	1.19***	0.56***
Residual variance	4.83***	4.30***	4.30***

* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$

The empty model from the regression on the importance of god as the criterion variable (Model 1 in Table 4) we can also conclude that there are significant country-level differences, given that 25.29% of the total variance can be

attributed to the country level. Other results are very similar as in the previous multilevel regression. Namely, the same predictors are statistically significant with the coefficients pointing to the same direction.

Table 4

Multilevel regressions on importance of god as the criterion variable

Таблица 4

Многоуровневые регрессии по важности бога как критериальной переменной

Parameter	Model 1	Model 2	Model 3
Structural part			
Intercept	6.13***	5.59***	6.35***
Gender		0.78***	0.78***
Age		0.02***	0.02***
Income per household member		- 0.34***	- 0.33***
Size of place of residence		- 0.10***	- 0.10***
Importance of family		0.59***	0.60***
Importance of democracy		0.05***	0.05***
Membership in horizontal organizations		0.39***	0.40***
GDP per capita			- 0.00008***
Importance of family – country level			0.78
Importance of democracy – country level			0.59
Membership in horizontal organizations – country mean			- 1.06
Random part			
Intercept variance	2.82***	2.65***	0.93***
Residual variance	8.33***	7.33***	7.33***

* p<0.05; ** p<0.01; *** p<0.001

The parameters of the model fit show that in all regression analyses the subsequent models represent the better fit to the data. Namely, we can see that fit indices are lower for the subsequent nested models, and this is also confirmed

by testing the differences between -2 restricted log likelihood with chi-square tests with degrees of freedom that amounts to the differences in the total number of parameters between two models that are being tested.

Table 5

Parameters of model fit

Таблица 6

Параметры соответствия модели

Parameter	Model 1	Model 2	Model 3
<i>Religious services attendance</i>			
-2 Restricted Log Likelihood	221,180.98	145,031.36	145,020.48
Akaike's Information Criterion (AIC)	221,186.98	145,051.36	145,048.48
Hurvich and Tsai's Criterion (AICC)	221,186.98	145,051.37	145,048.49
Bozdogan's Criterion (CAIC)	221,216.77	145,146.63	145,181.85
Schwarz's Bayesian Criterion (BIC)	221,213.77	145,136.63	145,167.85
<i>Frequency of prayer</i>			
-2 Restricted Log Likelihood	243,677.37	158,373.70	158,350.45
Akaike's Information Criterion (AIC)	243,683.37	158,393.70	158,378.45
Hurvich and Tsai's Criterion (AICC)	243,683.37	158,393.71	158,378.46
Bozdogan's Criterion (CAIC)	243,713.13	158,488.84	158,511.64

Parameter	Model 1	Model 2	Model 3
Schwarz's Bayesian Criterion (BIC)	243,710.13	158,478.84	158,497.64
<i>Importance of god</i>			
-2 Restricted Log Likelihood	273,597.47	178,301.88	178,269.51
Akaike's Information Criterion (AIC)	273,603.47	178,321.88	178,297,51
Hurvich and Tsai's Criterion (AICC)	273,603.47	178,321.88	178,297.53
Bozdogan's Criterion (CAIC)	273,633.22	178,417.03	178,430.73
Schwarz's Bayesian Criterion (BIC)	273,630.22	178,407.03	178,416.73

Conclusion. Overall, the results of our analyses confirmed our first and second hypothesis, but were not in accordance with our third and fourth hypothesis. Namely, there is a significant negative association of almost all measures of societalisation and the measures of individual and societal wealth with the indicators of religiosity. Such correlation was not stronger, in fact it was a little weaker, for the attendance of religious services, in comparison to the prayer outside religious services and the personal importance of god. In consequence, it cannot be confirmed that the impact of societalisation is uneven, and that it provides a space for more personal forms of religion and spirituality.

As for the specific predictors, the importance of the size of the place of residence affirms the validity of the societalization thesis. It seems that small communities, with less social and cultural pluralism that is inherently present in larger settlements, can maintain the sacred canopy (Berger, 1967) that is important as a plausibility structure which is vital for religious life. The same can be concluded from the finding that the importance of family is positively related to religiosity. Family is also an institution that provides religious plausibility structures connected to socialisation, and the decline of importance of family is a sign of societalisation, and consequently of secularisation. With regard to the positive association between the associational membership and religiosity, we might interpret it as a success of religion in building social capital (Smith, 2003; King, Furrow, 2008), i.e. we can assume that the membership in voluntary associations is an inadequate measure of societalisation. Contemporary societies are not dependent on social capital as their driving force, but on the impersonal rules. In Portes and Vickstrom's

(Portes and Vickstrom's, 2011: 473) words, "large corporations and impersonal markets do not run on social capital; they operate instead on the basis of universalistic rules and their embodiment in specific roles". Even though voluntary associations indeed express active citizenship and the willingness to actively engage in the try to change one's own social conditions, precisely religion can be a driving force behind a rich associational life. Namely, we should not equate secularization with quietism and privatization of religion (Casanova, 1994). Therefore, our findings might be more a vindication of a thesis that secularization is not equal to privatization of religion, than a recantation of the societalization thesis. As visible from the results' tables, we did not establish any connection between the perception of importance of democracy and religiosity. A possible explanation might be a curvilinear association between the development and the faith in democracy. In other words, citizens of wealthy societies are becoming more critical of democracy since they have high expectations about its effects. Thus, the perception of the importance of democracy might not be a perfect indicator of secularisation.

As for the individual and societal wealth, our results confirm Norris and Inglehart's (Norris and Inglehart's, 2007) hypothesis about the role of scarcity and existential security in the decline of religion. It is particularly interesting that in the case of the analyses with frequency of prayer and importance of god as criterion variables both individual wealth and societal wealth are negatively and independently correlated with religiosity. That means that the individual wealth creates a sense of security, but that also happens with societal wealth,

which also creates the overall sense of security that permeates the wealthier societies.

When it comes to the other control variables, i.e. gender and age, our results are in general agreement with the previous knowledge. Namely, according to numerous research studies, women are more religious than men, at least in the Christian countries (Trzebiatowska, Bruce, 2012). Age differences are not so clear-cut, although older persons are more often found to be more religious than the younger ones (e.g., Bengtson et al., 2015; Argue, Johnson and White, 1999), mostly due to the age and period effects. This happens to be the case for most European countries, with countries in East Europe showing no difference between the age cohorts (Pew Research Center, 2018).

As for the limitations of our research, it has to be borne in mind that our analysis of the impact of societalisation and economic wealth is conducted on a cross-sectional data and thus, strictly speaking, cannot form a basis for conclusion about the religiosity trends.

As noted at the beginning, our analysis covers only Europe. A contextualized secularisation theory (Pickel, 2009) needs to take into account possible socio-cultural differences and path dependencies that cannot be explained by a universal theory. In short, socio-cultural and socio-political (Martin, 1978; Martin, 2005) specificities of Europe can influence the position of religion and thus create a spurious connection between modernisation and religiosity. In addition, our results are confined to the “traditional” religion, i.e. they tell us nothing about possible “spiritualities of life” (Heelas, 2008) or “the spiritual revolution” (Heelas et al., 2005) that might replace organized religion in a conventional sense, even though there are some findings that demonstrate that they cannot fully compensate for the decline of traditional religion in Europe (Pollack, 2008).

References

Argue, A., Johnson, D. R. and White, L. K. (1999), “Age and religiosity: Evidence from a three-wave panel analysis”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 38(3), 423-435.

Berger, P. L. (1967), *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*, Anchor Books, New York, USA.

Berger, P. L. (1999), “The Desecularization of the World: A Global Overview”, in Berger, Peter L. (ur) *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*, Ethics and Public Policy Center, Washington DC, 1-18.

Bengtson, V. L., Silverstein, M., Putney, N. M. and Harris, S. C. (2015), “Does Religiosity Increase with Age? Age Changes and Generational Differences Over 35 Years”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 54(2), 363-379.

Bruce, S. (2011), *Secularization. In Defence of an Unfashionable Theory*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Casanova, J. (1994), *Public Religions in the Modern World*, The University of Chicago Press, Chicago, IL, USA.

Davie, G. (1990), “Believing without Belonging: Is This the Future of Religion in Britain?”, *Social Compass*, 37(4), 455-469.

Davie, G. (1994), *Religion in Britain Since 1945: Believing Without Belonging*, John Wiley & Sons, Hoboken, NJ, USA.

Davie, G. (2002), *Europe: The Exceptional Case. Parameters of Faith in the Modern World*, Orbis Books, London, UK.

Dobbelaere, K. (1981), “Trend Report: Secularization: A Multi-Dimensional Concept”, *Current Sociology*, 29(2), 3-153.

EVS (2020), *EVS European Values Study 2017: Integrated Dataset (EVS 2017). GESIS Data Archive, Cologne. ZA7500 Data file Version 4.0.0* [Online], Available at: <https://doi.org/10.4232/1.13560> (Accessed 13 May 2021)

Heelas, P. (2008), *Spiritualities of Life: New Age Romanticism and Consumptive Capitalism*, Wiley Blackwell, Oxford, UK.

Heelas, P., Woodhead, L., Seel, B., Szezyński, B and Tusting, K. (2005), *The Spiritual Revolution: Why Religion Is Giving Way to Spirituality*, Blackwell, Oxford, UK.

Iannaccone, L. R. (1992), “Religious Market and the Economics of Religion”, *Social Compass*, 39(1), 123-131.

Iannaccone, L. R. (1998), “Introduction to the Economics of Religion”, *Journal of Economic Literature*, 36(3), 1465-1496.

King, P. E. and Furrow, J. L. (2008), “Religion as a Resource for Positive Youth Development: Religion, Social Capital, and Moral Outcomes”, *Psychology of Religion and Spirituality*, S(1), 34-49.

Luckmann, T. (1967), *The Invisible Religion. The problem of Religion in Modern Society*, MacMillan, New York, USA.

Luckmann, T. (2003), "Transformations of Religion and Morality in Modern Europe", *Social Compass*, 50(3), 275-285.

Martin, D. (1978), *A General Theory of Secularization*, Harper & Row, New York, USA.

Martin, D. (2005), *On Secularization: Towards a Revised General Theory*, Routledge, New York, USA.

Nikodem, K. and Jurlina, J. (2018), "U očekivanju opadanja religioznosti? Komparativna analiza religioznosti zagrebačkih studenata", *Sociologija i prostor: časopis za istraživanje prostornog i sociokulturnog razvoja*, 56(3), 273-298.

Norris, P. and Inglehart, R. (2007), *Sveto i svjetovno. Religija i politika u svijetu*, Politička kultura, Zagreb, Croatia.

Pavić, Ž. (2016a), "Mediatization of religion in the context of religious transformation", *Nova prisutnost: časopis za intelektualna i duhovna pitanja*, 14(2), 283-297.

Pavić, Ž. (2016b), *Postmoderno društvo i nevidljiva religioznost*, Odjel za kulturologiju, Sveučilište Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku, Matica hrvatska Osijek, Osijek, Croatia.

Pavić, Ž., Kurbanović, F. and Levak, T. (2017), "Mediatization of Catholicism in Croatia: A Networked Religion?", *Revija za sociologiju*, 47(3), 241-270.

Pew Research Center (2018), *The Age Gap in Religion Around the World* [Online] available at: <https://www.pewforum.org/2018/06/13/the-age-gap-in-religion-around-the-world/> (Accessed 2 June 2021).

Pickel, G. (2009), "Secularization as a European Fate? – Results from the Church and Religion in an Enlarged Europe Project 2006", in Pickel, G. and Müller, O. (eds.), *Church and Religion in Contemporary Europe. Results from Empirical and Comparative Research*, VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden, 89-122.

Pollack, D. (2008), "Religious Change in Europe: Theoretical Considerations and Empirical Findings", *Social Compass*, 55(2), 168-186.

Portes, A. and Vickstrom, E. (2011), "Diversity, Social Capital, and Cohesion", *Annual Review of Sociology*, 37, 461-479.

Putnam, R. D. (2000), *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, Simon & Schuster, New York, USA.

Smith, C. (2003), "Theorizing Religious Effect Among American Adolescents", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 42(1), 17-30.

Stark, R. and Bainbridge, R. (1987), *A Theory of Religion*, Peter Lange, New York, USA.

Stark, R. and Finke, R. (2000), *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*, University of California Press, Berkeley, CA, USA.

Stark, R. and Iannaccone, L. R. (1994), "A Supply-Side Reinterpretation of the „Secularization“ of Europe", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 33, 230-252.

Trzebiatowska, M. and Bruce, S. (2012), *Why are Women more Religious than Men?*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Voas, D. and Crockett, A. (2005), „Religion in Britain: Neither Believing nor Belonging“, *Sociology*, 39(1), 11-28.

Warner, R. (2010), *Secularization and Its Discontents*, Continuum, London, UK.

Wilson, B. (2016), *Religion in Secular Society: Fifty Years On (Edited with Commentary by Steve Bruce)*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Received 12 April 2021. Revised 12 August 2021. Accepted 04 September 2021.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2021 г. Поступила после доработки 12 августа 2021 г. Принята к печати 04 сентября 2021 г.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Željko Pavić, PhD, Associate Professor, Faculty of Humanities and Social Sciences, Josip Juraj Strossmayer University of Osijek, Osijek, Croatia.

Juraj Jurlina, Teaching Assistant, Faculty of Humanities and Social Sciences, Josip Juraj Strossmayer University of Osijek, Osijek, Croatia

Павич Желько, доктор философии, доцент, факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Йосипа Юрая Штрроссмайера в Осиеке, Осиек, Хорватия.

Юрлина Юрай, ассистент, факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Йосипа Юрая Штрроссмайера в Осиеке, Осиек, Хорватия

УДК 316.354.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-8

Оригинальная статья

Кисиленко А. В.

Ценностные основания волонтерских практик
российской молодежи

Белгородский государственный национальный исследовательский университете
308009, Россия, г. Белгород, ул. Преображенская 78
kisilenko@bsu.edu.ru

Аннотация. Волонтерство – понятие, которое в последние годы прочно вошло как в обывденный, так и научный оборот. В социологическом поле тематика волонтерства традиционно локализуется в рамках экономической социологии и социологии управления, которые опосредуют его связь с трудом, функционированием и развитием некоммерческого сектора и гражданского общества. Хотя, безусловно, понимание природы и содержания волонтерской деятельности сегодня выходит за рамки данных отраслей, отдавая приоритет системным, институциональным, общностным и прочим аспектам рассмотрения данного феномена. В статье предпринимается попытка изучить феномен волонтерства в ракурсе аксиологического подхода, методология которого призвана расширить имеющиеся представления о ценностных основаниях волонтерских практик россиян. На основе данных исследований волонтерской деятельности молодежи в Белгородской области, а также результатов всероссийских опросов населения, проведенных в период с 2017 по 2019 гг. определяются ценностные ориентиры, которые демонстрирует молодое поколение в отношении добровольного, бескорыстного труда на личностном и групповом уровнях, дается сравнительный анализ ценности волонтерской работы для молодежи и непосредственных ее участников. Ценностные основания, связанные с реализацией нравственно-гуманистических принципов добровольческого труда, рассматриваются в качестве необходимого условия для массовизации процесса интеграции российской молодежи в волонтерское движение и стимулирования институционализации волонтерства в современных социокультурных реалиях.

Ключевые слова: волонтерство (добровольчество); волонтерская деятельность; ценности; аксиологический подход; молодежь

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31697 «Риски волонтерской деятельности: рефлексивные сценарии регионального сообщества».

Информация для цитирования: Кисиленко А. В. Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 82-89. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-8.

Anastasiya V. Kisilenko | Value foundations of volunteer practices of Russian youth

Belgorod State University
308009, 78, Preobrazhenskaya Str., Belgorod, Russia
kisilenko@bsu.edu.ru

Abstract. Volunteering is a concept that in recent years has firmly entered both everyday and scientific use. In the sociological field, the topic of volunteering is traditionally localized within the framework of economic sociology and sociology of management, which mediate its connection with labor, the functioning and development of the non-profit sector and civil society. Although the understanding of the nature and content of volunteer activity today goes beyond these industries, giving priority to systemic, institutional, community and other aspects of considering this phenomenon. The article attempts to study the phenomenon of volunteering from the perspective of the axiological approach, the methodology of which is designed to expand the existing understanding of the value foundations of volunteer practices in Russians. Based on data from studies of youth volunteer activities in the Belgorod region, as well as the results of all-Russian population surveys conducted in the period from 2017 to 2019, defines the value orientations that the younger generation demonstrates in relation to voluntary, selfless work at the personal and group levels, provides a comparative analysis of the value of volunteer work for young people and its direct participants. The value foundations associated with the implementation of the moral and humanistic principles of volunteer work are considered as a prerequisite for the massization of the process of integration of Russian youth into the volunteer movement and stimulation of the institutionalization of volunteering in modern socio-cultural realities.

Keywords: volunteering; values; axiological approach; youth

Acknowledgment: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31697 “Risks of volunteering: reflexive scenarios of regional community”.

Information for citation: Kisilenko, A. V. (2021), “Value foundations of volunteer practices of Russian youth”, *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 82-89, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-8.

Введение (Introduction). Волонтерство – один из тех просоциальных феноменов, изучением которого в последние годы стали активно заниматься представители самых разных наук, социология в их числе. За последние годы накоплен достаточный эмпирический материал о российских волонтерах, добровольческих инициативах, реализуемых ими. Опираясь на количественные и качественные стратегии сотрудники Высшей школы экономики, Аналитического центра Ю. Левады (Левада-центр), Фонда «Общественное мнение» (ФОМ),

Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), исследовательской группы «Циркон» дают оценку уровня волонтерской активности в конкретных группах российского общества, социального капитала волонтеров, выявляют их портретные черты, стимулы и барьеры добровольного участия, востребованные практики и т.д.

Не отстает в этом смысле и теоретическая социология, которая существенно расширила методологические рамки изучения социального феномена волонтерства за

пределы экономической социологии и социологии управления. Профессор Г. Е. Зборовский даже ставит вопрос о конструировании особого направления – социологии волонтерства, в качестве предметной области которой будет выступать исследование «реальных волонтерских практик конкретных социальных общностей, особенностей их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов поведения в связи с добровольческой деятельностью, взаимодействием волонтеров в рамках ее различных способов и видов, в том числе с различными институтами и организациями государства и гражданского общества» (Зборовский, 2017: 11). Определение, предложенное уральским ученым, содержит акцент на методологию общностного, деятельностного, институционального и аксиологического подходов, актуальных при социологическом изучении волонтерства.

Из всего многообразия представленных методологий (которые к слову не ограничиваются данным перечнем и могут быть дополнены системной, управленческой, рискологической), в рамках исследования наибольший интерес представляет именно «аксиологический подход, который направлен на объяснение ценностной природы волонтерства, и по мнению М. В. Певной, проявляется в ценностях волонтерской деятельности на личностном, общностном и социальном уровнях, позволяет рассматривать в том числе само волонтерство как ценность» (Певная, 2013: 178).

Методология и методы (Methodology and methods). Опираясь методологию аксеологического подхода, в статье на основе результатов всероссийских и региональных опросов, проведенных в период с 2017 по 2019 гг. определяются ценностные ориентации молодежи в отношении волон-

терской деятельности, а также ее оценки социальной значимости волонтерства, ценности, создаваемой волонтерским трудом.

Эмпирическую (информационную) базу составляют результаты репрезентативных прикладных исследований и статистики, а именно:

а) опроса 1500 молодых россиян в возрасте от 14 до 29 лет «Российское «поколение Z»: установки и ценности»¹, проведенного в середине 2019 г. Левада-центром по запросу Фонда имени Фридриха Эберта.

б) телефонного опроса 3017 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, реализованного ФОМ осенью 2019 г. на тему «Масштабы и потенциал волонтерства»².

в) опроса ВЦИОМ 2018 г., посвященного добровольческой деятельности россиян³.

г) опроса Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ 2017 г., касающегося мотивации добровольческой деятельности⁴.

д) опроса «Участие молодежи в волонтерской деятельности: потенциал, проблемы, перспективы развития» 2017 г. (объектом исследования выступала молодежь в возрасте от 14 до 30 лет (N=600), проживающая в 7 городах и 11 муниципальных районах Белгородской области, а также волонтеры (N=623) из числа участников тематических интернет-сообществ, лидеров волонтерских организаций в крупных городах России – всероссийский онлайн-опрос).

е) обследования рабочей силы Росстата в 2021 г., отражающего структуру населения в возрасте 15 лет и старше, работающего в качестве волонтеров в течение последних 12 месяцев⁵.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

¹URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).

²URL: <https://fom.ru/TSennosti/14303> (дата обращения: 20.07.2021).

³URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dobrovolchestvo-i-volontyorstvo-kak-my-pomogaem-drug-drugu-> (дата обращения: 20.07.2021).

⁴URL: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/402892635.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).

⁵URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 20.07.2021).

Почему именно молодежь как социально-демографическая группа и ее ценностные ориентации в сфере волонтерской деятельности являются наиболее актуальными в современных социологических исследованиях российского волонтерства?

Во-первых, волонтерство становится одной из популярных форм участия молодых россиян в решении социальных проблем. По данным опроса «Российское «поколение Z»: установки и ценности» 21% молодежи в 2019 г. работали волонтерами и 23% имели опыт участия в общественной, гражданской организации, волонтерском движении в целом. Годом ранее аналогичный процент россиян (22%) в возрасте 18-24 лет по данным ВЦИОМ также оказывал волонтерскую помощь нуждающимся.

Во-вторых, в волонтерские организации вступают в основном наиболее продвинутые представители именно молодежного сегмента. По данным Росстата в текущем году 45,6% участников волонтерского движения составляют молодые граждане в возрасте от 15 до 39 лет.

В-третьих, содержание и направленность изменения ценностных представлений молодежи о волонтерской деятельности позволяют проследить открытость данной социальной группы общественным идеалам волонтерства, определить структурный резерв гуманистических, архитипических национальных ценностей солидаризации. Как справедливо подчеркивают в своем исследовании П. Деккер и Л. Халман: «Волонтерство будет более распространено в тех обществах, где присутствует дух солидарности» (Dekker, Halman, 2003: 7).

Рассуждая на тему признаков, репрезентирующих ценностный аспект волонтерства в массовом сознании, Т. А. Лисовская отмечает, что «ценность волонтерской работы, например, для американской молодежи (эксперименту подвергались студенты не старше 24 лет), заключается в совместных усилиях на благо общества, причем эта работа является почетной и требует от них самоотдачи и определенных навы-

ков. Ценностно положительная окраска волонтерства проявляется в связях и ассоциациях этого феномена с помощью, совместным трудом, жертвованием, безвозмездностью, идеями улучшения жизни других» (Лисовская, 2010: 74).

Как показывают региональные исследования в молодежном сознании россиян концепт «волонтерства» также имеет преимущественно положительные коннотации. Массовый опрос молодежи Белгородской области «Участие молодежи в волонтерской деятельности: потенциал, проблемы, перспективы развития», проведенный в 2017 г. по квотной многоступенчатой выборке демонстрирует связи в восприятии волонтера с такими понятиями и человеческими качествами как помощь, доброта, бескорыстие, альтруизм, сострадание. Что бесспорно свидетельствует о нравственном характере представлений идейных принципов волонтерского труда, сложившихся в массовом молодежном сознании.

Воспринимая волонтерство как своеобразный «синдром помощи и заботы», молодежь наделяет участников волонтерской деятельности соответствующими значимыми личностными чертами, определяющими ее эффективность. В представлениях молодого поколения волонтер должен быть человеком добрым (52,8%), отзывчивым (39,7%), терпеливым (36,5%), сочувствующим (25,3%), не стремящимся к личной выгоде (25,3%), честным (23,8%). В то время как параллельное исследование среди самих волонтеров показывает, что помимо качеств, апеллирующих к общечеловеческим ценностям (отзывчивость – 65,2%, доброта – 62,8%), оценивая собственные портретные характеристики, они отмечали, что такая деятельность характеризуется особой ответственностью (56,5%), основана на развитых коммуникативных компетенциях (47,2%) и требует трудолюбия (36,3%), стрессоустойчивости (24,6%) и мобильности (19,4%).

Сравнение представлений молодежи и волонтеров демонстрирует существен-

ную разницу в акцентах восприятия ценности волонтерской работы: с позиции сторонних наблюдателей в лице молодых людей в основе волонтерства скорее гуманистические ориентиры и эмпатийность, по

опыту самих участников – это еще и труд, требующий определенного напряжения и сформированности профессионально-значимых качеств.

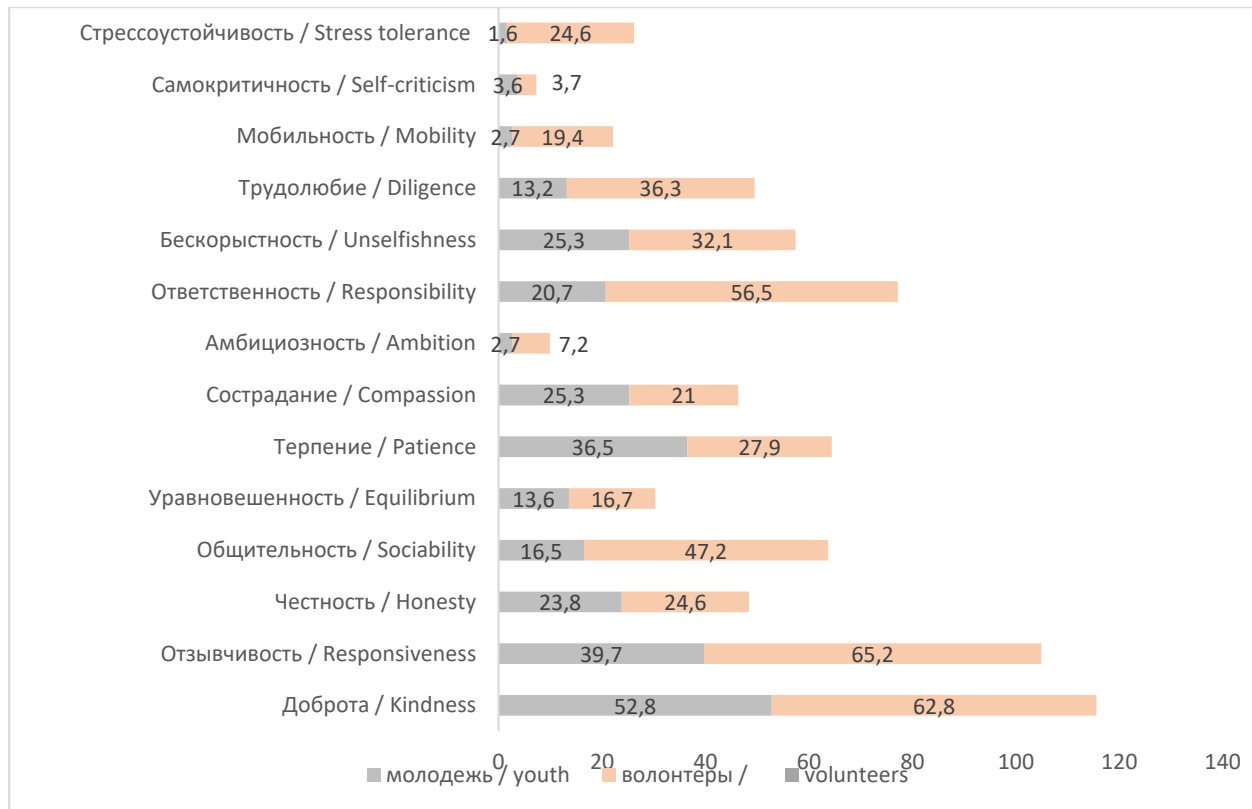

Рис. 1. Значимые волонтерские качества в восприятии молодежи и волонтеров
Fig. 1. Significant volunteer qualities in the perception of youth and volunteers

Разные позиции занимают молодежь и волонтеры в вопросах оценки престижности волонтерства. Результаты упомянутых ранее опросов, проведенных автором в рамках подготовки диссертационной работы «Волонтерство как форма самоорганизации российской молодежи в условиях риска» позволяют говорить, что 76,6% опытных волонтеров в результате относительной оценки места волонтерского труда в общественной иерархии социально значимых работ считают его действительно престижным. К сожалению, этого нельзя сказать о молодежи, не вовлеченной в добровольческие практики. Среди молодых людей доля тех, кто оценивают работу волонтеров как

престижную в три раза меньше и составляет 23,2%. Абсолютное большинство молодых респондентов вопрос о престижности волонтерства привел в затруднение – 53,4%. Мы полагаем, что во многом подобное положение обусловлено кризисными явлениями, произошедшими в социальных, экономических и политических отношениях, вызвавшими ценностные изменения и культурные сдвиги. Неслучайно Алексей Левинсон (руководитель отдела социокультурных исследований Левада-центра) подчеркивает, что «несмотря на позитивное отношение россиян к идее помощи, они всячески стремятся рутинизировать этот процесс и если и готовы объединяться, то

только перед лицом смертельных вызовов»¹. Гипотеза о наличии ценностных барьеров в развитии волонтерства уже поднималась в наших исследованиях (Кисиленко А., Кисиленко Д., 2019), поскольку именно ценности рождают желания, мотивы, интересы, выступают «проводниками смысла» и основной для формирования социальной идентичности волонтерской общности. Вероятно, индивидуализация является наиболее важной ценностной метаморфозой, которая в настоящее время влияет на волонтерство и не позволяет многим молодым людям включиться в прочные коллективистские отношения, в полной мере осознавая высокую общественную значимость волонтерского труда. Несмотря на социальное одобрение и ценностно положительную окраску восприятия волонтерства, цифры фактического участия молодежи в добровольной бескорыстной работе в разы уступают, даже если не брать в расчет волонтерские показатели, которые обеспечиваются работой молодых людей в школьных и студенческих организациях (по данным исследова-

ования Российское «поколение Z»: установки и ценности из 21% молодых людей, имеющих опыт волонтерской работы каждый второй работал волонтером в школе или университете) и могут заставить усомниться в их добровольности.

Не менее информативны и интерпретации самого понятия «волонтерства», в которых также прослеживается ценностное содержание (рис. 2). Всероссийский онлайн-опрос волонтеров, показал, что для более чем трети опрошенных волонтерство – это в первую очередь возможность быть полезным обществу и государству. Для каждого десятого это еще и способ реализовать чувство гражданской ответственности за происходящее. Хотя в целом по выборке доля тех, кто сочетает собственные интересы (расширяя круг общения, пространство досуга, компетенции и т.д.) с общественными превышает предыдущие показатели и суммарно составляет абсолютное большинство (51,2%). Такие ценностные трансформации К. Бидерман назвал «переходом альтруистической помощи в добровольную убежденную активность» (Бидерман, 1999: 41).

Рис. 2. Ценности волонтерского труда
Fig. 2. The values of volunteer work

¹ Алексей Левинсон – об особенностях российской национальной благотворительности. URL: <https://www.asi.org.ru/2014/04/01/aleksej-levinson-osobennosti-rossijskoj-natsionalnoj-blagotvoritelnosti-i-novye-sotsialno-isklyuchennye/> (дата обращения: 20.07.2021)

Восприятие волонтерской деятельности в подобном ключе вписывается в хорошо известную функциональную теорию мотивов [Clary et al., 1996], описывающую ценностную функцию (волонтерство как возможность выразить важные убеждения, такие как альтруизм, помощь, неравнодушие), обучающую (волонтерство как возможность учиться, расширять свои знания или развивать и применять новые навыки), социальную (волонтерство как возможность быть принятым в референтные группы или получить общественное одобрение), развивающую (волонтерство как возможность личного развития и повышения самооценки), защитную (волонтерство как возможность справиться с внутренними тревогами и конфликтами, избежать чувства вины) и профессиональную (волонтерство как возможность получить опыт, полезный для работы или карьеры).

Ориентация у молодого поколения на себя, доминирующая над ориентацией на других подтверждается в том числе данными всероссийских исследований ФОМ 2019 г. и НИУ ВШЭ 2017 г. По результатам первого самыми востребованными у молодежной аудитории по сравнению со старшими возрастными группами волонтерскими практиками являлись помощь в рамках своей профессии (40%) и проведение лекций, обучающих семинаров (25%), за которыми широкие возможности расширения образовательного и профессионального опыта самих участников такой деятельности. Данные, представленные Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора двумя годами ранее также показывает преобладание личностных, социальных, защитных, карьерных и мотивов самоуважения над чисто альтруистическими. Соотношение между которыми суммарно выгладит как 60:40, что неудивительно, поскольку альтруистическое поведение в отличие от действий в личных интересах всегда обеспечивается с большим трудом.

Заключение (Conclusions). В то время как ценностно-смысловые основания, связанные с реализацией именно гуманистических, альтруистических принципов волонтерского труда (дефицит которых наблюдается у российской молодежи), являются залогом массового повсеместного распространения добровольческих инициатив и практик.

Идентичность, близость ценностей напрямую определяет самоорганизационный потенциал молодежной общности. Альтруистические или идеалистические ценности по определению социетально ориентированны, они идеологически соответствуют природе волонтерской деятельности, эгоистические, напротив, замыкают индивида на себе, на практический контекст волонтерского участия. Осваивая рациональную составляющую волонтерства, молодежь порой забывает, что это категория в первую очередь нравственная, и карьерные, социальные, развивающие, защитные и прочие эффекты должны выступать в качестве дополнительных «бонусов» («плюшек») волонтерского труда.

Преобладание в мотивационных профилях волонтеров эгоистических или в лучшем случае смешанных ценностей оказывает негативное влияние на перспективы развития и создает барьер для институционализации всей системы российского волонтерства. В результате потенциал его оказывается недоиспользованным, мы наблюдаем ограниченное ситуативно-эгоистическое распространение волонтерских практик (массовый характер, которых если и проявляется, то хаотично, в условиях объективной необходимости или «всеобщей беды») и оправдание молодежью своей пассивности как правило «отсутствием времени».

Парадоксально, но формальное преобладание, лидирующее положение альтруизма как терминальной ценности, рассмотрение его лишь как абстрактной нравственной идеи тоже не принесет должного результата. Альтруизм должен не просто

укладываться в ценностно-смысловую концепцию молодых россиян, но и выступать в качестве нормы реального поведения. Объективно, задача это сложная и требует переосмысления всей системы воспитания подрастающего поколения, поскольку способность и готовность к альтруизму должны целенаправленно формироваться и требуют технологически корректных шагов, а не просто «призыва» к солидарности.

Список литературы

Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании; перев. с нем. М. Санниковой, И. Мюллер. М., 1999.

Зборовский Г. Е. Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 8-23.

Кисиленко А. В., Кисиленко, Д. Г. Волонтерская деятельность молодежи: основные диспозиции и ценностные характеристики региональных участников // Актуальные проблемы психологии: материалы международной научно-практической конференции, 2 апреля 2019 г. г. Белгород. Белгород, 2019. С. 77-84.

Лисовская Т. А. Концепт volunteering в языковом сознании американцев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2. Т. 4. С. 73-75.

Певная М. В. Дисциплинарные и методологические подходы к исследованию волонтерства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 174-180.

Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., Copeland J., Stukas A.A., Haugen J., & Miene P. Understanding and assessing the motivations of volunteers // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. № 74. Pp. 1516-1530.

Dekker P., Halman L. (eds.) *Volunteering and Values: An Introduction // The values of volunteering. Cross-cultural perspectives*. NY: Springer, 2003. Pp. 1-17.

References

Biderman, K. (1999), *Volunteer coordination and management of volunteer programs in the*

UK, Translated by Sannikova, M. and Muller, I., Moscow, Russia. (In Russian)

Zborovsky, G. E. (2017), "The Problem of volunteering in the structure of sociological knowledge", *Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, (3), 8-23. (In Russian)

Kisilenko, A. V. and Kisilenko, D. G. (2019), "Volunteer activity of youth: basic dispositions and value characteristics of regional participants", *Actual problems of psychology: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Belgorod, 77-84. (In Russian)

Lisovskaya, T. A. (2010), "The concept of volunteering in the linguistic consciousness of Americans", *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 4 (2), 73-75. (In Russian)

Pevnaya, M. V. (2013), "The research of volunteering: disciplinary and methodological approach", *Izvestia Ural Federal University Journal*, Series 1, Issues in Education, Science and Culture, (2), 174-180. (In Russian)

Clary, E. G., Snyder, M., Ridge, R. D., Copeland, J., Stukas, A. A., Haugen, J., & Miene, P. (1998), "Understanding and assessing the motivations of volunteers", *Journal of Personality and Social Psychology*, 74, 1516-1530.

Dekker, P. and Halman, L. (eds.) (2003), "Volunteering and Values: An Introduction", in *The values of volunteering. Cross-cultural perspectives*, Springer, NY, USA, 1-17.

Статья поступила в редакцию 02 августа 2021 г. Поступила после доработки 12 сентября 2021 г. Принята к печати 14 сентября 2021 г.

Received 02 August 2021. Revised 12 September 2021. Accepted 14 September 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Кисиленко Анастасия Владимировна, кандидат социологических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Anastasiya V. Kisilenko, PhD in Sociology, Associate Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia.

УДК 314.06

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-9

Исследовательская статья

Солосина М. И.

**Поколенческие особенности участия
в социально-политических процессах**

Воронежский государственный университет
39401, Россия, Воронеж, Университетская площадь, 1
maria.solosina@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования представлений об особенностях участия в социально-политических процессах представителей различных поколений обусловлена возрастанием в современном обществе интереса к стратегиям вовлечения граждан в общественные процессы и выстраиванию межпоколенческих коммуникаций. В проводимых в настоящее время социологических и политических исследованиях достаточно фрагментарно представлены проблемы выстраивания диалога между представителями различных поколений и анализ взглядов представителей различных поколений на социально-политические процессы, которые не могут не влиять на вовлечение граждан в общественную жизнь. *Цель публикации:* изучить влияние межпоколенческого аспекта на участие граждан в социально-политических процессах и проанализировать факторы, детерминирующие процесс выстраивания межпоколенческих коммуникаций, и препятствующие их выстраиванию причины. *Методологической базой* исследования выступают функциональный, институциональный и сравнительный подходы к анализу участия представителей различных поколений в социально-политических процессах. Сравнительный анализ проведен на основе данных авторского эмпирического исследования «Влияние межпоколенческих коммуникаций на вовлечение жителей в социально-политические процессы», проведенного в октябре-декабре 2020 г. *Объектом исследования* стали целевые группы (молодежь, трудоспособное население, граждане пожилого возраста). Объем выборочной совокупности участников анкетирования составил 750 человек (N=750), участники стандартизированного интервью (N=30) – респонденты всех отмеченных возрастных категорий. *Новизна исследования* состоит в выявлении тенденций и специфики в формировании стратегий участия в социально-политических процессах представителей разных поколений; результаты исследования позволят усовершенствовать стратегии вовлечения жителей в социально-политические процессы, а также будут способствовать выявлению факторов устойчивого формирования коммуникационной среды, в которую включены представители разных поколений.

Ключевые слова: поколения; межпоколенческие коммуникации; социально-политические процессы; социальные инновации; коммуникационная среда; развитие; вовлечение; жители; социальная активность; гражданская активность

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32279 опн мол. Автор выражает благодарность за помощь в проведении исследования, активное участие в обсуждении его результатов и ценные комментарии членам проектной группы по

межпоколенческим коммуникациям РАСО Андрееву Андрею Владимировичу, Гребениковой Юлии Александровне и Завалину Вячеславу Геннадьевичу.

Информация для цитирования: Солосина М. И. Поколенческие особенности участия в социально-политических процессах // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 90-103. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-9.

Research article

Mariia I. Solosina

Generational characteristics of participation in social and political processes

Voronezh State University
394018, 1, Universitetskaya Sq., Voronezh, Russia
maria.solosina@gmail.com

Abstract. The pertinence of the study of ideas about the peculiarities of participation in socio-political processes of representatives of different generations stems from the growing interest in modern society in strategies for involving citizens in social processes and building intergenerational communications. In the sociological and political studies currently being conducted, the problems of building a dialogue between representatives of different generations are presented rather fragmentarily. The analysis of the views of representatives of different generations on the socio-political processes that affect the involvement of citizens in public life is also carried out fragmentarily. *The purpose of the publication:* to study the influence of the intergenerational aspect on the participation of citizens in socio-political processes and to analyze the factors that determine the process of building intergenerational communications, as well as possible limitations. *The methodology of the research* is based on the functional, institutional, and comparative approaches to the analysis of the participation of representatives of different generations in socio-political processes. The comparative analysis was carried out based on the data of the author's empirical study "The influence of intergenerational communications on the involvement of residents in socio-political processes" (October-December 2020). *The object of the study:* the target groups (youth, middle-aged, elderly citizens). The sample size of the survey participants was 750 people (N = 750). The participants in the standardized interview (N = 30) – respondents of all the noted age categories. *The novelty of the research* consists in identifying trends and specifics in the formation of strategies for the participation in social and political processes of representatives of different generations. The results of the study will improve the strategies for involving residents in socio-political processes, and will also contribute to identifying the factors of sustainable formation of the communication environment, in which representatives of different generations are included.

Keywords: generations; intergenerational communications; social and political processes; social innovation; communication environment; development; involvement; citizens; social activity; civic engagement

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISS within the framework of the scientific project No. 20-011-32279 opn_mol. The author expresses gratitude for the help in conducting the study, active participation in the discussion of its results and valuable comments to the members of the project group on intergenerational communications

of RASO Andreyev Andrey Vladimirovich, Grebenikova Yulia Alexandrovna and Zavalin Vyacheslav Gennadievich.

Information for citation: Solosina, M. I. (2021), "Generational characteristics of participation in social and political processes", *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 90-103, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-9.

Введение (Introduction). В кризисной ситуации выстраивание коммуникационной среды, позволяющей разным поколениям людей в поселениях взаимодействовать и создавать совместно социальные инновации – искать варианты решения проблем быстрее и эффективнее, становится актуальным. Под социальными инновациями в данном случае понимаем способность решать или создавать решения для социальных проблем, ранее решаемых неадекватно. Эти решения должны быть одновременно и функциональными (эффективными), и иметь трансформационную функцию (нести изменения), и в первую очередь быть ориентированными на улучшение ситуации для благополучателей и всех участников (Anheier et al, 2017).

Для того, чтобы такую коммуникационную среду формировать, необходимо разработать новые гуманитарные технологии, и модели вовлечения жителей всех поколений в социальные процессы и, поэтому, формирование у них субъектной позиции – одна из таких.

С точки зрения российского философа В. Лепского дефицит субъектности – это то, что в первую очередь влияет на развитие страны и «для качественного изменения ситуации нужны новые высокие гуманитарные технологии, а также проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития, что составляет суть вызова интеллектуальным силам страны» (Лепский, 2010).

Вопрос о необходимости изучения поколений первыми поставили американские исследователи Уильям Штраус и Нил Хау сформулировав «Теорию поколений» в 1991 году. Суть теории заключается в изучении повторения поколенческих циклов в истории США, рассматривая биографии разных людей (Strauss, Howe, 1992). Они

описали поколенческие примерно 20-летние циклы, закладывая утверждение о том, что ключевым элементом определения временных рамок любого поколения является категория ценностей. Штраус и Хау также изучили поколенческие направления в других странах и обнаружили схожие циклы в некоторых развитых странах (Strauss, Howe, 2009).

В российской практике существует общество практиков, которые изучают теорию поколений – это компания Regenerations (русская школа теории поколений), основными лицами которой являются Евгения Шамис и Евгений Никонов.

Г. Анхайер определяет социальные инновации как способность решать или создавать решения для социальных проблем, ранее решаемых неадекватно. Эти решения должны быть одновременно и функциональными (эффективными), и иметь трансформационную функцию (нести изменения), и в первую очередь быть ориентированными на улучшение ситуации для благополучателей и всех участников (Anheier et al., 2017).

Если говорить о прикладном аспекте изучения особенностей вовлечения представителей различных поколений в социально-политические процессы, то в документах стратегического планирования и национальных проектов описаны пункты о вовлечении жителей, учет мнения жителей, однако, соответствующего инструментария гуманитарных технологий и моделей с учетом межпоколенческого аспекта пока не создано (Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ). Тем не менее активное участие и поддержка жителей в процессе разработки стратегий придает этим документам необходимую субъекто-ориентированность и повышает эффективность реализации (Швабауэр, 2020).

В этой связи возникает исследовательский вопрос: как реализовывают сценарии социально-политической активности представители различных поколений? С чем в первую очередь ассоциируется общественная жизнь у каждого поколения? Насколько личное участие в общественной жизни является ценностью для поколений X, Y и Z?

Методология и методы (Methodology and methods). Цель публикации: изучить влияние межпоколенческого аспекта на участие граждан в социально-политических процессах и проанализировать факторы, детерминирующие процесс выстраивания межпоколенческих коммуникаций, и препятствующие их выстраиванию причины. Несмотря на общность значительной части истории и масштабные культурные, социальные и экономические связи, существуют значительные различия в понимании гражданской активности в целом, реализации стратегий социально-политической активности представителей разных поколений, обусловленные в большей степени культурологическими факторами (Law, Young, Almeida, Ginja, 2019). Именно сравнительный анализ мнений респондентов из числа представителей разных поколений позволит выявить мотивы и специфику социально-политической активности граждан, «отправные точки» для выстраивания межпоколенческих коммуникаций.

Понятийный аппарат и модели коммуникации как процесса описаны в работах по общей теории коммуникации и социальной коммуникации Г. М. Андреевой, М. Дэнса, Т. М. Дридзе, В. Б. Кашкина, Г. Д. Лассуэлла, Т. Ньюкомба, Ч. Осгуда, Г. Г. Почепцова, А. В. Соколова, Ф. И. Шаркова, Ч. Шрама.

Сущность коммуникативных технологий раскрывается через социальную коммуникацию (Г. Гарфинкель, Дж. Г. Мид, К. Ясперс и др.); межличностное взаимодействие (К. Левин, К. Роджерс и др.); общение и коммуникацию (Г. М. Андреева, Ф. Дэнис, К. Ларсон и др.).

Постановку вопроса о роли инноваций в процессе общественного развития описана в работах А. С. Ахизера, И. В. Бестужева-Лады, В. Ж. Келле, Е. Н. Князевой, Н. Д. Кондратьева, Б. И. Кретьова, С. Е. Крючковой, Н. И. Лапина, В. А. Лукова, И. Пригожина, Б. В. Сазонова, П. А. Сорокина, А. В. Теркиной, А. Г. Фототова, О. А. Шкитина, Ю. А. Карповой и др.

Социально-экономическое развитие территорий, механизмы общественного взаимодействия в своих работах анализировали Ли Куан Ю, Р. Флорида, С. Сассен, В. Л. Глазычева, В. Л. Макарова. В. Е. Лепский описал механизмы инновационного развития с точки зрения субъектно-ориентированного подхода. Вопросам разработки проектов территориального развития с участием жителей, посвящены исследования В. В. Вагина, М. А. Кутузова, Т. А. Мясниковой, Г. В. Тюрина, Е. А. Тимохиной, Н. А. Шаповаловой, И. Шульги.

Исследователи также отмечают прямую корреляцию между социальными инновациями и выстраиванием межпоколенческого диалога во всех сферах социально-политической жизни (Barsukov, 2018), (Strom, Strom, 2015).

Исследование Gallicano, Curtin, & Matthews посвящено практикам построения отношений с поколением миллениалов, агентства по связям с общественностью с их собственной точки зрения. Недавний опрос этой группы населения показал, что они имеют прочные отношения со своими работодателями-агентствами, за исключением измерения, которое спрашивало, существует ли долгосрочная связь между ними и их организациями (Gallicano, Curtin, Matthews, 2012).

Следовательно, это исследование изучает долгосрочное построение отношений с этим сотрудником общественности на основе пяти асинхронных онлайн-дискуссионных групп. Заключение этого исследования предлагает теоретические представления о типах обязательств и отношений.

О. Н. Пряжникова при описании концепции социальных инноваций исследует процесс формирования современных коммуникационных технологий в условиях глобальной цифровой трансформации. В своих работах автор описывает модель новой роли университетов, культурный код социальных инноваций университетов нового типа в рамках экономики знаний. В частности, рассматриваются коммуникационные стратегии в контексте трансформации от «Университета 1.0» к «Университету 4.0». Результаты исследования показывают, что в контексте новой экономики знаний и нового социального заказа (в социологическом аспекте институционального, системного и кросс-культурного подходов) всех заинтересованных акторов: промышленность – образование – наука – государство – общество (что соответствует модели «Университет 4.0»), университет уже не только генерирует современные знания, но и обеспечивает их трансфер в национальную систему общественного развития, формирует особую социальную, культурную и интеллектуальную среду (Пряжникова, 2019).

К. В. Нилова в работе, посвященной межпоколенческой семейной психологии рассматривает межпоколенческую коммуникацию в разрезе отношений в семье, как в социальной среде, в которой все его участники проводят большое количество времени, коммуницируя регулярно с представителями разных поколений. В рамках семьи автор рассматривает понятие поколения, как процесс социального воспроизводства. В качестве проблемы автор выдвигает «обособность» в проблеме взаимодействия разных поколений для каждой из взаимодействующих сторон. Межпоколенные взаимодействия являются одним из существенных факторов развития и функционирования общества. Особенно усилилась роль межпоколенных взаимодействий в связи с изменением демографической ситуации в России и с изменением иерархии ценностей молодого поколения (Нилова, 2015).

По результатам анализа приведенных работ можно сделать выводы о том, что авторы смогли раскрыть особенности анализа поколений для управления внешними или внутренними коммуникациями, эволюцию семейных отношений с учетом поколенческих особенностей, влияние на гражданский активизм разных поколений, субъектно-ориентированный подход в рамках взаимодействия администрации с общественным сектором в рамках развития территорий, современные коммуникационные технологии в условиях глобальной цифровой трансформации, формы социальных инноваций, учитывающие стимулы и цели экономических агентов заниматься социально-инновационной деятельностью и включающие социальные инновации как элемент маркетинговой политики компании, направление развития человеческого капитала, предпринимательскую деятельность, способ ликвидации провала общественного сектора, разновидность институциональных изменений.

В работе мы опирались на такие поколенческие 20-летние циклы – поколение X, Y, Z, выделенные в работах Штрауса и Хау. Хотя ряд авторов (Гурова, Евдокимова, 2016) отмечает дискуссионность вопроса соответствия поколений и, по их мнению, что в России есть сдвигка в 3-5 лет от аналогичных периодов доля групп, выделяемых американскими исследователями.

При этом в настоящее время недостаточно изучены возможности имплементации результатов анализа межпоколенческой коммуникации в рамках вовлечения граждан в процессы стратегического планирования территорий (Маркварт, 2017), взаимосвязь социальных коммуникаций (Giles, Ryan, Anas, 2008), культурной идентичности (Sivricova, Moiseeva, 2018), городских интернет-площадок (Listvina, Frolova, 2020) и комфортной городской среды (Lehtinen, 2020), как пространства коммуникации между жителями разных поколений в разрезе имплементации социальных инноваций в развитие территорий, возможность имплементации результатов анализа

межпоколенческой коммуникации в рамках увеличения электоральной мобильности (Gidengil, Lahtinen, Wass, Egola, 2020) (Мочалин, 2016). Упускаются из виду образовательные учреждения как единая коммуникативная среда разных поколений (РАСО). Частично методологическая база для их дальнейшего изучения формируется на основе проведенного авторами эмпирического исследования.

Материалы и методы. Методология анализа особенностей участия в социально-политических процессах представителей различных поколений базировалась на совокупности функционального, институционального и сравнительного подходов к исследованию межпоколенческих коммуникаций в контексте гражданской активности.

Выводы построены на данных исследования «Влияние межпоколенческих коммуникаций на вовлечение жителей в социально-политические процессы», проведенного авторами исследования в октябре-декабре 2020 г., включающего в себя анкетный опрос и стандартизированное интервью.

Анкетный *опрос* осуществлен посредством многоступенчатой квотной выборки. Объем выборки участников анкетного опроса составил 932 респондента, в том числе представители поколения X (1960-1979 год рождения) – 257 человек, представители поколения Y (1980-1999 год рождения) – 270 человек, представители поколения Z (2000-2015 год рождения) – 425 человек, в том числе 249 старше 18 лет.

В стандартизированном интервью с целью получения развернутых ответов по вопросам выстраивания межпоколенческих коммуникаций и их влияния на социально-политическую активность приняли участие респонденты всех отмеченных возрастных категорий (N=30).

Предметом исследования явились представления респондентов, представителей различных поколений, проживающих на территории России, о социально-политической активности, ее видах и направле-

ниях, отношении к социально-политической активности как способу самореализации.

Объектом исследования выступали представители поколений X, Y и Z (возрастных групп).

Выбор структуры объекта исследования обусловлен необходимостью выявления особенностей участия в социально-политических процессах представителей различных поколений: у молодых людей в возрасте до 20 лет пока только формируется представление об системе ценностей, путях достижения успеха, модели общественной жизни и личной вовлеченности. Для возрастной группы лиц в возрасте от 20 до 40 лет характерны уже в достаточной степени сформировавшиеся взгляды на общество в целом, функционирование его институтов, осознанное желание или нежелание принимать участие в общественных процессах на основе личных мотивов.

Представители старшего поколения (от 40 лет) – люди с устоявшимися представлениями об обществе, правилах его функционирования, которые во многом сформировались в период серьезных экономических, социальных и политических перемен в странах постсоветского пространства, обусловленный распадом Советского Союза.

Структура выборки позволила провести сравнительный анализ участия в социально-политических процессах представителей различных поколений, выявить сходства и различия в запросах на общественную активность как формата самореализации, выявить основания для выстраивания межпоколенческих коммуникаций.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анкеты были адаптированы для каждого поколения и включали в себя закрытые вопросы по блокам:

1. «Мотивация участия в общественных процессах»
- Принимаете ли вы участие в выборах?

- Принимаете ли вы активное участие в жизни своего дома, двора или улицы?

- Принимаете ли вы активное участие в жизни города/поселка?

- Принимаете ли вы участие в деятельности общественных структур?

- По каким причинам вы впервые стали участвовать в общественных процессах?

2. «Взаимодействие с другими поколениями»

- Общаетесь ли вы с другими поколениями внутри семьи?

- Общаетесь ли вы с другими поколениями в вузе или колледже?

- Общаетесь ли вы с другими поколениями на работе?

3. «Готовность к сотрудничеству»

- Какими компетенциями общественного участия вы готовы делиться с представителями других поколений?

- Каких компетенций общественного участия вам не хватает, и вы им хотели бы научиться у другого поколения?

- Насколько совпадает ваша позиция по бытовым вопросам с позицией ваших родителей?

- Совпадают ли ваши политические взгляды с политическими взглядами ваших родителей?

Исследование дало возможность выявить степень участия представителей различных поколений в социально-политических процессах, в том числе выборах различного уровня.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Принимаете ли вы участие в выборах?»,
% от числа опрошенных

Table 1

Distribution of answers to the question “Do you take part in the elections?”

	Поколение X / Generation X	Поколение Y / Generation Y	Поколение Z* / Generation Z
Выборы муниципального уровня / Municipal elections:			
Да, в качестве избирателя / Yes, as a voter	59,2	43,8	30,1
Да, в качестве наблюдателя / Yes, as an observer	5,4	6,4	16,5
Да, в качестве кандидата / Yes, as a candidate	8,8	4,9	1,6
Да, в штабе кандидата / Yes, as a member of campaign headquarters	7,0	6,4	0
Нет, не принимал / No, did not take part	19,6	38,6	51,8
Выборы регионального уровня / Regional elections:			
Да, в качестве избирателя / Yes, as a voter	63,8	54,7	30,1
Да, в качестве наблюдателя / Yes, as an observer	8,8	7,1	16,1
Да, в качестве кандидата / Yes, as a candidate	2,9	1,9	1,2
Да, в штабе кандидата / Yes, as a member of campaign headquarters	9,2	6,7	0
Нет, не принимал / No, did not take part	15,4	29,6	52,6
Выборы федерального уровня / Federal elections:			
Да, в качестве избирателя / Yes, as a voter	67,9	66,7	35,6

	Поколение X / Generation X	Поколение Y / Generation Y	Поколение Z* / Generation Z
Да, в качестве наблюдателя / Yes, as an observer	9,2	7,9	16,0
Да, в качестве кандидата / Yes, as a candidate	2,1	1,1	0,8
Да, в штабе кандидата / Yes, as a member of campaign headquarters	7,9	5,2	0,8
Нет, не принимал / No, did not take part	12,9	19,1	44,4

*Учитывались ответы только совершеннолетних респондентов (250 человек)

Исходя из полученных данных, представителям всех поколений в большей степени интересна федеральная повестка. Так, например, 67,9% представителей поколения X принимали участие в выборах федерального уровня в качестве избирателей, в то время как в выборах муниципального уровня 59,2 процента. Аналогичны показатели и среди поколения Y (66,7% и 43,8% соответственно) и поколения Z (35,6% и 30,1% соответственно).

Вне зависимости от возраста респонденты имеют низкую степень вовлеченности в выборные процессы в качестве наблюдателей, кандидатов и членов команды кандидатов.

В качестве причин отсутствия интереса к участию в муниципальной и региональной политической повесткам представители поколения X отмечают аполитичность и всеобщее недоверие, связанное с неоднократным банкротством авторитета государственных структур перед населением.

Характерны высказывания представителей поколения Y: «на муниципальном и региональном уровне нет ощущения, что кому-то мой голос нужен, нет никакого вовлечения»; «нет партнерского диалога, как со своими, на ты, объяснения, признания существующих проблем, призыва к сообществу»; «возможно, здесь кроется более глубокая проблема – поиск идентичности, поиск себя «кто я?»».

При этом «взрослые» транслируют свою позицию и детям: «у родителей нет ощущения, что что-то можно изменить, они

не ходят на выборы, а я верю, что можно изменить ситуацию к лучшему».

На основании глубинных интервью можно сделать вывод о том, что поколение Z будет отличаться большей политической активностью на всех уровнях, а невысокие показатели участия в выборных процедурах в настоящий момент в значительной степени связаны с недавним приобретением избирательных прав.

Интерес также представляет тот факт, что представители поколения X в большинстве своем считают, что разделяют политические взгляды со своими детьми (совпадают полностью – 20%, совпадают частично – 59,2%), в то время как те самые дети думают иначе (совпадают полностью – 13,1%, совпадают частично – 47,9% (Y); совпадают полностью – 19,3%, совпадают частично – 43,5% (Z)).

Аналогичное распределение, но с меньшим разрывом, мы видим и по бытовым вопросам: старшее поколение считает, что их взгляды на быт совпадают с более молодыми членами семьи (совпадают полностью – 20%, совпадают частично – 58,8%), в то время как среди Y и Z такой убежденности нет (совпадают полностью – 12,7%, совпадают частично – 53,9% (Y); совпадают полностью – 17,2%, совпадают частично – 54,1% (Z)).

Очевидно, что имеется дискommуникация между поколениями в отношении представлений о политической активности и политических взглядах друг друга, несмотря на то, что респонденты всех целевых групп отметили, что общаются с представителями других поколений внутри семьи.

Вне зависимости от возраста, респонденты отмечают и необходимость налаживания межпоколенческого диалога не только в семье, но и на работе, сообществах

по интересам, сообществах по месту жительства, необходимость формирования сообществ и инициативы «снизу», но в то же время сами не принимают участие в жизни своего дома, двора и улицы.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Принимаете ли вы участие в жизни своего двора, дома, улицы?», % от числа опрошенных

Table 2

Distribution of answers to the question “Do you take part in the public life of your apartment house, local area?”, % of the number of respondents

	Поколение X / Generation X	Поколение Y / Generation Y	Поколение Z / Generation Z
Принимаю участие в собраниях жильцов / Yes, I take part	45	29,2	8,5
Занимаюсь сам благоустройством (сажаю цветы, создаю уют у себя во дворе, расписываю подъезд красками, организую пикники, ставлю елку на новый год и др.) / I do myself (I plant flowers, create coziness in my yard, paint the entrance with paints, organize picnics, put up a Christmas tree in the yard, etc)	22,1	15,4	25,6
Организирую процесс благоустройства (возглавляю ТОС/ТСЖ/совет дома, привлекаю спонсорские деньги на благоустройство, участвую в региональных и федеральных конкурсах (для ТОСов, инициативное бюджетирование, соучаствующие проектирование и др.)) / I organize the improvement process in apartment life (I head the House Council, attract sponsorship money for the improvement, participate in regional and federal competitions	11,3	6	2,4
Принимаю участие в онлайн-форматах (соседские чаты, сервис «Электронный дом» и др.) / I take part in online formats (neighbor's chats, “Electronic House” service, etc.)	20	30	12,9
Не принимаю / No, did not take part	32,5	45,7	59,8

Разрыв в уровне вовлеченности в локальные общественные процессы во многом обусловлен характером занятости. Инициатива взаимодействия с ТСЖ и ТОСами чаще принадлежит пенсионерам (11,3%), которые обладают не только сво-

бодным временем, но и запросом на социальное государство, обусловленным жизненным опытом.

На локальном уровне пенсионеры – «молодежь 2.0» с запросом на изменения и социальную справедливость. Но следует

отметить, что поколение Z не против социального участия, если инициатива исходит не от них: «чаще всего помогают в работе ТСЖ люди моего возраста, пенсионеры и молодежь. Молодежь помогает только тогда, когда мы просим или есть проблемы, например, в конфликтах с УК, а вот 30-летние приходят на новогодние праздники и другие позитивные события. А молодежь на эти позитивные события не приходит» (представитель поколения X).

Нынешние 30-летние прошли этап «горячих голов», когда есть желание изменений и свободное время. В 30 у большинства уже есть семьи, накопленная усталость от негатива, желание абстрагироваться начинает формироваться или уже сформировано.

Примечательно, что и в онлайн-форматах коммуникации с местными сообществами пенсионеры участвуют больше (20%), чем поколение Z, которое выросло в digital-мире (12,9%), проявляя не только вовлеченность, но и готовность и желание учиться: «у них (Z) учусь общению в социальных сетях и обращению с гаджетами. Мне кажется, что им не хватает навыков гуманитарной коммуникации, и гаджеты на

это тоже влияют»; «меня мои студенты (Z/Y) часто обучают, в особенности это касается взаимодействия с новыми сервисами, в период пандемии это усилилось, нас обучали молодые преподаватели».

Здесь видна общая площадка для взаимодействия. Через обучение X-ов работе с современными технологиями сами же Z и Y учатся общению, межличностной живой коммуникации. В первую очередь коммуникации со взрослым человеком (переход в позицию «взрослый-взрослый»), где есть потенциал для выстраивания доверия. Z и Y видят человеческую сторону старшего поколения, X видят младшие поколения в новом свете (это не просто «зависимые от гаджетов», а новое поколение со своими проблемами).

В этом процессе представители различных поколений не ставят себя в привычные социальные роли («взрослый», «старший», «воспитатель», «родитель», «ребенок», «школьник»), а взаимодействуют как люди, сограждане, которые тоже подстраиваются под жизнь – «свои». Эти «свои» готовы делиться компетенциями общественного участия с представителями других поколений.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какими компетенциями общественного участия вы готовы делиться с представителями других поколений?», % от числа опрошенных

Table 3

Distribution of answers to the question “What competencies of public participation are you ready to share with representatives of other generations?”, % of the number of respondents.

	Поколение X / Generation X	Поколение Y / Generation Y	Поколение Z / Generation Z
Научить правильно разделять мусор / To teach how to separate garbage correctly	30,0	42,7	57,6
Научить организовывать общегородские мероприятия и акции / To teach how to organize citywide events and actions	29,2	39,3	43,5
Научить регистрировать и организовывать ТОС (территориальное общественное самоуправление) или ТСЖ (товарищество собственников жилья) у себя в доме / To teach how to register and organize TOS (territorial public self-	10,4	7,5	13,4

	Поколение X / Generation X	Поколение Y / Generation Y	Поколение Z / Generation Z
government) or Homeowners' association at home			
Научить основам наблюдения на выборах / Teach the basics of election observation	27,1	22,8	20,5
Научить описывать свою идею в форме социального проекта / To teach to describe your idea in the form of a social project	52,9	48,3	47,5

Важность экологической повестки имеет обратную корреляцию с возрастом. Вопрос экологии в значительной степени важен для всех.

Экологическая повестка имеет потенциал для того, чтобы стать объединяющей: 57,6% молодых (Z), готовы обучить правилам раздельного сбора мусора, а 17,6% представителей поколения X и 14,6% (Y) хотели бы освоить эти компетенции.

Высокая степень готовности участвовать в экологических активностях говорит о наличии потенциала и необходимости поддержки (информационной, организационной) со стороны муниципалитетов, региональных и федеральных властей.

Экологический активизм и формирование экологического образа жизни могут стать одним из первых шагов в выстраивания доверительных отношений через актуальные каналы коммуникации. Экология сегодня может стать объединяющей историей (из прошлого через настоящее в будущее).

«Мусор частично разделяю, только картон и пластик. В основном эта привычка ещё из советского прошлого, мы всегда стекло/бумагу разделяли и сдавали в пункты приема» – представитель поколения X.

«Вопрос экологии важен. Мы с братом ездили к бабушке и там на берегу реки собирали мусор и бутылки. Это был неорганизованный субботник, сами захотели и убрали. В Чите я не разделяю мусор, потому что за ним приезжает одна машина и

скидывает его в 1 общий контейнер и пластик и другой мусор» (Y).

Помимо запроса на развитие экологической грамотности и тех сфер, которые регулируются государством, управляющими компаниями, важно и понимание результата и вклада в общее дело.

Наименьшую степень готовности респонденты выражают в отношении обучения территориальному самоуправлению и взаимодействию с товариществами собственников жилья, поскольку сами редко вовлечены в эти процессы, хотя и выражают готовность быть причастными, если кто-то другой организует эту коммуникацию. И здесь (в отличие от экологической повестки), желающих научиться больше (23,3% – X, 35,2% – Y, 37,9% – Z), чем готовых научить (10,4% – X, 7,5% – Y, 13,4% – Z).

Заключение (Conclusions). Анализ результатов исследования позволяет сказать, что существует общая площадка для взаимодействия представителей различных поколений через вовлечение в социально-политические процессы.

Взаимодействие со старшими и младшими в процессе социальной активности позволяет каждому поколению в большей степени не только понять себя, но и встать в позицию других, найти общие точки коммуникации, союзников в решении социально значимых задач, каждый из которых обладает своими преимуществами (например, X – опытом, Y – профессиональными контактами, Z – цифровой грамотностью).

Грамотное выстраивание межпоколенческих коммуникаций позволяет повысить степень вовлечения граждан в процессы стратегического планирования территорий, укрепить взаимосвязь социальных коммуникаций, культурной идентичности, городских интернет-площадок и комфортной городской среды, как пространства коммуникации между жителями разных поколений в разрезе имплементации социальных инноваций в развитие территорий, увеличить электоральную мобильность.

Список литературы

Гурова И. М., Евдокимова С. М. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 7 (3(27)). С. 150-159.

Лепский В. Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъективности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16). С. 69-78.

Маркварт Э. Участие жителей в стратегическом планировании – обременительная обязанность или нераскрытый потенциал? // Вестник экспертного совета. 2017. № 2 (9). С. 26-31.

Мочалин А. В. Трансформация электорального поведения как фактор социализации молодежи российской провинции // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-elektoralnogo-povedeniya-kak-faktor-sotsializatsii-molodezhi-rossiyskoy-provintsii> (дата обращения: 12.02.2021).

Нилова К. В. Межпоколенческая внутрисемейная коммуникация: социопсихологический аспект: дис. ... канд. фил. наук. Уфа, 2015. URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_file_s/disrab/dissertaciya_nilova.pdf. (дата обращения: 3.03.2021).

Пряжников О. Н. Социальные инновации и практики социальной и солидарной экономики // Экономические и социальные проблемы России. 2019. № 1 (39). С. 99-118.

Швабауэр Н. Шпаргалка для мэра // Российская газета. 2020. № 140 (8194). URL: <https://rg.ru/2020/06/29/reg-urfo/minstroj-razrabotal-standart-vovlecheniia-gorozhan-v-proekty-razvitiia.html> (дата обращения: 12.02.2021)

Barsukov V. N. Barriers to social integration of the older generation in the context of intergenerational communication issues // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11, № 5. URL: http://esc.vscs.ac.ru/article/2815?_lang=en (дата обращения: 12.02.2021).

Gallicano T. D., Curtin P., Matthews K. I love what I do, but... A relationship management survey of millennial generation public relations agency employees // Journal of Public Relations Research. 2012. Vol. 24, № 3. Pp. 222-242.

Gidengil E., Lahtinen H., Wass H., Erola J. From Generation to Generation: The Role of Grandparents in the Intergenerational Transmission of (Non-) Voting // Political Research Quarterly. 2020. URL: <https://doi.org/10.1177/1065912920971715> (дата обращения: 12.02.2021).

Giles H., Ryan E. B., Anas A. P. Perceptions of Intergenerational Communication by Young, Middle-Aged, and Older Canadians // Canadian Journal of Behavioural Science. 2008. Vol. 40, № 1. Pp. 21-30.

Haapala A., Frydryczak B., Salwa M. Moving from Landscapes to Cityscapes and Back: Theoretical and Applied Approaches to Human Environments. Poland: Przepis, Series Landscapes, 2019.

Law J., Young T., Almeida J., Ginja S. Intergenerational Communication – an interdisciplinary mapping review of research between 1996 and 2017 // Journal of Intergenerational Relationships. 2019. Vol. 17, № 3. Pp. 287-310. URL: <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1535349> (дата обращения: 12.02.2021).

Lehtinen S. An Intergenerational Approach to Urban Futures: Introducing the Concept of Aesthetic Sustainability // Moving from Landscapes to Cityscapes and Back: Theoretical and Applied Approaches to Human Environments. 2020. Pp. 111-119.

Listvina E. V., Frolova S. M. Sociocultural Aspects of Intergenerational Communications in the Digital Age // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2020. Vol. 20, № 4. Pp. 369-373.

Sivricova N., Moiseeva E. Values of generations in the context of inter-generational communication // SHS Web of Conferences. International Conference on Advanced Studies in Social Sciences and Humanities in the Post-Soviet Era. 2018. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2018/16/shsconf_icpse2018_020

17/shsconf_icpse2018_02017.html (дата обращения: 12.02.2021).

Social innovation, an answer to contemporary societal challenges / R. Grimm, C. Fox, S. Baines, K. Albertson // *Innovation the European Journal of Social Science Research*. 2013. Vol. 26, № 4. Pp. 436-455.

Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/mode/2up> (дата обращения: 12.02.2021).

Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning*. Crown, 2009.

Strom R. D., Strom P. S. Assessment of Intergenerational Communication and Relationships // *Educational Gerontology*. 2015. Vol. 41, № 1. Pp. 41-52.

Van der Brug W., Kritzinger S. Generational differences in electoral behaviour // *Electoral Studies*. 2012. Vol. 31, № 2. Pp. 245-249.

References

Gurova, I. M. and Evdokimova, S. M. (2016), "The theory of generations as a tool for analysis, formation and development of labor potential", *MIR (Modernization. Innovation. Development)*, (7), 150-159. DOI <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.3.150.159>. (in Russian)

Lepskij, V. E. (2010), "Controlled chaos technologies are a weapon of destruction of subjectivity of development", *Informatsionnye voiny*, (4), 69-78. (in Russian)

Markvart, J. (2017), "Is Citizen Participation in Strategic Planning an Onerous Obligation or Untapped Potential?", *Vestnik ekspertnogo soveta*, (2), 26-31. (in Russian)

Mochalin, A. V. (2016), "Transformation of Electoral Behavior as a Factor of Socialization of Youth in the Russian Province", *Nauchnye vedomosti BelGU*, (24) [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-elektoralnogo-povedeniya-kak-faktor-sotsializatsii-molodezhi-rossiyskoy-provintsii> (Accessed 12 February 2021). (in Russian)

Nilova, K. V. (2015), "Intergenerational intrafamily communication: sociopsycholinguistic aspect", Ph.D. Thesis, Ufa, [Online], available at: https://bashedu.ru/sites/default/files/dissosvets_files/disrab/dissertaciya_nilova.pdf. (Accessed 3 March 2021). (in Russian)

Prjazhnikova, O. N. (2019), "Social innovation and social and solidarity economy practices", *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*, (1), 99-118. (in Russian)

Shvabaujer, N. (2020), "Mayor's cheat sheet", *Rossijskaya gazeta*, (140) [Online], available at: <https://rg.ru/2020/06/29/reg-urfo/minstroj-razrabotal-standart-vovlecheniia-gorozhan-v-proekty-razvitiia.html> (Accessed 12 February 2021). (in Russian)

Barsukov, V. N. (2018), "Barriers to social integration of the older generation in the context of intergenerational communication issues", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11 (5) [Online], available at: http://esc.vscs.ac.ru/article/2815?_lang=en (Accessed 12 February 2021).

Gallicano, T. D., Curtin, P. and Matthews, K. (2012), "I love what I do, but... A relationship management survey of millennial generation public relations agency employees", *Journal of Public Relations Research*, 24 (3), 222-242.

Gidengil, E., Lahtinen, H., Wass, H. and Eröla, J. (2020), "From Generation to Generation: The Role of Grandparents in the Intergenerational Transmission of (Non-) Voting", *Political Research Quarterly* [Online], available at: <https://doi.org/10.1177/1065912920971715> (Accessed 12 February 2021).

Giles, H., Ryan, E. B. and Anas, A. P. (2008), "Perceptions of Intergenerational Communication by Young, Middle-Aged, and Older Canadians", *Canadian Journal of Behavioural Science*, 40 (1), 21-30.

Haapala, A., Frydryczak, B. and Salwa, M. (2019), *Moving from Landscapes to Cityscapes and Back: Theoretical and Applied Approaches to Human Environments*, Series Landscapes, Przepis, Poland.

Law, J., Young, T., Almeida, J. and Ginja, S. (2019), "Intergenerational Communication – an interdisciplinary mapping review of research between 1996 and 2017", *Journal of Intergenerational Relationships*, 17 (3), 287-310 [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1535349> (Accessed 12 February 2021).

Lehtinen, S. (2020), "An Intergenerational Approach to Urban Futures: Introducing the Concept of Aesthetic Sustainability", *Moving from Landscapes to Cityscapes and Back: Theoretical and Applied Approaches to Human Environments*, 111-119.

Listvina, E. V. and Frolova, S. M. (2020), "Sociocultural Aspects of Intergenerational Communications in the Digital Age", *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 20 (4), 369-373.

Sivricova, N. and Moiseeva, E. (2018), "Values of generations in the context of inter-generational communication", *SHS Web of Conferences. International Conference on Advanced Studies in Social Sciences and Humanities in the Post-Soviet Era* [Online], available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2018/16/shsconf_icpse2018_02017/shsconf_icpse2018_02017.html (Accessed 12 February 2021).

Grimm, R., Fox, C., Baines, S., Albertson, K. (2013), "Social innovation, an answer to contemporary societal challenges", *Innovation the European Journal of Social Science Research*, 26 (4), 436-455.

Strauss, W. and Howe, N. (1992), *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069* [Online], available at: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStrauss-NeilHowe/mode/2up> (Accessed 12 February 2021).

Strauss, W. and Howe, N. (2009), *The Fourth Turning*, Crown, USA.

Strom, R. D. and Strom, P. S. (2015), "Assessment of Intergenerational Communication and Relationships", *Educational Gerontology*, 41 (1), 41-52.

Van der Brug, W. and Kritzinger, S. (2012) "Generational differences in electoral behaviour", *Electoral Studies*, 31 (2), 245-249.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2021 г. Поступила после доработки 01 августа 2021 г. Принята к печати 04 августа 2021 г.

Received 12 March 2021. Revised 01 August 2021. Accepted 04 August 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Солосина Мария Игоревна, кандидат экономических наук, ведущий инженер межфакультетской научно-исследовательской лаборатории экономики и управления Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия.

Maria I. Solosina, PhD in Economics, Leading Engineer, Interfaculty Research Laboratory of Economics and Management, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

У
Д
К

Исследовательская статья

Шайхисламов Р. Б. ,
Асадуллина Г. Р. ,
Садретдинова Э. В.

Молодежные протестные настроения глазами
российской молодежи

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет
450076, Россия, Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3, стр. 4

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-10 Sadretdinovich@mail.ru

Asadullina-guzeliya@yandex.ru
golichev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу оценок молодежью участия части молодежи в различных протестных акциях. Исследовательская проблема заключается в том, что волна протестных акций в самых разных странах за последние два года, в том числе и в нашей стране, требует получения новых знаний не только об объективной динамике этих акций, но и об оценках молодежью их причин, мотивов участия молодежи в подобных акциях. Суждения молодежи о протестных акциях являются не только субъективным отражением реальных протестных процессов, но и результатом конструирования их причин в индивидуальном и массовом сознании. При этом в данном конструировании большую роль играют массовые коммуникации, осуществляемые в большей степени посредством сети Интернет. Протестные акции, в которых принимала участие часть российской молодежи, обусловлены латентными (условия жизни молодежи, социальные проблемы молодежи) и явными (стремление к переменам) факторами. Исследование показывает, что протестные акции молодежью оцениваются большей частью как позитивные. В этих условиях актуализируется необходимость отношения к молодежи не как к объекту информационного воздействия и воспитательных мероприятий, а как к субъекту позитивных изменений как в собственной судьбе, так и в жизни общества. В статье обосновывается тезис трансформации национальных целей развития страны до 2030 года из целей для молодежи в цели самой молодежи.

Ключевые слова: молодежь; протестные акции; массовые коммуникации; информационная компетентность; социальное конструирование; СМИ; социальное доверие; национальные цели

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 20-011-31700).

Информация для цитирования: Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В. Молодежные протестные настроения глазами российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 104-121. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-10.

Rafael B. Shaikhislamov ,
Guselia R. Asadullina ,
Evellina V. Sadretdinova

Youth protest moods through the eyes of Russian youth

Bashkir State University
450076, bld. 4, 3, Karl Marx St., Ufa, Russia
rafaelbadretdinovich@mail.ru
Asadullina-guzeliya@yandex.ru
golichev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of youth assessments of the participation of a part of youth in various protest actions. The research problem is that the wave of protest actions in various countries over the past two years, including in our country, requires new knowledge not only about the objective dynamics of these actions, but also about young people's assessments of their reasons, motives. participation of youth in actions. Young people's judgments about protest actions are not only a subjective reflection of real protest processes, but also the result of constructing their causes in the individual and mass consciousness. At the same time, mass communications, carried out to a greater extent by the Internet, play an important role in this construction. The protests in which some Russian youth took part were caused by latent (the living conditions of youth, the social problems of youth) and explicit (a desire for change) factors. At the same time, protest actions by young people are generally assessed as positive. In these conditions, the need to treat young people is actualized not as an object of informational influence and educational activities, but as a subject of positive changes both in their own destiny and in the life of society. The article substantiates the thesis of the transformation of the national development goals of the country until 2030 from goals for young people into goals of young people themselves.

Keywords: youth; protest actions; mass communications; information competence; social construction; media, social trust, national goals

Acknowledgements. The article was prepared as part of a study supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research (grant number 20-011-31700).

Information for citation: Shaikhislamov, R. B., Asadullina, G. R. and Sadretdinova, Ev. V. (2021), "Youth protest moods through the eyes of Russian youth", *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 104-121, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-10.

Введение (Introduction). Отличительной чертой протестных акций 2020 – начала 2021 годов стало более активное участие в них молодых людей, иногда – и подростков. Эти протестные выступления обнаружили ряд особенностей. Во-первых, это специфика *локализации*. Если ранее большинство масштабных протестных акций проходило в мегаполисах России, то сейчас к ним присоединились регионы. В

некоторых городах протестные акции проходили впервые за последние десять лет. Во-вторых, *состав участников протестных выступлений*: активными участниками протестных движений были представители молодежи в возрасте от 16 до 25 лет. В-третьих, наличие артикулированного *общего вектора выступлений*: движение за социальную справедливость, за реализацию прав и свобод граждан в условиях

углубляющегося социального неравенства и поляризации социума; выступления за сменяемость власти, против нарушений выборных процедур, коррупции. В-четвертых, доминирующая роль *новых медиа* в освещении и обеспечении поддержки протестных выступлений молодых людей, представляющих собой основную аудиторию этих медиа.

Протестные акции в регионах, в частности, в Республике Башкортостан имели некоторые особенности. Часть из них проходила в рамках общероссийских протестных движений. В то же время некоторые акции имели локальный характер. Прежде всего, общероссийский резонанс получили акции в защиту природных памятников – шиханов – от промышленной разработки Башкирской содовой кампанией.

Состав участников различных протестных акций (по возрасту, этнической идентичности, месту жительства, профессиональной принадлежности и т.д.) весьма разнообразен. Отношение к этим акциям со стороны жителей, в том числе и молодежи, неоднозначное. Неоднозначность отношения к протестам обусловлено тем, что социальные интересы тех или иных социальных групп в неодинаковой степени связаны с теми проблемами, которые трансформировались в требования протестующих (например, отказ о разработки шиханов угрожал сокращением рабочих мест в городе Стерлитамак). В то же время происходила активная проблематизация средствами массовой коммуникации, включая интернет-издания, блоги, различные мессенджеры, ситуации вокруг протестных акций. В результате конструирования массовыми коммуникациями социальных проблем отношение населения к протестным акциям было противоречивым. В конструировании проблематики протестных акций нашли свое отражение и особенности «Я» и «Мы»-концепций молодежи.

Методология и методы исследования (Methodology and methods). В социальной мысли протестная деятельность

граждан рассматривается как форма гражданской активности, ориентированная на артикуляцию и трансляцию органам власти и управления нереализованных потребностей и интересов (Юдина и др., 2020: 140). Феномен социального протеста изучается в рамках нескольких направлений. В *концепции коллективного поведения* (Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд, Г. Блумер) (Дементьева, 2013: 83-94; Лебон, 1991: 119-152; Тард, 1999: 98-112) социальный протест рассматривается как социально-психологический феномен. Отмечается, что протестное движение порождает агрессивность, беспокойство, психологическую и социальную напряженность. По мнению представителей данного направления, протест иррационален, непредсказуем и всегда актуализируется в периоды социальных кризисов.

Согласно *концепции депривации* (С. Стауффер, Р. Мертон) (Stouffer, Suchman, et al., 1949: 125; Merton, 1957: 14-17) протестные настроения возникают в условиях сравнения и обнаружения несоответствия социальной действительности со значимыми ценностями и ожиданиями, что выступает источником чувства неудовлетворенности, нарушения «онтологической безопасности», порождая мотивацию к участию в протестных акциях.

Конфликтологический подход (Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг) (Dahrendorf, 1959: 165) трактует протест как столкновение интересов социальных групп с противоположенными социально-политическими и экономическими интересами. При этом интенции выступлений (содержание требований и лозунгов) детерминированы кругом социальных проблем (Juska, Woolfson, 2012: 403-424), а острота протестных акций и характер действий их участников обусловлены особенностями «когнитивного проигрывания» (осмысления проблем), доминированием когнитивного, аффективного или волевого компонента представлений.

К важнейшим социальным факторам, обуславливающим характер протеста, его

активные и пассивные формы, можно отметить особенности содержания политической власти, специфику дифференциации влияния и делегирования полномочий (Волыничук и Соловченков, 2013: 29), дисфункции в деятельности органов власти и управления, проявления коррупции, ограничения демократических прав и свобод (Ratliff, Hall, 2014: 268-294).

Институциональный подход (Е. Армстронг, М. Бернштейн) (Armstrong, Bernstein, 2008) акцентирует внимание на характер влияния новых акторов (в т.ч. новых медиа) на коллективное поведение, включая разнообразные формы реализации протестного потенциала, основой которых становятся не традиционные нормы и ценности определенных социальных групп и общностей, а некие универсальные ценности и идеалы.

Протестные движения стали заметным объектом социологических, политологических, психологических исследований в последнее десятилетие. Опубликованы сотни статей в ведущих российских научных журналах, в которых освещены самые разные аспекты протестных движений в России (Юдина и др., 2020: 139-151; Титов, 2020: 139-158; Пацеля, 2021: 2072-2076; Романов и др., 2021: 240-247 и другие). Основные векторы исследований молодежного протеста в российской науке последних лет представлены в работе Д. В. Руденкина (Руденкин, 2020: 32-47).

В нашем проекте мы ориентировались на методологию социального конструирования. Поэтому особое внимание уделяли не только констатации суждений молодых респондентов, но и анализу факторов конструирования этих суждений. Эти факторы подразделялись на два типа: «субъективные» – «Я» – и «Мы» – концепции молодежи (суждения о себе, своем поколении, этносе, стране) и «объективные» – информационный фон, создаваемый СМИ и другими каналами массовой коммуникации.

В предлагаемой читателям статье анализируются некоторые результаты стандартизированных интернет-опросов в рамках

реализации проекта «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы»-концепций поколений Y и Z» в 2020-2021 гг. В процессе осуществления проекта была реализована в числе других цель выявления взаимосвязи между «Я»- и «Мы»-концепциями молодежи с их политической активностью, в том числе протестной; особенности восприятия информационных событий, их интерпретаций и конструирования этих событий в общественном мнении. В январе 2021 года было проведено два анкетирования по 1000 респондентов в возрасте от 16 до 30 лет, проживающих в Республике Башкортостан. Помимо этого, организована серия фокус-групп, в ходе которых также обсуждалась тема участия молодежи в протестных акциях. Также проведен контент-анализ интернет-ресурсов.

Исходя из данной цели, мы ставили следующие задачи исследования: 1) анализ представлений различных групп молодежи о возможностях выражения своих интересов и реализации прав и свобод с помощью законодательно предусмотренных инструментов (электоральная активность); 2) анализ представлений о причинах и социальных факторах-детерминантах участия / не участия молодежи в активных протестных акциях; 3) анализ влияния традиционных и новых медиа в реализации протестного потенциала молодежи.

Выборка опросов строилась как многоступенчатая, отбор информантов осуществлялся методом квотирования. Основные критерии отбора:

- социально-демографический: распределение информантов по полу и возрасту в соответствии с социально-демографическим составом Республики Башкортостан;

- территориальный: отбор осуществлялся с учетом территориального состава населения Башкортостана (типов поселений: крупнейший город; малый / средний город; сельские поселения);

- этнический: отбор осуществлялся с учетом этнического состава населения муниципальных образований региона.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Молодежь о протестных акциях.* Среди резонансных событий 2020 года – многочисленные протестные акции во многих странах мира. Протесты в США, затем и в Западной Европе против полицейского произвола, протесты против ограничительных мер в связи с пандемией, акции несогласных с итогами выборов президента в США и Беларуси, протестные акции в Хабаровске и Башкортостане, протесты в связи с арестом А. Навального – далеко не полный перечень подобных событий, в которых наиболее заметную роль сыграла часть молодежи.

Отношение к протестам в современных условиях определяется не только интересами и потребностями людей, но и степенью информированности об этих акциях. Сама информированность, в свою очередь, обусловлена не только степенью связанности акций с личными и групповыми интересами, но и резонансным характером тех или иных событий в коммуникативной среде общества.

Оценки молодыми респондентами причин участия части молодежи в протестных акциях ранжируются следующим образом (в %; сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа).

<i>Ухудшение условий жизни</i>	53,5
<i>Стремление к свободе</i>	52,6
<i>Стремление к положительным изменениям</i>	51,6
<i>Считают, что другими методами невозможно влиять на власти</i>	41,1
<i>Молодежь меньше боится, чем старшие поколения</i>	43,3
<i>Молодежь реагирует более эмоционально, решительно</i>	36,4
<i>Влияние СМИ и интернет-ресурсов</i>	32,3
<i>Молодежь выступает против чего-либо, а не за что-то</i>	24,6
<i>Молодежь больше подвержена чужому влиянию</i>	22,7
<i>Подстрекательство со стороны оппозиционных политиков</i>	21,4
<i>Затрудняюсь ответить</i>	17,7
<i>Для многих это просто форма проявления эмоций</i>	16,4
<i>Большинство участвует «за кампанию»</i>	15,4
<i>Для молодежи характерен переход от одной крайности к другой</i>	13,5
<i>Стремление стать частью Европы</i>	11,6
<i>Недостаток патриотизма среди молодежи</i>	10,1

Несмотря на большой разброс ответов респондентов о факторах, побуждающих часть молодежи участвовать в протестных акциях, можно выделить следующие типы мнений. Во-первых, это неудовлетворенность молодыми людьми условиями своей жизни (уровень доходов, трудовая занятость, жилищно-бытовые условия и т.п.). Сама по себе неудовлетворенность условиями жизни является фоновым фактором протестных настроений молодежи, поскольку в протестных акциях непосредственно не выдвигались требования решения проблем уровня жизни. Как отмечают Т. Н. Юдина, Ю. Н. Мазаев, Т. М. Бормо-

това и П. С. Жуков, уличная протестная активность указывает на глубокие социальные противоречия, на нерешенность насущных проблем, затрагивающих конкретные жизненные интересы простых людей (Юдина и др., 2020: 139-151).

Что касается влияния на умонастроения молодежи со стороны СМИ, Интернета, политической оппозиции, то их значимость респондентами оценивается в меньшей степени. Особенности психологии («выступления не за, а против», «подверженность чужому влиянию», «участие за кампанию», «проявление эмоций») протестные настроения у части молодежи объясняют

15-25% молодых респондентов. Замыкают ранг оценок респондентов мнения о стремлении части молодежи стать частью Европы и недостаток патриотизма. Последнее обстоятельство следует отметить особо. Если для жителей ряда стран постсоветского пространства характерно жить «как в Европе» и «в новой европейской стране», то для такого региона, как Башкортостан, стремление к «евроремонту» не характерно. Подавляющее большинство респондентов не считают, что у молодежи мало патриотизма, поэтому обвинения в недостаточном патриотическом воспитании протестующей молодежи не являются для самой молодежи убедительными.

Основным фактором, побуждающими часть молодежи к протестным действиям,

<i>Ориентируются на свободу от...</i>	16,0
<i>Ориентируются на свободу для...</i>	31,8
<i>Ориентируются просто на свободу, неважно от чего и для чего</i>	20,4
<i>Большинство вообще об этом не думает</i>	7,7
<i>Затруднились ответить</i>	24,1

Каждый пятый респондент считает, что для большинства молодежи свобода является терминальной ценностью, а почти половина респондентов полагает, что свобода для молодежи – это инструментальная ценность. При этом почти треть респондентов предполагает, что свобода для большей части молодежи является позитивной терминальной ценностью. Следовательно, для значительной части молодежи, по мнению самих молодых респондентов, свобода является условием и для самореализации, и для решения общественных проблем. В этом нам видится наличие инновационного и созидательного потенциала протестного

является ограниченность возможностей молодежи влиять на решения, которые вели бы к улучшению условий жизни. Отсюда и высокая доля в ответах респондентов таких суждений, как «стремление к свободе», «стремление к положительным изменениям», «невозможно влиять на власть».

Значительный вес такого фактора протестных действий, как «стремление к свободе», требует своей интерпретации. В общественном сознании представления о свободе имеют две грани – «свобода от ...» и «свобода для...». Соотношение этих двух граней оценки в ориентациях большей части молодежи самим молодым респондентам представляется следующим образом (в %):

движения молодежи, что является фактором поддержки этого движения со стороны существенной части молодежи.

Об этом также свидетельствует отношение молодых респондентов к резонансным протестным движениям 2020 года. Мы попросили определить свое отношение к протестным акциям в США и Западной Европе (в связи с убийством полицейскими афроамериканца Джорджа Флойда, итогами президентских выборов в США; ограничительными мерами в условиях пандемии); к протестным акциям в Белоруссии после президентских выборов; к протестным митингам в Башкортостане против промышленной разработки шиханов.

Таблица 1

Отношение респондентов к протестам, % от числа ответивших

Table 1

Respondents' attitude to the protests, % of respondents

Диспозиции / Dispositions	Протесты в западных странах / Protests in Western countries	Протесты в Белоруссии / Protests in Belarus	Протесты в Башкортостане / Protests in Bashkortostan
не знаю об этих акциях, не могу судить / I don't know about these protests, I can't judge	35,7	23,2	19,4
поддерживаю всех протестующих / support all protesters	10,6	37,9	50,0
одних поддерживаю, других осуждаю / I support some, I condemn others	25,4	13,7	5,4
не поддерживаю никого / do not support anyone	11,4	10,2	5,2
мне все это безразлично / I don't care about all this	10,5	8,7	5,8
затрудняюсь ответить / find it difficult to answer	6,4	6,3	14,2

Прежде всего, следует отметить достаточно высокий уровень осведомленности молодежи о протестных акциях, в том числе в западных странах. Действительно, эти акции широко освещались всеми видами СМИ. Но уровень осведомленности, как видим, зависит от «географической близости» протестных акций – об акциях в защиту шиханов в Башкортостане не знают лишь 14% молодых респондентов республики. Что касается поддержки или осуждения протестующих, это тоже связано с фактором «географической близости». Половина респондентов поддерживает участников протестных акций в Башкортостане, проблема защиты шиханов в своем регионе воспринимается более остро, чем проблема легитимности президентских выборов в дружественной, но все-таки другой стране, не говоря уже о проблеме легитимности президентских выборов в США. Но все же

поддерживающих протестные акции, будь то в западных странах, в Белоруссии или в своем родном регионе, значительно больше, чем их осуждающих. Это является косвенным показателем протестного потенциала молодежи в республике.

Как известно, в протестных акциях большую роль играют массовые коммуникации. В то же время межличностные коммуникации также обладают мобилизационным ресурсом. В условиях информационной неопределенности и противоречивости ситуации советы друзей могут сыграть решающую роль. Суждения респондентов относительно того, что посоветуют друзьям в ситуации протестных акций (добавим, что эти данные косвенно говорят и о позиции респондентов к личному участию в уличных протестных акциях) распределились следующим образом:

Таблица 2

Что посоветовали бы своим друзьям в преддверии какой-либо протестной акции?, % от числа ответивших*

Table 2

What would you advise your friends on the eve of any protest action?, % of respondents*

Не участвовать... / Not to participate ...	в %	в %	Участвовать... / Participate...
могут быть серьезные последствия для себя / can have serious consequences for themselves	20,9	10,9	не надо бояться последствий / no need to be afraid of the consequences
это не путь решения проблем / this is not a way to solve problems	13,4	13,8	по-другому не получится решение проблем / there is no other way to solve problems
за протестными акциями стоят интересы совершенно других людей / the interests of completely different people are behind the protest actions	15,8	18,2	протест – это форма отстаивания своих интересов / a protest is a form of defending one's interests
посоветую в зависимости от того, против чего протестуют / I will advise depending on what they are protesting against	20,9	13,8	это придает адреналина / it gives adrenaline
<i>Ничего не посоветую, пусть каждый решает сам / I will not advise anything, let everyone decide for themselves – 47,3</i>			

* Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов / Respondents could choose multiple answers

Позиции респондентов весьма противоречивые. Поскольку в большинстве случаев протестные акции проходят без соответствующих разрешений со стороны властей, за участие в них могут быть применены санкции. Каждый пятый респондент советует не принимать участия в акциях из-за негативных последствий; каждый десятый считает, что не надо бояться возможных негативных последствий. Таким образом, каждый пятый респондент рационально, избирательно относится к участию в акциях (в зависимости от того, против чего протестуют), тогда как эмоциональный фактор («адреналин») является значимым для 13,8% респондентов. Незначительна разница в долях респондентов, позиции которых по поводу отстаивания интересов – своих или чужих – расходятся. Такая же примерно картина складывается в отношении протестных акций как метода решения проблем.

Склонны призывать участвовать или не участвовать в протестных акциях меньшая часть респондентов. Половина респондентов не склонна задействовать в свою сферу межличностных коммуникаций агитацию за или против участия в протестных акциях. Эти респонденты не склонны призывать (соответственно, и самому участвовать) протестовать за «компанию», считая, что каждый должен принимать решение самостоятельно. В то же время такая позиция свидетельствует, как видим из приведенной выше таблицы, и о безразличии части молодежи к протестным акциям.

Рассмотрим некоторые аспекты влияния массовых коммуникаций на протестные настроения молодежи. Степень влияния средств массовых коммуникаций на молодежь обуславливается тем, в какой мере молодежь а) представлена в аудитории этих СМК, б) информирована о тех или иных событиях в жизни региона, страны, мира; в) доверяют тем или иным СМК.

Образ жизни современной молодежи, ее социальное поведение и настроения тесно связаны с повесткой дня СМИ, с тем, как различные общественно-политические процессы конструируются как информационные события. Молодежь считает себя более информированным, чем старшее поколение. Однако степень информированности молодежи о различных событиях, в том числе и прямо или косвенно связанных с протестами, достаточно низкая. Например, несмотря на то, что наша страна около 10 лет живет под разными санкциями со стороны западных стран, более половины молодых респондентов не знают об этом (о санкциях, направленных против строительства «Северного потока-2», осведомлены 70,1%; из-за воссоединения Крыма с Россией – 46,8%; из-за конфликта в Донбассе – 56,3%; в связи с «делом Скрипалей» – 65,4%; в связи с «делом Навального» – 42,2%; в связи с «делом Магнитского» – 73%; в связи с обвинениями в допинге в российском спорте – 49,7%). Те же, кто знает об этих санкциях, не всегда ясно представляют их цели. Этот пример свидетельствует о низком уровне информированности молодежи о различных социально-политических процессах.

Недостаточна степень не только информированности, но и информационной

компетентности. О степени навыков респондентов к селективному отбору информации свидетельствуют ответы на вопрос о сообщениях за последнюю неделю, которые они перепроверили по разным источникам. Примерно половина респондентов, судя по ответам, довольствуются только одним источником информации: *не перепроверяли сообщения 40,6%*. Вопрос о содержании поправок, внесенных в Конституцию страны, 15,4% респондентов оставили без ответа; 30,1% ответили, что не знают о содержании поправок (не помнят, не интересовались, относятся безразлично и т.п.).

В наше время в возрастающей степени проявляет себя проблема доверия к различным источникам информации. Это касается преимущественно традиционных СМИ. Среди новых медиа пальма первенства по уровню доверия молодежной аудитории принадлежит социальным сетям. Однако «лидером» среди ответов о доверии является аут-аудитория (не принадлежат к аудитории различных СМК).

Для оценивания роли в конструировании «картины жизни» посредством «повестки дня» и способов подачи информации была измерена степень доверия молодежи к разным источникам информации.

Таблица 3

Степень доверия молодежи к источникам информации, % от числа ответивших

Table 3

The degree of confidence of young people in information sources, % of respondents

Источник информации / Source of information	Не читаю, не смотрю, не слушаю / I don't read, I don't look, I don't listen	Полно- стью до- веряю / I fully trust	В основ- ном дове- ряю / Ba- sically I trust	В чем-то доверяю, в чем-то нет / I trust in some things, in some I do not	Совсем не дове- ряю / I don't be- lieve at all	Затруд- няюсь от- ветить / I find it hard to answer
Газеты, журналы / Newspapers, magazines	59,3	4,3	7,3	15,0	11,1	3,0
Радиоканалы / Radio	51,6	7,1	8,3	17,8	10,9	4,3
Телевидение / TV	25,9	7,5	10,4	20,0	31,7	4,5
Российские интернет-издания / Russian Internet publications	31,3	6,1	13,7	32,3	11,6	5,0

Источник информации / Source of information	Не читаю, не смотрю, не слушаю / I don't read, I don't look, I don't listen	Полно- стью до- веряю / I fully trust	В основ- ном дове- ряю / Ba- sically I trust	В чем-то доверяю, в чем-то нет / I trust in some things, in some I do not	Совсем не дове- ряю / I don't be- lieve at all	Затруд- няюсь от- ветить / I find it hard to answer
Социальные сети / Social net- works	12,6	10,0	17,1	45,5	10,5	4,3
Зарубежные Интернет-издания / Foreign Internet publications	29,9	7,5	12,4	33,2	9,6	7,4
Блоги / Blogs	22,8	6,3	15,6	36,2	12,1	7,0
Информация от друзей, знако- мых / Information from friends, acquaintances	14,0	8,6	22,8	42,7	6,1	5,8

Традиционные медиа (газеты, журналы, радио) даже с переходом в интернет-пространство не стали значимым источником информации для современной молодежи. Особую позицию занимает телевидение, которое, вследствие ряда особенностей (многоканальность воздействия, масштабы распространения, визуализация), привлекает три четверти молодежной аудитории. Но в то же время уровень доверия к телевизионной информации является низким. Среди интернет-каналов наибольшее внимание молодежи привлекают социальные сети. Факторами привлечения социальными сетями внимания молодежной аудитории являются адресность контента, формат сообщений, горизонтальный характер коммуникаций, что содействует повышению их значимости и степени доверия к ним. При этом в комментариях респонденты указывали социальные мессенджеры, вызывающие наибольшее доверие (прежде всего «Телеграмм» как источник независимой информации). В последнее время возрастает значение блогосферы как источника информации в молодежной среде, поскольку блогеры являются лидерами мнений.

Что касается повышенной сензитивности и благоприятного характера восприятия информации, распространяемой в интернет-среде от друзей и знакомых, на наш

взгляд, в этом случае молодых людей привлекает примарный характер коммуникаций с близкими людьми, ближайшим окружением. Приоритет тех или иных каналов интернет-коммуникации, с одной стороны, обуславливает реализацию потребностей молодых людей в информации, которая соответствует формирующейся у них системе ценностей и идеалов, но, с другой стороны, особенности этих информационных каналов благоприятствуют созданию позитивной среды для использования манипулятивных технологий. 62% респондентов, не подвергая проверке потребляемую информацию, или принимают ее на веру, или отбрасывают как не заслуживающую внимания. Это содействует увеличению численности так называемых «вторичных манипуляторов» в молодежной среде, переводя самих представителей молодежи из категории субъектов в категорию объектов социального воздействия.

Часть респондентов осознает, что участники протестных акций могут быть объектом информационных воздействий и манипуляций. Так, треть респондентов отмечают значимую роль СМИ и интернет-ресурсов в активизации протестных настроений; пятая часть отмечает роль подстрекательства со стороны оппозиционных политиков, осуществляемого также посредством интернет-коммуникаций. При этом

часть молодежи все-таки использует практики селективного отбора информации о наиболее значимых социальных событиях, обращаясь к тем источникам информации, содержание и тональность которых соответствует ее (молодежи) «картине мира». Это объясняет, в частности, низкую эффективность традиционных СМИ.

Что касается «картины мира», т.е. суждений респондентов о себе («Я-концепция») и социуме («Мы-концепция»), то она является конструктом, сформировавшимся как в результате усвоения и переработки информации, так и вследствие собственного жизненного опыта личности. Эти концепции являются своеобразной решеткой, которая отбраковывает информацию, диссонирующую с устоявшимися представле-

ниями; реконструируется информация, согласовываемая с суждениями личности. Объективные социальные процессы обуславливают социальные настроения молодежи не непосредственно, а через призму ее системы суждений о себе и социуме. В качестве одного из индикаторов «Я»- и «Мы»-концепций молодежи мы использовали парные оценки «гордость – недовольство» в отношении собственной персоны и в отношении социумов принадлежности (в данном случае рассмотрим на примере своей страны). В таблице 4 представлены результаты ответов на вопрос о гордости за собственные достижения, успехи, за достижения, успехи страны, недовольство за собственные неудачи, ошибки, неудачи, ошибки страны, которые испытывали респонденты в 2020 году.

Таблица 4

Гордость и недовольство, % от числа ответивших

Table 4

Pride and discontent, % of respondents				
<i>Проявление чувств... / Expression of feelings ...</i>	часто / often	иногда / sometimes	нет / no	безразлично / indifferently
<i>гордости / pride</i>				
за собственные достижения, успехи / for their own achievements, successes	35,9	47,1	13,9	3,1
за достижения, успехи страны / for the achievements, successes of the country	11,2	24,3	52,2	12,3
<i>недовольства / discontent</i>				
за собственные неудачи, ошибки / for your own failures, mistakes	23,6	53,5	18,4	4,9
за неудачи, ошибки страны / for the failures, mistakes of the country	29,4	28,5	26,1	16,0

Чувство гордости в «Я» – концепции превалирует над чувством недовольства, что объяснимо с точки зрения психологии. Однако при этом близость проявлений этих противоположных чувств (35,9 против 23,6; 47,1 против 53,5 и т.д.), испытанных респондентами, вызывает некоторые вопросы. Личные достижения и успехи, как и личные неудачи и ошибки обусловлены не только действиями самих молодых людей, но и внешними обстоятельствами. Судя по этим данным, нельзя говорить о высоком

тонусе самочувствия и самооценки современной молодежи. Недовольство собой так или иначе трансформируется в недовольство обстоятельствами, тем более что для молодого возраста характерен экстернальный локус контроля. Что касается оценок страны, то недовольство ее неудачами и ошибками проявляется заметно больше, чем гордость за достижения и успехи страны.

С точки зрения проявления негативных переживаний за ошибки и неудачи

страны молодых людей можно разделить на 3 группы:

Первая группа – молодежь с невысоким уровнем выраженности переживаний за судьбы страны (баллы 1-4: 25,7%). Эту группу составляют молодые люди, равнодушные к тому, что происходит в стране (фиксировавшие в ответах на другие вопросы «мне это безразлично», «мне все равно, что происходит в стране» и т.д.), молодые люди, занимающие пассивную гражданскую и социальную позиции.

Вторая группа – молодежь со средним уровнем выраженности переживаний за судьбы и неудачи страны (баллы 5-7: 46,6%). Это наиболее многочисленная группа молодежи, беспокоящаяся за судьбу страны. Можно полагать, что у представителей данной группы компонента недовольства доминирует над компонентой действия. Чувств недовольства состоянием дел в стране недостаточно для активных протестных действий.

Две первые группы, составляющие более 70%, представляют собой в социально-политическом отношении пассивную часть молодежи. Но в условиях нарастания протестных настроений и акций

часть второй группы может также перейти в ряды активно протестующих.

3 группа – молодежь с высоким уровнем выраженности переживаний за судьбы и неудачи страны (баллы 8-10: 27,7%). Полагаем, что среди представителей данной группы наиболее выражена тенденция к действию, в том числе и протестному.

Протестные настроения и действия молодежи связаны и с таким субъективным фактором, как «Я»- и «Мы»-концепция молодежи. Эти концепции базируются, прежде всего, на оценках себя и других. Рассмотрим особенности самооценок и оценок своих сверстников, которые были получены в ответ на предложение респондентам охарактеризовать свои представления о себе лично и о своих сверстниках по 11 показателям. Для анализа применялась шкала отношений, включающая положительные и отрицательные значения (+3 – высокий уровень проявления качества, +2 – средний уровень, +1 – низкий уровень, 0 – отсутствие, -1, -2, -3 – соответственно уровни проявления противоположных качеств). По результатам анализа рассчитывались средние индексы выраженности каждого качества.

Таблица 5

Самооценки и оценки сверстников (в баллах от – 3 до + 3)

Table 5

Self-assessments and peer assessments (in points from – 3 to + 3)

Наделяемые качества / Endowed qualities	Самооценки / Self-assessments	Оценки сверстников / Peer ratings
Справедливость / несправедливость / Fairness / injustice	+1,5	+0,6
Ориентация на собственные силы (надежда на себя) / ориентация на силы других (надежда на других) / Self-orientation (self-reliance) / others-orientation (hope in others)	+1,4	+0,6
Ответственность / безответственность / Responsibility / irresponsibility	+1,4	+0,5
Дисциплинированность / недисциплинированность / Discipline / indiscipline	+1,2	+0,7
Жизнерадостность / унылость / Cheerfulness / sadness	+1,1	+0,9
Умность / глупость / Cleverness / stupidity	+1,1	+0,7
Демократичность / недемократичность	+1,0	+0,8

Наделяемые качества / Endowed qualities	Самооценки / Self-assessments	Оценки сверстников / Peer ratings
/ Democracy / undemocratic		
Передовые позиции (передовой) / отсталость / Forward positions (advanced) / backwardness	+1,0	+0,9
Энергичность / инертность / Vigor / inertia	+0,9	+1,0
Активность / пассивность / Activity / passivity	+0,6	+1,0
Деловитость / не деловитость / Business-like / not business-like	+0,5	+0,5

Обратим внимание на следующие результаты. Во-первых, на достаточно низкие самооценки молодых людей. Несмотря на то, что в среднем и самооценки, и оценки сверстников по всем параметрам являются положительными, оценок на уровне среднего и выше нет. Самые низкие самооценки отмечены по таким качествам личности, как энергичность, активность, деловитость (ниже слабого уровня проявления). Если исходить из формулы У. Джеймса «самооценка = успех / уровень притязаний», то можно сделать два предположения. Первое – успехи части современной молодежи являются недостаточными относительно их уровня притязаний. Второе – уровень притязаний части молодежи является невысоким. Каково соотношение этих частей молодежи – это предмет отдельного исследования. В рамках обсуждаемой темы следует отметить, что низкая самооценка является субъективным фактором и социальной активности (неудовлетворенность успехами), и социальной пассивности (низкий уровень притязаний).

Во-вторых, отметим более низкие оценки проявляемых сверстниками качеств по сравнению с самооценками. Это вполне объяснимо, поскольку самооценка наце-

лена на защиту Я-концепции. В Мы-концепции лишь энергичность и активность оценивается более высоко, чем в Я-концепции. Однако все перечисленные качества своих сверстников молодые люди оценивают как низкий уровень, приближающийся к их отсутствию (от +1 до +0,5). Подобное пессимистическое видение молодыми людьми своих сверстников может быть симптомом неблагоприятного состояния и молодежи, и самого общества. Такая пессимистическая картина обусловлена неудовлетворенностью состояния и перспектив молодого поколения, и эта неудовлетворенность ведет и к желанию изменить в лучшую сторону обстоятельства жизни, и к пассивному приятию и приспособлению к социальной действительности.

Двойственность жизненной позиции молодого поколения проявляется, в частности, в отношении такой формы политического участия, как выборы. Лишь каждый четвертый респондент признает значение выборов как легитимной возможности позитивных перемен в обществе. Суждения о причинах абсентеизма среди молодежи ранжируются следующим образом (в %; респондентам предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответов):

<i>Не верят в возможность что-либо изменить</i>	64,2
<i>Не разбираются в политике</i>	22,7
<i>Равнодушие</i>	15,2
<i>Лень</i>	4,4
<i>Затруднились ответить</i>	17,3

В целом возможности различных каналов артикуляции интересов оцениваются молодыми людьми следующим образом (ответы в % на вопрос «Можно ли добиться

положительных изменений в стране без акций протеста?»; респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов):

<i>Да, активно участвуя в выборах</i>	26,4
<i>Да, активно участвуя в различных политических и общественных организациях</i>	29,6
<i>Да, принимая участие в различных петициях</i>	17,7
<i>Да, участвуя в дискуссиях в социальных сетях и блогах</i>	11,9
<i>Нет, все эти формы бесполезны</i>	25,5
<i>Затруднились ответить</i>	26,6

Неверие в возможность что-либо изменить в лучшую сторону, участвуя в политике, не прибегая к протестным действиям, выражает каждый четвертый респондент. Менее трети респондентов отмечают такие возможности артикуляции интересов, как участие в выборах, в деятельности различных общественных и политических организаций. Петиции, блоги, социальные сети как инструменты политического давления, с точки зрения респондентов, малоэффективны. Таким образом, легальные способы влияния на власть представляются молодежи малоэффективными способами добиться положительных изменений в обществе. Поэтому для более половины респондентов участие в протестных акциях обладает позитивной интенцией, хотя и рассматривается как вынужденный шаг.

Заключение (Conclusions). Протестные настроения в молодежной среде свидетельствуют о необходимости не только расширения легальных возможностей артикуляции молодого поколения и всего населения страны, но и совершенствования молодежной политики. Действия «против» (акции протеста) появляются тогда, когда ограничены действия «за». Мы имеем в виду степень соучастия молодежи в общих делах. В ряде стран существует консолидирующая идеология, общенациональная мечта, разделяемые большинством цели развития страны. Такая объединительная сила в нашей стране в силу ряда причин еще не сформировалась. Она и не может появиться в условиях разорванности интересов политической и бизнес-элиты и масс.

В нашей стране реализуются национальные цели развития до 2030 года. Значительная часть мер в рамках этих национальных целей ориентирована на создание благоприятных возможностей для молодежи. Однако и по содержанию этого документа, и по тому, как он реализуется, эти национальные цели – для российского общества, в том числе для молодежи, но не самого общества в целом и не молодежи, в частности. Если такие цели формулируются для народа (нации), но не «вырастают» в самом народе, не идут «снизу», они и не будут общенациональными. Условием формирования общенациональных целей является позитивная, деятельная общероссийская идентичность граждан. Под такой идентичностью мы понимаем не только установление определенного тождества между индивидом и страной, но желание и стремление индивида принимать участие в решении общих для страны социальных, экономических, политических, духовных, экологических и т.п. проблем. Основой такой идентичности является «Мы- концепция», базирующаяся не только и не столько на основе отнесения себя к гражданской, социокультурной и государственно-политической общности россиян, сколько на основе сопричастности человека к общим делам, к общероссийским целям. Мы можем судить об общероссийской идентичности человека по тому, как он не только на словах, не только на уровне чувств, но и на уровне своих конкретных действий отождествляет себя с Россией.

С целью анализа состояния и возможностей формирования такой деятельной общероссийской идентичности мы провели сравнение представления молодежи о целях, способных объединить россиян, с национальными целями страны до 2030 года, определенными указом Президента

страны. В качестве целей, способных объединить всех россиян (формулировка вопроса – «*Имеются ли, на Ваш взгляд, какие-либо цели, способные объединить россиян?*»), респонденты указали (в порядке значимости) стремление превратить Россию:

Таблица 6
Национальные цели в Мы-концепции молодежи, % от числа ответивших

Table 6

National goals in We-the concept of youth, % of respondents

Цели: чтобы наша страна была признаваемой во всем мире ... / Goals: to make our country recognized all over the world...	да, может объединить... / yes, it can combine ...			нет, это дело самого человека / No, this is a matter for the persons themselves	затруднились ответить / couldn't answer
	всех россиян / all Russians	большую часть россиян / most of Russians	меньшую часть россиян / mi- nority of Russians		
добрым соседом / good neighbor	18,1	23,6	16,1	15,6	26,6
военной державой / military power	11,7	19,4	20,1	20,8	28,0
высоких технологий / high tech	20,2	25,7	6,5	14,0	23,6
честного предпринимательства / honest business	16,5	24,0	18,7	15,4	25,4
долгожителей / centenarians	9,6	12,2	19,7	31,1	20,0
обеспеченных людей / well-off people	24,4	24,6	17,1	17,3	12,5
физически крепких, спортивных людей / physically strong, athletic people	11,3	25,7	24,3	20,3	12,8
высокообразованных людей / highly educated people	18,7	28,9	20,6	15,3	11,8
поддержки талантов / talent support	14,2	27,4	21,3	17,1	12,9
научных достижений / scientific achievements	17,4	28,5	20,2	14,4	12,3
духовной культуры / spiritual culture	13,0	27,2	21,3	16,2	13,9
нравственных людей / moral people	16,0	25,0	20,1	15,3	14,4
комфортных условий жизни / comfortable living conditions	31,9	26,1	9,3	14,2	12,1
чистой окружающей среды / clean environment	23,8	27,6	15,2	12,6	11,8

То, что самая большая доля респондентов по разным параметрам националь-

ных целей не превышает одной трети, говорит о том, что большинство не видят основных объединяющих целей россиян. При

этом оценки респондентов относительно объединительного потенциала тех или иных целей (способных стать общим делом всех россиян, или большинства, или хотя бы меньшей их части) существенным образом расходятся. Следовательно, гражданским обществом пока еще не сформулирована ведущая идея, мечта, способная стать консолидирующей общенациональной целью.

Национальные цели, определенные в указе Президента страны, воспринимаются как целевые установки для государственного аппарата. Они не стали подлинно национальными, т.е. целями самого гражданского общества. Поскольку многие национальные цели имеют самое непосредственное отношение к потребностям молодежи, она должна была бы заинтересована не только в результатах управленческого аппарата в реализации этих целей, но и в участии в их реализации. По большому счету, гражданское общество, в том числе молодежь, рассматривается государственным аппаратом в качестве не субъекта, а объекта национальных целей. Спускаемые сверху цели всегда остаются декларациями, если они не являются или не превращаются в цели самого общества, конкретного человека.

Чем больше людей разделяют выросшие из самого общества национальные цели, тем больше будет национального согласия и сотрудничества. И, наоборот, отсутствие или размытость общенациональных целей всегда будут порождать протестные настроения и действия.

Список литературы

Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 73-86.

Волыничук А. Б., Соловченков С. А. Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 1 (19). С. 25-36.

Габа О. И. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144-151. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ (дата обращения: 4.03.2021).

Дементьева И. М. Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке // Проблемы развития территории. 2013. № 4 (66). С. 83-94.

Кленова М. А. Протестная активность и ее психологическое содержание в контексте социально-политической активности молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 4 (32). С. 362-367.

Лебон Г. Мнения и верования толпы // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6. С. 119-152.

Марин Е. Б. Молодежные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества) // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 63-82.

Пацеля Я. С. Протесты в Хабаровском крае: анализ и прогноз развития политической ситуации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 1, № 7 (76). С. 2072-2076.

Пономарева Е. Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2021. № 2 (373). С. 5-28.

Романов С. Ю., Юсупов И. Ф., Салимгареев Д. И. Социологические аспекты протестной активности в Республике Башкортостан на современном этапе // Власть. 2021. № 1. С. 240-247.

Руденкин Д. В. Как российская социально-гуманитарная наука изучает молодежные протесты: основные направления анализа // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 2 (7). С. 32-47.

Таланов С. Л. Влияние референтной личности (группы) на протестные настроения студенческой молодежи // Социально-политические исследования. 2020. № 2 (7). С. 32-47.

Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСИП», 1999.

Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный ана-

лиз поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139-158.

Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Коммуникативная компетентность россиян // Научный результат. Социология и управление. 2021. № 2. С. 10-25. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-2

Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н., Бормотова Т. М., Жуков П. С. Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. 2020. № 1. С. 139-151.

Armstrong E. A., Bernstein M. Culture, Power and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements // Sociological Theory. 2008. Vol. 26, iss. 1.

Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.

Merton R. K. Social theory and social structure. Glencoe, 1957.

Juska A., Woolfson C. Crime. Policing political protest in Lithuania // Crime; Law and Social Change. 2012. Vol. 57, iss. 4. Pp. 403-424.

Ratliff T. N., Hall L. L. Practicing the Art of Dissent. Toward a Typology of Protest Activity in the United States // Humanity & Society. 2014. Vol. 38, iss. 3. Pp. 268-294.

Shamionov R. M. Social activity of youth: a systemic diachronic approach as a threat to the socialization of modern youth // Russian psychological journal. 2019. Vol. 16, № 1. Pp. 166-188.

Stouffer S., Suchman E. et al. The American Soldier: adjustment during army life. Princeton, 1949.

References

Volkov, D. (2012), "Protest rallies in Russia in late 2011 – early 2012: a request for the modernization of political institutions", *Bulletin of public opinion*, (2), 73-86. (in Russian)

Volynchuk, A. B. and Solovchenkov, S. A. (2013), "Social tension and test activity in the context of social security analysis", *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service*, (1), 25-36. (in Russian)

Gaba, O. I. (2015), "Youth as a subject of protest sentiments", *Knowledge, understanding, skill*, (1), 144-151, available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ (Accessed 03 April 2021). (in Russian)

Dementyeva, I. M. (2013), "Study of the protest activity of the population in foreign and domestic science", *Problems of territory development*, (4), 83-94. (in Russian)

Klenova, M. A. (2019), "Protest activity and its psychological content in the context of the socio-political activity of youth", *Izv. Sa-rat. un-that. New ser. Acmeology of education. Developmental psychology*, 8 (4), 362-367. (in Russian)

Le Bon, G. (1991), "Opinions and beliefs of the crowd", *Philosophical and sociological thought*, (6), 119-152. (in Russian)

Marin, E. B. (2018), "Youth protest moods in the Primorsky Territory (on the example of students)", *Bulletin of the Institute of Sociology*, (26), 63-82. (in Russian)

Patsal, Ya. S. (2021), "Protests in the Khabarovsk Territory: Analysis and Forecast of the Development of the Political Situation", *Issues of national and federal relations*, 1 (7), 2072-2076. (in Russian)

Ponomareva, E. G. (2021), "Protest movement in Belarus: evolution, technology, symbols", *Scientific-analytical journal Observer*, (2), 5-28. (in Russian)

Romanov, S. Yu., Yusupov, I. F. and Salimgareev, D. I. (2021), "Sociological aspects of protest activity in the Republic of Bashkortostan at the present stage", *Power*, (1), 240-247. (in Russian)

Rudinkin, D. V. (2020), "How Russian social and humanitarian science studies youth protests: the main directions of analysis", *Trends in the development of science and education*, (2), 32-47. (in Russian)

Talanov, S. L. (2020), "The influence of the reference personality (group) on the protest moods of student youth", *Socio-political studies*, (2), 32-47. (in Russian)

Tarde, G. (1999), *Public opinion and crowd*, Institute of Psychology RAS, Publishing house "KSP +", Moscow, Russia. (in Russian)

Titov, V. V. (2020), "Strategies of social protest of youth in Runet: a comparative analysis of generations Y and Z", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (3), 139-158. (in Russian)

Chankova, E. V. and Sorokin, O. V. (2021), "Communicative competence of Russians", *Research Result. Sociology and Management*, (2), 10-25. DOI: 10.18413 / 2408-9338-2021-7-2-0-2 (in Russian)

Yudina, T. N., Mazaev, Yu. N., Bormotova, T. M. and Zhukov, P. S. (2020), "State and dynamics of protest activity in modern Russian society", *Bulletin of Perm University*, (1), 139-151. (in Russian)

Armstrong, E. A. and Bernstein, M. (2008), "Culture, Power and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements", *Sociological Theory*, 26 (1).

Dahrendorf, R. (1959), *Class and Class Conflict in Industrial Society*, Stanford University Press, Stanford, USA.

Merton, R. K. (1957), *Social theory and social structure*, Glencoe, USA.

Juska, A. and Woolfson, C. (2012), "Crime. Policing political protest in Lithuania", *Crime; Law and Social Change*, 57 (4), 403-424.

Ratliff, T. N. and Hall, L. L. (2014), "Rracting the Art of Dissent. Toward a Typology of Protest Activity in the United States", *Humanity & Society*, 38 (3), 268-294.

Shamionov, R. M. (2019), "Social activity of youth: a systemic diachronic approach as a threat to the socialization of modern youth", *Russian psychological journal*, 16 (1), 166-188.

Stouffer, S., Suchman, E. and et al. (1949), *The American Soldier: adjustment during army life*, Princeton, USA.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2021 г. Поступила после доработки 01 августа 2021 г. Принята к печати 15 августа 2021 г.

Received 17 June 2021. Revised 01 August 2021. Accepted 15 August 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

Асадуллина Гузелия Рауфовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

Садретдинова Эвеллина Винеровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

Rafael B. Shaikhislamov, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Bashkir State University, Ufa, Russia.

Guzeliya R. Asadullina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Bashkir State University, Ufa, Russia.

Evellina V. Sadretdinova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Bashkir State University, Ufa, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-11

Original article

Nikola Gjorshoski

**Religious Theodemocracy: Sharia democracy
as a unique Islamic model**

33 A 1/11, "Mirce Acev" Str., Ohrid, North Macedonia
ngjorshoski@gmail.com

Abstract. The following paper deals with an issue that transcends the ongoing controversy over the compatibility between political Islam and democracy. This work raises this issue to a higher level by entering into the nature of the models of democracy themselves and their relation to a political ideology that is widespread in the Muslim world. Hence the intention of the author, through the methods of induction, deduction and comparison, is to present the theoretical, philosophical and empirical dimensions of sharia democracy as an important model of eventual democratic order in some of the Muslim societies. Thus, the general orientation in this study is to determine three aspects in the relation of Islamic ideology and subjects with the indicated form of religious theodemocracy. First, the format of election of citizens' representatives, i.e. the representative form of government. Second, the manner of decision-making and the type of decisions that could be made in a democratic setting of Islamic discourse. And finally, the degree of influence and role of religion, ie Islam in the process of shaping democratic principles, norms and value components relevant to Muslim societies. Such benchmarks signify a coherent whole and represent the qualitative and quantitative content in the ideology of political Islam, on the one hand, and on the other hand, they reflect the democratic possibilities in sharia as the desired Islamic legal order.

Keywords: Political Islam; Ideology; Models of Democracy; Sharia democracy

Information for citation: Gjorshoski, N. (2021), "Religious Theodemocracy: Sharia democracy as a unique Islamic model", *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 122-134, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-11.

Оригинальная статья

Горшевски Н.

**Религиозная теодемократия: Шариатская демократия
как уникальная исламская модель**

Северная Македония, Охрид, ул. «Мирче Асева», 33 А 1/11
ngjorshoski@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос, который выходит за рамки продолжающегося спора о совместимости политического ислама и демократии. Данная работа поднимает этот вопрос на более высокий уровень, вникая

в природу самих моделей демократии и их связь с политической идеологией, широко распространенной в мусульманском мире. Таким образом, автор намерен с помощью методов индукции, дедукции и сравнения представить теоретические, философские и эмпирические аспекты шариатской демократии как важной модели возможного демократического порядка в некоторых мусульманских обществах. Таким образом, общая направленность данного исследования заключается в определении трех аспектов в соотношении исламской идеологии и субъектов с указанной формой религиозной теодемократии. Во-первых, формат избрания представителей граждан, то есть представительная форма правления. Во-вторых, способ принятия решений и тип решений, которые могут быть приняты в демократических условиях исламского дискурса. И, наконец, степень влияния и роль религии, то есть ислама, в процессе формирования демократических принципов, норм и ценностных компонентов, актуальных для мусульманских обществ. Такие ориентиры представляют собой единое целое и отражают качественное и количественное содержание в идеологии политического ислама, с одной стороны, а с другой стороны, отражают демократические возможности в шариате как желаемом исламском правопорядке.

Ключевые слова: политический ислам; идеология; модели демократии; шариатская демократия

Информация для цитирования: Горшевски Н. Религиозная теодемократия: Шариатская демократия как уникальная исламская модель // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 122-134. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-11.

Introduction. The debate on the political and philosophical basis for establishing a theodemocratic form of government, i.e. a specific form of sharia democracy, as a unique Islamic model, primarily aims at several elementary achievements in the realization of this form. First, to avoid the establishment and application of non-Sharia laws, norms, rules and social behavior in the system (such as bank interest rates, narcotics, legalization of same-sex marriage, legalization and stimulation of abortion, murder, etc.). Second, to find an appropriate form of connection between modern democratic postulates and Islamic values, legal and spiritual dimensions. And finally, to penetrate a model of systemic management and governance in modern countries that will adequately meet the above criteria.

At the same time, the idea of sharia rule is as old as the Islamic political scene itself. In other words, the determination and commitment of Islamic political entities, regardless of their organizational form, were essentially directed towards a political system based on the application of Sharia and its full affirmation

among the population of a particular area. In the recent period, a series of authors have emphasized that support for some theocratic principles and elements of governance has a strong ground, and not only in Muslim countries. Countries such as India, Israel, Malaysia, Nigeria allow certain aspects such as personal status, family relationships, etc., to be regulated by religious communities. Gilles Kepel acutely describes this situation of revival of religion in state politics as “revenge on God”, while other authors such as Jose Casanova conclude that this process is the result of a return to support for religious figures and institutions, as well as the belief that religion should play a major social role, and even have the authority to dictate directions in the public sphere (Falaah, 2016: 66).

Several key questions determine the research framework in this paper. First, what is religious theodemocracy, who are its founders and what are its value orientations? Second, how and to what extent does religious theodemocracy convert to sharia democracy, i.e. on which postulates is it based? Finally, what is

the political-philosophical basis of the idea of sharia democracy and to what extent is it applicable in today's conditions? Simplified, what are the possibilities, obstacles and remarks of this model?

Methodology and methods. *Embodiment of ideas for god's justice: religious theodemocracy.* The concept of religious theodemocracy owes its origin not to the Islamic or Jewish tradition, but to the American Mormon Christian denomination, whose founders and representatives theoretically developed a system of symbiosis between theocracy and forms of republican and democratic government. Although as a system there is a modest theoretical explosion, and even less empirical experience, theodemocracy as a democratic model is increasingly receiving attention in religiously oriented political ideologies and circles with democratic inclinations.

Theocracy and theodemocracy. The concept of theocracy was conceived by the Jewish historian Flavius Josephus (38-100 CE) who, in *Gentile*, tried to explain the organization and politics of the former Jewish Commonwealth by comparing theocracy with other forms of government such as monarchy, oligarchy, and republic. He emphasizes that the Jewish legislator (Moses) had nothing to do with these forms of government, but established the Jewish government to be what could strictly be termed a theocracy, attributing authority and power to God and assuring all people to have respect for Him, as the author of all good things (Abbas & Asim, 2015: 39). The state of Israel led by the prophets before the era of the kings, the Vatican, Prince – Bishopric of Montenegro (1516-1852) are considered typical examples of theocratic states. Hence, the modern notion of theocracy denotes the form of government in which the religious institution is the source from which authority derives, and the Oxford Dictionary defines it as: a) A system of government in which priests rule in the name of God; and b) The Commonwealth of Israel from the appearance of Moses to the election of Saul as king (Oxford English Dictionary, 2015).

Theodemocracy, or democratic theocracy, as noted by some authors, is a political

system proclaimed by Joseph Smith, the leader and founder of the Last Days movement. The description of Smith, the founder of the Mormon movement, or denomination in Christianity, contains a fusion of traditional republican and democratic principles of government with a theocratic understanding of political governance. Joseph Smith characterizes such rule as a system in which God and the people hold power in order to rule righteously, that is, to embody God's justice. Smith believed that such governance would be a form of government that would be established in the world after the Second Coming of Christ. This policy will represent the "Kingdom of God" that the prophet Daniel foretold in the Old Testament of the Bible. As Marvin Hill notes, the first "Witnesses of the Last Day" (Mormons) were supporters of Jackson's democracy and were involved in representative Republican politics. But later Mormons saw the vortex of competitive denominations and social institutions in the early 19th century as evidence of the social turmoil and confirmation of the unrest and violence that characterized America under President Jackson. Thus in 1842 Smith wrote that earthly governments had failed in their attempts to promote eternal peace and happiness, and that even the United States was characterized by partisan conflicts, political intrigue, and the interests of individuals (Hill, 1989: 59).

Patrick Q. Mason notes that nineteenth-century Mormons also protested against the spiritual disharmony they face in increasingly crowded American religious landscapes, as well as against the early processes of what they called "excessive secularization". Proclaiming their devotion to God in all human affairs on the one hand, and their sincere belief in American republicanism on the other, Joseph Smith and his followers sought to establish a sociopolitical order dedicated to combine the virtues of power with God (theocracy) and the power of the people (democracy). Instead of perceiving these systems as competing or contradictory, Smith and his followers treated them as complementary. Many adherents claim that they are inseparable and can not be fully adopted and accomplished without each other,

that theos and demos are in fact part of an organic system of government that permeates not only the “earthly” events but also the “kingdom of God”. (Mason, 2011: 350).

Research Results and Discussion. *Features.* First, the supermacy of religious “revelations”. Religious revelations that explicitly contain a qualified system of rules, principles, and religious principles, both spiritually and socially, are superior to secular laws. In other words, no legal provision enacted by the legislature can be in conflict with religious norms. Religious values and principles in this model are the starting point for making decisions that govern daily life. According to John Taylor, the appropriate model of governance in this regard would be the following: “God speaks first, and then men have their action”. What gives additional impulse is that people keep their activities, because they have “perfect freedom” in choosing whether to accept God's dictates. Because of this, Taylor warns that there is an exact purpose in which wisdom and knowledge come from God through the medium of the sacred priesthood (Mason, 2011: 360).

From a constitutive point of view, two types of supermacy of religious texts can be differentiated in relation to constitutional norms. First, for religion and its norms to be the source of legislation and interpretation of laws, whereby any law contrary to the first principles would be abolished; and second, the authority of religious authorities to issue legal opinions and rulings on the jurisprudential status of the system, on an identical or higher line than civil courts (Hirschl, 2008: 1185). These categories would ensure the implementation of religious postulates in the system.

Second, the competitiveness of the religiously-educated elite and civic participation. Theodemocracy according to theoretical conceptions allows citizens to elect leaders with higher religious education, but also to participate in decision-making of local importance for their community. A distinction needs to be made between the clergy and religiously educated citizens for two reasons. First, in a theodemocracy it is possible for any citizen who

has a high knowledge of religious norms to be a participant in government, whether or not he or she has a priestly rank. Second, in the Islamic world where religious theocracy is significantly observed, there is no clergy in terms of an organized and structured religious hierarchy as in other religions, especially Christianity.

One of the protagonists of theodemocracy during its initial affirmation and creation, Wilford Woodruff, in his speeches tried not to qualify such a system as autocratic or theocratic. Instead, he said, the theodemocratic government relied on “the voice of God and the sanction of the people”. Opposing the anti-Mormon protagonists who proclaimed that the church was based on anti-democratic postulates, he set out the elementary assumption of theodemocracy that advocated and identified Taylor, noting that God has a voice and that the task of the people is to accept (Mason, 2011: 361). On the other hand, George Smith wrote in 1865: “Our system should be theocracy – the voice of people who agree with the voice of God”. Mason emphasizes that this very view has remained consistent throughout the history of theodemocracy, that is, the common relationship between God and man, while never endorsing a complete theocracy in which priests or religious jurists would rule completely under subjugated people. (Mason, 2011: 361). The Islamic doctrine of theodemocracy, as reported by Shamsul Falaah, goes a step further. Comparing it with classical theocracy, as well as the postulates of the nineteenth-century Mormons, according to the theodemocracy of the Islamic expert Mawdudi, all powers are not given to Islamic jurists, but to political institutions stipulated in constitutions. In such institutions, powers are given to all Muslims (everyone can participate), i.e. of all Islamic community (Ummah) that follow Islamic law as a guide in policy making (Falaah, 2016: 68).

Third, the republic government. Theodemocracy recognizes the Republican organization of government as an important element that can be perceived from two aspects. First, the rulers are elected, as we have seen in the

previous paragraph, and second, the guarantee of the freedoms and rights that are typical of republicanism as a protective conception of democracy. In that sense, according to the bearers of the concept of theodemocracy, the religious, i.e. the ethical and moral postulates of religion provide the public good, as etymologically dimensioned by the republic in its own credo.

The early Mormons, from the position of the founders of the theoretical model of theodemocracy, considered themselves to have fused the best aspects of all previous systems of government: they rejected and surpassed monarchies because theodemocracy did not rest on the divine right of kings, but on the true direction of God. They also surpasses and rejects traditional aristocracies because leadership is not based on privileges based on wealth or origin. Finally, accepts but also surpasses the liberal republics, because it is not based on natural wisdom and human rights, but on the wisdom, faith and obedience of those who have responded to the call of God and to whom He has entrusted His authority for their work, church and organization. Also, the theodemocratic components of Mormons imply that non-Mormons would be active participants in political life and even play a leading role in government institutions (Mason, 2011: 372). As such, theodemocracy would mean the preservation and realization of the interests of citizens of another religious orientation.

Many modern Western theorists are inclined to equate theocracy with corruption, abuse of power, and violence, and propose liberal secularism as a cure for religious exclusivity and militancy. In contrast, Smith conceived of theodemocracy as the solution to political tyranny, equating God's rule with "Puritan liberty", sincerely believing in the stage of their realization. According to him, theocracy should bring peace, stability and freedom, while the (secular) nation-states still carry blood, confusion and repression. (Mason, 2011: 357). That's why Brigham Young convinced his listeners and supporters that in every sense of the word, theodemocracy is a republican government that differs little from the cur-

rent republics in the United States. The essential difference is the moment that in theodemocracy citizens recognize the will and diction of the Most High. The "kingdom of God" conditions and describes the general right of citizens in relation to their external authority, including the Holy Gospel and the New Testament, through which people can be saved. Instead of competing and colliding, civil law and the Scriptures complement each other and both are an integral part of the "kingdom of God". According to the theodemocrats, democracy (liberal democracy) failed due to the fact that citizens refused to heed God's will, so a common sovereignty between God and the people should be sought (Mason, 2011: 360).

Islamic aspects of key democratic elements: Islamic domain of the rule of law, possibilities for representative government and separation of powers. The idea of the rule of law has gained wide popularity in liberal political thought because of its ability to protect the rights of the individual from the unlimited and arbitrary power of the king and his executives. From a westernist perspective, the rule of law is a concept that limits government. The theoretical postulate of the concept of the rule of law is well summarized by Cant who argues that laws should be universal, i.e. general (not dealing with a particular case), open (not prescribing specific behavior) and certain (their implementation being predictable). Lon Fuller outlines another well-known framework that encompasses the content of the rule of law paradigm. All the components cited by Fuller may be qualified as necessary properties that the laws should contain. Thus he lists several characteristics of laws: a) Generality; b) Public promotion; c) Prospectiveness (not retroactivity); d) Clarity; e) Consistency (ie without contradictions); f) Practicality (ie not seeking the impossible); g) Constancy with time; h) Congruence with the activity of public servants. (Fuller, 1969: 45-50).

Sharia compatibility. Taking into account such predispositions, it means that in this domain we primarily consider the essential domain of the rule of law. In this respect, several

elements are contained in the sharia that, according to Fuller's criteria, would be compatible with the theoretical matrix of the rule of law concept. Jerg Gutmann and Stefan Voigt note several parameters of the correlation of sharia characteristics with Fuller's frame. So, above all, sharia complies with many of Fuller's features. The Shari'ah (or the Qur'an) is publicly announced, and its prominence and revelation are remarkable. In addition, sharia is the clearest in terms of one of Fuller's criteria – its durability over time. For some apologists of Islamic provenance, sharia is very important because the fact that it is perceived as divine law makes it difficult for the government to ignore its compliance or implementation, or the ability to modify it according to its own political options. Consequently, Islamic law connects and applies to all Muslims including rulers. Therefore, its generality is argued in accordance with Fuller's cumulative list of criteria. (Gutmann & Voigt, 2018: 5).

Divergent liberal positions and debates.

From a liberal democratic conception of the rule of law, sharia has certain divergences with this principle. It is thus noted that one key feature of the rule of law is the equal treatment of all individuals (Isonimia). As liberals have observed since the founding of Islam, three social inequalities were not only sanctioned but also “illuminated by the sacred text”. These inequalities included the relation between master and slave, man and woman, and Muslims and non-Muslims (Kafir). Differential treatment between men and women is still a practice in many Muslim countries, where women's rights, including the right to vote, imply different treatment than men. Inequality between Muslims and non-Muslims also has deleterious consequences, so historically non-Muslims have specific legal treatment qualified as Dhimmi (protected), as well as specific clothing identification and exclusion from court testimony. (Gutmann & Voigt, 2018: 5). A few remarks should be made in this regard. First, the master-slave relations, which the Islam categorically seeks to abolish, that is, one duty for Muslims is to “free the slaves” for deliverance

from some sin. (Karic, 2018). Second, inequalities between men and women should be seen in the light of the pre-Islamic position of women and their social status, which is greatly enhanced by the emergence of Islam and Muhammad. Third, through the prism of expediency, the general purpose of Islam, including the protagonists of political Islam, is not equality but justice. Hence many categories of citizens (such as non-Muslims, women, children) have special status in order to implement justice. And finally, from the praxeological discourse, improving the rights and status of women, minorities and social welfare mark the rise of the features of the Islamic political party's platform such as the AKP, El-Wasad, Ennahda, etc.

However, what is of additional importance to the liberal discourse of the rule of law is its dynamism, the possibility of revision and the extension of a set of rights to certain categories of individuals or groups. Due to the divine nature of sharia, according to the liberal discourse, it becomes an obstacle to the realization of the concept of the rule of law. It is because of the divine origin of Sharia that cannot simply be changed. This is a problem as Gutmann and Voigt note about all religions (and from our discourse expressed on political Islam as a subject with religious ideology), but especially on some central provisions of Islam because of the belief that after the revelations of Prophet Muhammad (the Qur'an and his Sunnah, observed through the hadiths) and their interpretations by the first generation of Muslims (the companions and the second generation Muslims), the door to a new interpretation of the Qur'an is closed. This idea is called Ijtihad. (Gutmann & Voigt, 2018: 6). These positions, too, come up with remarks, primarily through the prism of the character of the position of Islamic law, comparing it to other systems and secondly to the political discourse of modern Islamic parties. In this respect, it is true that according to the majority of Islamic political spectrum sharia regulations cannot be changed by human laws. But for example, some historic constitutional documents of the British system like the Magna Carta or the Bill

of Rights have also not been changed to this day. Fatwa (the legal determinations of Islamic experts) play the role of thoughtful interpretation in Islamic law and adapting certain human relations to Shari'ah. Second, the praxisological discourse of the Islamic parties concludes that many of them do not address issues that in the modern age would have a negative connotation with the liberal masses, and certain sanctions such as the Hudud (rigid punishments) would only have a secondary meaning if justice was not implemented. Third, many contemporary Islamic intellectuals re-actualize the issue of *ijtihad* as relevant because of the new socio-political circumstances. And finally, a distinction should be drawn between the *Wasatiyyah* (moderate) and the Salafi (conservative) branch of political Islam. The first one would agree to the implementation of modern liberal postulates in the field of human rights and freedoms, while the second would remain strictly in the Islamic context prescribed by the Prophet and interpreted by the most imposing representatives of the Islamic *ulama*. For example, the Turkish AKP stipulates that standards in the field of human rights and freedoms are an integral part of the international treaties to which Turkey is a signatory, with particular respect for the Universal Declaration of Human Rights and Freedoms, the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms, the Paris Charter and the Helsinki Final Act. (Demiri, 2009: 131).

However, what is crucial to the rule of law in political Islam is the syntagm that the legislature would respect the principle of the rule of law unless it makes decisions contrary to the Qur'an or the Sunnah and the legal teachings of prominent Islamic experts.

On the other hand, representative government and separation of powers are domains for which Islamic political thought has a modest elaboration. This is due to the fact that the caliphates and sultans were known during the rise of Islam, and the liberal discourse emerged at a time when the Islamic world was experiencing a political and economic crisis. The aspects of representative government, that is, a

representative body of citizens and the separation of powers, which were accepted as a general determinant of all models of democracy, are more recent in Islamic political thought. We have to bear in mind the fact that for many of the Islamic leaders in the Middle Ages this concept was completely unknown, hence their ambivalence on the issue. The representativeness of the citizens is leveled by the principle of *Shura* (consultations) in Islamic legal and political discourse, and the separation of powers with certain hadiths of the Prophet concerning the judges, which we will consider in the following.

Allusion to the principle of Shura (consultation). Abdulkadir Mubarak rightly observes that certain Islamic circles proclaim all decisions in Islamic states to be made through consultation, or *shura*. In this respect, the concept of *shura* with representative government is alluded to. For some Islamic activists, the concept of *shura* demands a representative democracy. Through the Qur'anic provisions of the *Shura*, as well as the traditions of the Prophet (peace and blessings be upon him), this implies that Muslims are obliged to consult each other when deciding their issues. Contemporary Islamic thinkers such as Mubarak, transmit ranging from the relatively conservative (Salafist branch according to our qualifications of political Islam) to the liberal (moderate – *Wasatiyyah* Branch) to Shia activists emphasizing the importance of *shura* in the political arena. In this regard, the Shia Islamic political activist who was executed by Saddam Hussein's regime in Iraq, Bakir al-Sadr, stated: "People have a general right to dispose of their powers based on the principle of *Shura*" (Mubarak, 2016: 10).

Many modern, but also traditional Islamic jurists and activists believe that the government should be a form of consultation or *Majlis el-Shura* (Consultative Assembly). Al Mawardi, as a prominent Islamic scholar inspired by many contemporary Islamist activists, says *Majli* (Parliament) members must meet three criteria: they must be fair, they must have sufficient knowledge to distinguish right-

eous and good from bad Caliph (head of the Islamic State) and to be distinguished by the wisdom of selecting the best caliph. In addition, Mawardi points out that in case there is no caliphate or Majlis, the citizens, i.e. the Islamic Ummah (communities, have to create a Majlis (Parliament) with their own representatives, compile a list of candidates for a caliph, and then the Majlis to choose from the submitted list, a caliph of the Islamic State from the submitted list. (Nabhani, 2002: 6). Mubarak's answer to such questions would lead to the answer of the question of what is Shura? It basically involves three assumptions: first, all people in society are equal in civil and political rights; second, public affairs should be decided by a majority; third the principles of justice, equality and human dignity in accordance with the Islamic moral code are best realized through the principle of shura, i.e. consultation. (Mubarak, 2016: 12). It is also notable that non-Muslims may participate in the representative consultative body, but with one exception- they cannot participate in the election of a Caliph, according to the archetypal Islamic construction and cannot perform some functions, but may therefore react to the unlawful and unjust actions committed against them by the government. (Mubarak, 2016: 12).

But not all Islamic activists agree that the principle of shura is a parliamentary representative government. This is especially true for some circles of the Salafist branch or neo-Khawarij. Sayyid Qutb, for example, points out that the Qur'an does not prescribe how a ruler should be elected (through consultation or universal suffrage), nor by whom he should be advised, and whether all people are equally entitled to vote. Qutb dismissed representative liberal democracy as a Western product foreign to the Islamic world. (Mubarak, 2016: 13).

Yet almost all Islamic activists and theorists today agree, at least from the praxisological point of view, that modern living imposes the need for legal regulation on numerous public sector categories such as traffic, irrigation, transport, industry, economy, currencies, im-

ports, exports, public health, education etc. Fa-thi Othman states that all these aspects should be regulated through representative bodies, with due regard for the public interest and the principles and objectives of sharia. It is also noted that the Prophet (peace and blessings be upon him) had foreseen in his lifetime that some aspects would not be regulated by the Qur'an, so he asked the people performing judicial functions (Qadi) to judge according to their own judgment (ijtihad) which is completely natural and guided by the spirit of Sharia and its general principles (Othman, 1994: 97).

Different positions about separation of powers. This point also implicitly reveals the assumption of the separation of powers in Islamic political thought. Islamic political activists from different provinces have a different view on the issue. According to some scholars, in Islam there is no separation of powers because there was a fusion of power (legislative, executive and judicial) during the Prophet's time. But yet another group with a stronger argument argues that such assumptions are invalid because it only applies to the Prophet. Second, there are several Quranic verses and hadiths that suggest to the judiciary (Qadi) that they have been assigned a role to perform that function. For example in the Surah Al Ma'idah (The Table) the Allah warns those entrusted with judging: "... And those who do not judge according to what Allah has revealed, they are unbelievers!" (Kuran na makedonski 5:14). Third, it also cites the vast empirical experience of the Islamic states (Caliphates and Sultanates) in which the institution of judiciary or Qadi was known. Second Rashidun Caliph Omar was the first Islamic leader to start appointing Qadi to eliminate the obligation of personal arbitration in any dispute. After that, the Islamic State adopted the custom where the ruler had to appoint Qadi in order to ensure the administration of justice. And finally, for Muhammad Hamidullah the ruler of the Islamic State (Caliph, i.e. the executive) can never be a judge in his own dispute, except in the case of Prophet Muhammad. If in Western medieval

thought there was a conviction of the “kinglessness of the king”, in Islam this is not the case, so there are cases where personal accusations were made against the Prophet and He did not rule in his favor. (Velic, 2009: 644).

Sharia Democracy as a unique model.

Sharia democracy, i.e. Islamic religious theocracy, is primarily related to the categories of Islamic government and Islamic constitutionalism. Syed Abbas and Muhammad Asim classify the Islamic government as a cumulative or alternative form of the following categories: a) The supreme legislative authority is in accordance with the Islamic Sharia and is entrusted to Islamic scholars (experts) who make laws, i.e. explain Islamic regulations in proportion to social needs and as a guide for judges; b) The head of state is the leader of the executive, assigned for the purpose of enforcing sharia law; c) Political power is given to the citizens, ie the Muslim people (Ummah) who should adopt the form of shura (consultation) as a mandatory form of government; d) Thinkers like Sadek Suleiman believe that this method of shura includes the basic elements of democracy. In this regard, it is argued that the shura as a concept and principle is no different from democracy. Both shura and democracy stem from the central consideration that collective deliberation will lead to a fair and just outcome for the social good of individual preferences (Abbas & Asim, 2015: 392).

Islamic constitutionalism, pluralism and human rights. The constitutive discourse of shariocracy, and some authors refer to it as “Constitutive Islamization” (Dawud Ahmed and Tom Ginsburg), “Islamic constitutionalism” (Intisar Rabb), “Constituent Theocracy” or “Theocracy” (Sayed Abul Mawdudi), “Clauses on Islamic Superiority” (Mohammed Guda), and “Clauses on Distractedness” are intended to prevent laws or legal provisions that would be contrary to Islam (Falaah, 2016: 66).

These constitutionalizations of Islamic law, ie sharia, vary to the extent that Islamic law is included with other sources and norms in the constitutions of countries. Emphasizing this constellation, Intisar Rabb makes a classification of sharia democracy in a constituent

framework in the following categories: a) Dominant constitutionalization – in this type of constitutionalization, the constitution declares Islamic law as the supreme law in the country; b) Delegated constitutionalization - in this model the constitution includes Islamic law as a source of law, but still the statement, clarification and elaboration are delegated to Islamic experts; c) Coordinated constitutionalization – the constitution includes Islamic law (sharia), as well as democracy and liberal norms (political aspect such as human rights and freedoms) on the same level (Rabb, 2008: 531).

The domain of voting and political pluralism in sharia democracy, i.e. Islamic theocracy is the next postulate on which the political and philosophical basis rests. Some thinkers would find it difficult to agree that the fiqh dimension of sharia may be subject to a vote (i.e. approval or disapproval) by a legislature. Yet many of them support political opposition, pluralism, competitiveness and voting as an act on some aspects. For example, one of the most prominent scholars Yusuf al-Qardawi will note:

“There are really things that are not subject to voting, because they are the basis of Islam and that are not subject to change, as long as the society is Muslim. Voting can be allowed for matters that are subject to dissent and different interpretation (ijtihad), because they contain more than one opinion and people usually differ, such as the choice of candidates, etc.” (Alibasic, 1999: 90).

Finally, the last dilemma that arises from the aspect of democratic conditionality and fulfillment in this section concerns the issue of human rights and freedoms. For Ali Yakub, Islam and democracy have commonalities in justice, freedom of expression, justice and fair trial, which are among the foundations of civil and political rights (Yakub, 2005: 270). Ali Saddiqui in this context adds human dignity and divine (natural) justice (Saddiqui, 1997: 41). In general, both the Wasatiyyah (moderate) branch of political Islam and the Salafists (conservatives) hold similar positions regarding the treatment of human rights in Sharia. It is important to note two documents that give

additional impetus in this direction. First, the Universal Islamic Declaration of Human Rights of 1981 at the UNESCO meeting in Paris. Second, the Cairo Declaration of Human Rights, adopted at the 19th meeting of the Organization of Islamic Cooperation (OIC) in 1990. (Gjorshoski, 2018: 82-83).

Obstacles and remarks. As an exposed topic in the field of modern political science, Sharia democracy finds on several remarks by the apologists of the liberal discourse, ie liberal democracy and the socialist and leftist secularist circles. But it should also be noted that the model of sharia democracy on empirical experience has not shown solid results when it comes to the Islamic Republic of Iran in several areas such as the protection of human rights and freedoms (from an Islamic perspective), the protection of minorities (Sunni minority), as well as the competitive nature of the political system, due to the excessive rejection of candidacies for head of state in the last and penultimate elections.

The theoretical paradigm of observations moves through several points that have serious solidity in terms of the modern understanding of democracy. The question of the democratic participation of the citizens in the system is primarily raised, i.e. the manner of electing representatives of the citizens in government. Islamic political narrative and subjects are often vague on this issue. What is quite certain are the competencies of the representatives in the scope of their work, ie the limit of the nature of the legal solutions that would be adopted. The electoral model, the social representation, the minority guaranteed seats in the parliament remain issues that need to be further answered. Also the issue of local self-government for categories that are of immediate importance to the citizens in the Islamic order should also be resolved in the next period. Would the model of representation be applied here as well, what would be the democratic participation on a direct level, etc. Abbas and Asim rightly note that the concept of consultation (shura) in the Qur'anic text is silent about its form. Hence, perhaps the Islamic political system should focus on determining the constitutive approach

of the shura, which would define its status, certainly under Islamic frameworks and not confronting the Islamic religion (Abbas & Asim, 2015: 394).

The second aspect that the critics refer to is the decisive influence of the religious authorities, ie the prominent lawyers in the field of Sharia law. What will be their control mechanism, ie expressed in Plato's vocabulary: "who will guard the guards"? What is the approach to checks and balances, even through the prism of Islam is still unknown and a field of further elaboration for Islamic theodemocracy. Consequently, another significant obstacle and empirical remark that casts doubt on the democratic model of sharia democracy is the absence of well-functioning political parties, as well as the absence of free, energetic and independent media with a strong commitment to professional ethics. There is also a lack of an independent and animated civil society capable of following government policies and providing alternative forms of participation (Abbas & Asim, 2015: 395).

The issue of political participation of actors who are opposed to Islamic values, i.e. are categorically against Islamic sharia democracy, is also a matter of disagreement. Indeed, a certain wing in political Islam supports their participation and right to affirmation in the theodemocratic system, but certain circles are categorically against it, especially from the Salafist branch. The Islamic protagonist Huwaydi, for example, points out that for those who oppose the Islamic religion and creed, there is no place in the Islamic political system, so stopping their work and action is not only a political, but also a religious duty (Alibasic, 1999: 90). The absence of other ideological capacities in the system, even secular, communist, liberal, as Alibasic points out, resembles rigid constitutionalism. As a shaped opposition, these elements are certainly problematic, even given the fact that sharia democracy would be established because of the affirmative majority and consensus of Islamic community (Ummah). Yet no system can legally predict the forces aimed at its destruction. Such a consensus would be the only legitimacy and

would not be subject to further revision once it has been established (Alibasic, 1999: 90).

The dilemma faced by modeled sharia democracy is not based on its viability or functionality as a political system. As such it can survive and degenerate into an authoritarian or theocratic regime in the classical sense of the political definition. The question or dilemma is aimed at its democratic structure and capacity to adapt to the needs and challenges of modern Muslim countries. Certainly theoretically based, such a model does not appear in pure form except in the Islamic Republic of Iran, with serious remarks that we have seen before. But since Islamic political thought is seriously considering developing and further constructing such a model, then some indicators must be pointed out in the further development of this issue, which would strengthen democratic capacities and maintain its Islamic character.

Bejtula Demiri, commenting on the only sharia-theocratic democracy of the Islamic Republic of Iran, said that the new and young generations will be the ones who will make effective changes in the Iranian system. Democracy will gain momentum because Iranians do not want conflicts. According to Demiri, the current political system is not an autocracy, but over time, civil discontent would grow, and the results of the election process would be in favor of the reformists. Such reforms of the modeled sharia would be evolutionary and internal, as they represent a moderation of Islamic state institutions that would occur without external intervention. As such, they would be in line with the political will and determination of the citizens. It should be clearly underlined that the reformists will not attack Velayat-e-Faqih (the official name of the Shariocracy, ie the government of Islamic experts in Iran), but will only liberalize it and adapt it to the new political conditions in the world (Demiri, 2009: 278).

Opportunities for development. Arguing and replying to criticisms of Islamic sharia in terms of rigid punishments (hudud), personal status and status of women, the need to establish an Islamic state, and other aspects, Paul Robinson proposes an accommodation technique to reduce tensions between Sharia and

international and human rights standards. These proposals are being seriously considered and can serve as an indicator for the further development of this model of democracy. Political Islam from the Wasatiyyah branch incorporates them in its axiological opus, while Salafis and conservative Shiites can adapt to them through a praxiological dimension. In this regard, he proposes finding common ground, .ie: giving a symbolic dimension to Sharia punishments, limiting the scope and reducing Sharia punishments, replacing Sharia practice with evidentiary presumption, preserving the symbolic value, retaining the violations, but without retaining the effect and symbolic dimension of sharia offenses but without prosecution. (Robinson, 2007: 17-25). A similar view of little punishment and amnesty was given by the Prophet Muhammad.

Finally, perhaps the best indication of the direction in which the sharia model of democracy should move, having in mind Islamization of constitutions in Muslim countries, is given by Dawood Ahmed and Tom Ginsburg. They argue that such a process of constitutive Islamization (i.e. religious theodemocracy) should not take place by imposing theocracy, but by carefully negotiated treaty provisions, which will allow constitutions to be consistent with democracy and not treat Islamic doctrine and democracy as unstoppable source of tension. At the same time, they emphasize that any case of Islamization (incorporation of Islamic principles or value articulations) should be accompanied by the expansion of rights contained in the constitutional design and order (Ahmed & Ginsburg, 2014: 81).

Appreciating such a suggestion, it should be emphasized that Shamsul Falaah is right when he claims that the harmonization approach is not possible only by simply redefining Sharia texts. Moreover, deterrence clauses (which prevent anti-Islamic categories) if they can not be removed, should at least be revised in interpretation and given a plural dimension, and sharia as a living matter can certainly be adapted in some concepts where which itself leaves room for ijihad, such as the principles

of *siyasa sharia* (legitimate government policy), *darurah* (necessity) and *maslaha* (public good) (Falaah, 2016: 75).

Conclusion. In the direction of the criteria and goals of our paper that we set in the introductory part, which are related to the unique religious theocratic model specific to Islamic climates, called *sharia democracy*, we can draw some relevant conclusions. *First*, religious theodemocracy occupies a significant place in contemporary Islamic political research. Although theodemocracy itself owes its origins to Mormon Christian teaching, it is still being studied and its attempts to implement it in regions with a strong religious influence, such as Islam, are evident.

Second, religious theodemocracy in Islamic regions is being converted to *sharia democracy*. It is a new system of political engineering that involves the interconnection of some democratic moments and the *sharia* framework. Although the modalities may vary in intensity and degree of compliance, it is important to emphasize the attempt of many Islamic-oriented circles to implement such a form which has yet to show its results, having in mind the unstable political and security situation in the regions with a predominantly Muslim population.

Third, the political-philosophical basis of this Islamic model of democracy seems to have the model of the Islamic Republic of Iran as its empirical inspiration. Hence, several essential features are important for this desired democratic model in a theoretically ideal sense, namely: the constitutionalization of Islamic texts, the Islamic domain of government and the participation of the Islamic population in it, the limited domain of Islamic pluralism, and the Islamic dimension of human rights and freedoms.

Finally, *sharia democracy* is still a field for future thinking. True (ideological) pluralism, multiparty elections, the realm of rigid punishments (*hudud*), control, checks and balances of power, the stretch of *sharia* in relation to contemporary issues and challenges are moments that the scientific and political spheres

have yet to elaborate and profile. The specificity of the political ambience and the political culture of the Muslim population in different parts of the world should also be taken into account in such conceptions.

References

- Abbas, S. R., Asim, M. (2015), "What is Theocratic Democracy: a Case Study of Iranian Political System", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8 (3).
- Ahmed, D. and Ginsburg, T. (2014), "Constitutional Islamization and Human Rights: The Surprising Origin and Spread of Islamic Supremacy in Constitutions", *Virginia Journal of International Law. Public Law Working Paper*, (477).
- Alibasic, A. (1999), "Political Opposition in Contemporary Islamic Political Thought in Arab World", Thesis submitted to the *International Institute of Islamic Thought and Civilization (ISTAC)*.
- Demiri, B. (2009), *Islam i politika: Politickoto iskustvo na muslimanite*, Logos-A, Skopje, North Macedonia.
- Falaah, Sh. (2016), "Theocratic Constitutionalism: A Discourse on the Political System, Democracy, Judiciary and Human Rights under Islamic Theocratic Constitutionalism", *Waikato Islamic Studies Review*, 2 (2).
- Fuller, L. (1969), *The Morality of Law*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Gjorshoski, N. (2018), "The Narrative of Political Islam: Constitutionalism and Human Rights", *Journal of Liberty and International Affairs*, 4 (1).
- Gutmann, J., Voigt, S. (2018), "The Rule of Law and Islam", *Institute of Law and Economics: Working Paper Series*, 5 (13), Hamburg, Germany.
- Hill, M. (1989), *Quest for Refuge: The Fight for American Pluralism*, Signature Books, Salt Lake City, Australia.
- Hirschl, R. (2008), "The Theocratic Challenge to Constitution Drafting in Post-conflict States", *William & Mary Law Review*, 49 (4).
- Karić, E. (2018), "Slovo o ropstvu", in *Centar zadijalogvesatija*, Sarajevo, available at: <https://www.cdv.ba/pogledi/slovo-o-ropstvu/> (Accessed 2 April 2021)
- Mason, P. Q. (2011), "God and the People: Theodemocracy in Nineteenth-Century Mormonism", *Journal of Church and State*, 53 (3).

Mubarak, A. (2016), "Democracy from Islamic Law Perspective", *Centar za religijske nauke Kom*, 5 (3).

Nabhani, T. (2002), *The System of Isla*, Al-Khilafa Publications, London, UK.

Othman, F. (1994), "Modern Democracy and the Concept of Shura", in *Islam and Tolerance*, Institute of Islamic Understanding Malaysia – IKIM, Kuala Lumpur, Malaysia.

Rabb, I. (2008), "We the Jurists: Islamic Constitutionalism in Iraq", *Journal of Constitutional Law*, University of Pennsylvania, 10 (3).

Robinson, P. H. (2007), "Codifying Shari'a: International Norms, Legality & the Freedom to Invent New Forms", *Journal of Comparative Law*, 5 (2).

Saddiqui, L. A. (1997), "The Conception of Justice: Western and Islamic", in Gerald E. Lampe (ed.) *Justice and Human Rights in Islamic Law*, International Law Institute, Washington, USA.

Yakub, A. (2005), "The Islamic Roots of Democracy", *International Comparative and Law Review*, University of Miami, 3 (12).

Velic, A. (2009), "Islam i demokratija", in Mehmedalija Hadzic (ed.) *Glasnik Risalijeta Islamske zajednice BiH*, br. 7-8, Oktobar, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina.

Received 12 April 2021. Revised 12 August 2021. Accepted 04 September 2021.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2021 г. Поступила после доработки 12 августа 2021 г. Принята к печати 04 сентября 2021 г.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Nikola Gjorshoski, PhD, Independent Researcher, Ohrid, North Macedonia.

Никола Горшевски, доктор философии, независимый исследователь, Охрид, Северная Македония.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-13

Original article

Ivan Blazhevski
Ruzhica Cacanovska
Gjoko Gjorgjeski

The position of religious communities during the coronavirus pandemic and the reflection on the public opinion in Macedonia

Institute for Sociological, Political and Juridical Research,
Ss. Cyril and Methodius University
1000, Skopje Partizanski odredi bb, Skopje, The Republic of Macedonia
ivan.blazevski@isppi.ukim.edu.mk

Institute for Sociological, Political and Juridical Research,
Ss. Cyril and Methodius University
1000, Skopje Partizanski odredi bb, Skopje, The Republic of Macedonia
ruzica-c@hotmail.com, ruzica.cacanovska@gmail.com

Orthodox Faculty of Theology St. Clement of Ohrid,
Ss. Cyril and Methodius University
1000, Skopje Partizanski odredi bb, Skopje, The Republic of Macedonia
gjjoko@gmail.com

Abstract. The COVID-19 pandemic affected religion and faith in different ways. The interaction between religious traditions, religious freedom and responsibilities in public health is complex, intertwining the cultural and legal dimensions of social reality. Introduction of numerous restrictive measures for prevention and protection against the spread of coronavirus, in many cases, were contrary to the religious practices of religious communities. The views of the religious communities regarding these measures at the beginning of the pandemic were also reflected in the views of the believers, whose behavior had a kind of response in public opinion. The purpose of this paper is to outline and compare the position of religious communities in Macedonian society at the beginning of the pandemic and their views in late 2020 and early 2021. It also provides an overview and comparison of the public reactions which arose from the position of religious communities regarding restrictive measures and the practice of religious services. To meet the objectives, this paper is divided into two parts, where the first part presents the activities and initiatives of religious communities, while the second part shows the reflections from the activities of religious communities on public opinion. In doing so, both views are based on a qualitative analysis, which in the first part analyzes the reports from religious communities, as well as other public sources, while the second part is a thematic analysis of Twitter Platform. The comparison between the position of the religious communities at the beginning of the pandemic and during the holidays at the end of the year indicates that their position is unchanged, and they clearly support the measures for prevention and protection from the coronavirus. However, the public interest in religious practices has drastically decreased at the end of the year compared to the beginning of the pandemic, although the

impatience towards the clergy and believers who attend religious services is identical in both compared periods.

Keywords: religious communities; COVID 19; restrictive measures; public opinion; Twitter

Information for citation: Blazhevski, I., Cacanovska, R. and Gjorgjeski, G. (2021), "The position of religious communities during the coronavirus pandemic and the reflection on the public opinion in Macedonia", *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 152-163, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-13.

Оригинальная статья

Блажевский И.
Цацановска Р.
Джорджевски Дж.

Позиция религиозных общин во время пандемии
коронавируса и отражение на общественном мнении
в Македонии

Институт социологических, политических и правовых исследований,
Университет Святых Кирилла и Мефодия
1000, Республика Македония, Скопье, ул. Партизанских отрядов, ББ
ivan.blazevski@isppi.ukim.edu.mk

Институт социологических, политических и правовых исследований,
Университет Святых Кирилла и Мефодия
1000, Республика Македония, Скопье, ул. Партизанских отрядов, ББ
ruzica-c@hotmail.com, ruzica.cacanovska@gmail.com

Православный богословский факультет имени св. Климента Охридского,
Университет Святых Кирилла и Мефодия
1000, Республика Македония, Скопье, ул. Партизанских отрядов, ББ
gjjgoko@gmail.com

Аннотация. Пандемия COVID-19 по-разному повлияла на религию и веру. Взаимодействие между религиозными традициями, религиозной свободой и ответственностью в сфере общественного здравоохранения является сложным, переплетая культурные и правовые аспекты социальной реальности. Введение многочисленных ограничительных мер по профилактике и защите от распространения коронавируса во многих случаях противоречило религиозной практике религиозных общин. Взгляды религиозных общин на эти меры в начале пандемии нашли отражение и во взглядах верующих, поведение которых имело своеобразный отклик в общественном мнении. Цель данной статьи – обрисовать и сравнить положение религиозных общин в македонском обществе в начале пандемии и их взгляды в конце 2020 и начале 2021 года. В ней также представлен обзор и сравнение реакций общества, которые возникли в связи с позицией религиозных общин в отношении ограничительных мер и проведения религиозных служб. Для достижения поставленных целей данная работа разделена на две части, где в первой части представлены мероприятия и инициативы религиозных общин, а во второй – отражение деятельности религиозных общин на общественном мнении. При этом оба взгляда основаны на качественном анализе, в первой части которого анализируются сообщения религиозных общин, а также другие публичные источники, а во второй – тематический анализ соц. сети

Twitter. Сравнение позиции религиозных общин в начале пандемии и во время праздников в конце года показывает, что их позиция неизменна, и они однозначно поддерживают меры по профилактике и защите от коронавируса. Однако интерес населения к религиозным практикам резко снизился в конце года по сравнению с началом пандемии, хотя нетерпимость к священнослужителям и верующим, посещающим религиозные службы, одинакова в оба сравниваемых периода.

Ключевые слова: религиозные общины; COVID 19; ограничительные меры; общественное мнение; Twitter.

Информация для цитирования: Блажевский И., Цацановска Р., Джорджевски Д. Позиция религиозных общин во время пандемии коронавируса и отражение на общественном мнении в Македонии // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 152-163. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-13.

Introduction. Pandemic COVID-19 began in Wuhan, China, at the end of December 2019 and quickly spread across all countries in the world, after which on January 30, 2020, the World Health Organization declared “the novel coronavirus (2019-nCoV) outbreak a public health emergency of international concern”¹. This rapid spread of COVID-19 has transformed the social order of mankind, including the lives of individuals who lead a religious life. Since the spread of the COVID-19 virus and disease, churches and religious authorities worldwide at all levels have faced a large-scale emergency situation which is new to most of societies today. They are playing a very important role to respond to the immediate threat to health posed by the pandemic, which is, an epochal shock, one that happens once every generation. There are chapters in history, both personal and collective, in which everyday life enters a sort of suspension, while the horizon narrows until we doubt that there is no longer a future. Johnny Dotti, sociologist and pedagogue, in an interview said: “The traumas to be transformed into change, into new things, first of all need to be named and accepted. And then they need to be interpreted”². This is the reason that so many articles, reflections and editorials have been written in this time of coronavirus, we are living through.

The COVID-19 pandemic impacted religion in various ways. Growing number of infections have prompted national governments around the world to implement numerous restrictions. The restrictions applied in particular to all those spheres of human life where people gathered in substantial numbers. This led to cancellation of the worship services of various faiths, as well as the cancellation of pilgrimages, ceremonies and festivals, followed by warnings from religious authorities that gatherings must comply with public health measures taken to mitigate the spread of the disease. The reaction of the religious communities to these measures had a reflection on the behavior of the believers, but also on the opinion and attitudes of the general public.

Macedonia confirmed the first case of the coronavirus infection on February 26, 2020, diagnosed in a woman who returned home from Italy. In the coming days the number of infected begins to grow slightly, but from from March 6 number of infected people begins to double. Given the new situation, on March 10, 2020 the government of North Macedonia, based on the suggestion of the Ministry of Health's Infectious Diseases Committee, made a decision to interrupt the educational process in schools and universities, to close restaurants and coffee bars, and to prohibit all

¹ Available at: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-emergencies/international-health-regulations/news/news/2020/2/2019-ncov-outbreak-is-an-emergency-of-international-concern> (Accessed 05 March 2021).

² Interview with Johnny Dotti, “Ripartire dal silenzio”, L'Osservatore Romano, available at: <https://www.osservatore-romano.va/it/news/2020-04/ripartire-dal-silenzio.html> (Accessed 16 April 2020).

events and gatherings³. One week later, on March 18, 2020 the President of North Macedonia declared a state of emergency throughout the country⁴.

Methodology and methods. *Activities and initiatives of religious communities after the outbreak of the coronavirus pandemic.* In our previous study of religious aspect of macedonian society after the outbreak of the COVID-19 pandemic (Gjorgjevski, Blazhevski, 2021), reactions of the religious communities regarding the new situation were listed. In the conclusion, it was pointed out that in their activities, the larger religious communities in conditions of crisis caused by COVID 19 mainly adhere to the state decisions for dealing with the crisis. Based on the review, it could be seen that an additional joint statement of all religious communities was missing, but additionally the common position of the religious communities was expressed during the meeting with the Prime Minister at the beginning of the crisis. Also, the support of the religious communities was expressed through the intensified humanitarian activities, at local, diocesan level or through their humanitarian organizations. In terms of supporting the adopted restrictive measures for mass gatherings (public and private), given that the crisis arose in time just before and during the great Christian and Islamic holidays, religious communities organized most of the festive services to be held only by the clergy, while the usual public holiday gatherings were hindered, as well as family and private holiday visits and gatherings. In addition, it was pointed out that the religious element was heavily exploited in the media and the public, highlighting manifestations of anti-religious intolerance stemming from non-religious circles. This tendency was transmitted on

social media, to which religious communities reacted with short statements, or there was no reaction at all. But these reactions, as well as the amended and corrected statements by religious communities, were not sufficiently represented in the media.

Activities and initiatives of religious communities during the holidays at the end of the year. In the last two months of 2020, when Orthodox Christians celebrate church holidays as domestic holidays and name days, resulting in larger domestic gatherings, the Holy Synod of the Macedonian Orthodox Church – Archbishopric of Ohrid (MOC-AO) appealed for compliance with the safety measures for public gatherings, and for domestic celebrations to be celebrated according to the recommendations. It was also pointed out that the parish clergy will have to adhere to the recommended health measures when performing church needs and acts in temples or when visiting homes⁵. This announcement by the Synod was followed by announcements from some dioceses, whereby the announcement of the Diocese of Povardarie from November 1, 2020, for organizing a procession in the church “Ss Cyril and Methodius” in Veles, emphasizes that: “The pandemic of the COVID-19 virus is gaining momentum and a growing number of our Macedonian brothers and sisters are already carriers of this virus, and many have failed to fight it. The recommendations in this evil time we know well and we must all abide by them”⁶. Also, the announcement of the Diocese of Debar and Kičevo from 07.12.2020, on the occasion of the feast of St. Clement of Ohrid, highlights the observance of measures for the prevention and spread of coronavirus⁷. In the period before the New Year and Christ-

³ available at: https://vlada.mk/covid19_en?ln=en-gb (Accessed 10 March 2021).

⁴ “Вонредно обраќање на Претседателот на Република Северна Македонија, Стево Пендаровски”, available at: <https://pretsedatel.mk/vonredno-obracaenje-na-pretsedatелот-n/> (Accessed 05 March 2021).

⁵ available at: <http://www.mpc.org.mk/vest.asp?id=7340> (Accessed 05 March 2021).

⁶ available at: http://www.povardarska-eparhija.org.mk/pe/index.php?option=com_content&task=view&id=2544&Itemid=32 (Accessed 10 March 2021).

⁷ “As a physical-spiritual beings, we are obliged to take care of our health, of course, and the physical and the spiritual. Therefore, once again we appeal for respect of the measures from the Government, because the Church is part of this country and takes care of the health, physically and spiritually, of all believers and all people. Hence, we believe that with our attention and care for ourselves, but above all, with the care of our neighbors, we can contribute to a large extent to

mas celebrations, additional notifications followed, and in the appeal of Metropolitan Timothy of Debar, Kičevo, and Plaošnik, from 23.12.2020, addressed to the clergy and the faithful, is perceptible difference in the tone with which reference is made to the observance of the measures for protection and prevention of the coronavirus: “It is noted that a large percentage of people who visit temples and monasteries do not adhere to the recommendations of the competent health institutions in the country. Unfortunately, some priests sometimes contribute to this, ignoring the fact that the virus actually exists and endangers the health and lives of people who are infected with this disease. Therefore we do not ask, but command and order to abide with the recommendations of authoritative medical institutions. Every priest is obliged to warn the believers in the church to wear masks and to adhere to the distance between those present”⁸. The very next day, an announcement from the Synod of the MOC – OA followed, in which it was recommended it was recommended to observe the epidemiological health measures during the celebration of the upcoming holidays, while the Christmas and Epiphany holidays should be celebrated without any violation of the legal norms for public gatherings, set by the Government.⁹ Shortly before New Year’s Eve, on December 29, 2020 in the “Members of Parliament Club” in Skopje a working meeting

was held with the heads of the churches and religious communities mentioned in the Constitution, which was attended by the Archbishop Stephen of Ohrid and Macedonia, Director of the Commission for Relations with Religious Communities and Religious Groups (CRRCG) Mr. Darijan Sotirovski, Reisu Ulema of the IRC Shaqir ef. Fetaj, the Bishop of Skopje and Strumica-Skopje Eparchy Monsignor Kiro Stojanov and the superintendent of Evangelical Methodist Church Mr. Marjan Dimov, while the President of Jewish Community in the Republic of Macedonia, Mrs. Berta Romano Nikolic, was absent due to objective reasons. The meeting emphasized adherence to prescribed measures, as well as the commitment to responsible celebration¹⁰.

Research Results and Discussion. *Reflections on public opinion – impact on social media.* Social media usage is one of the most popular online activities. It is estimated that in 2020, more than 3.6 billion people were using social media worldwide, a number projected to increase to almost 4.41 billion in 2025¹¹. Consequently, social media plays a central role for sharing content and public opinion among the general public. It is a tool that can immediately and effectively embrace the public’s dialogue. In particular, due to its accessibility through smart phones, social media offers the facility of quick data sharing and getting most recent updates about an event. Given the seriousness of

get rid of the temptation that attacks the human race as soon as possible. Therefore, due to the coronavirus condition, we inform the believers who want to come to the monastery and pray to the great saint, that they will have to adhere to government measures for the prevention and spread of the virus, which means wearing protective equipment (mask, scarf, shawl, etc.), as well as holding the specified distance”, available at: <http://www.dke.org.mk/index.php/3319-2020-12-07-11-35-37> (Accessed 10 March 2021).

⁸ available at: <http://www.dke.org.mk/index.php/3325-2020-12-23-07-42-42> (Accessed 10 March 2021).

⁹ “It implies that the believers in the temples should wear masks, maintain a decent distance from each other, and the Epiphany consecration of the waters in 2021 should take place in the courtyards of the temples. By adhering to these measures, as a Church we will contribute to the preservation of the general health of our people, in these difficult times when the whole world is facing the challenge of fighting the dangerous virus”, available at: <http://www.mpc.org.mk/vest.asp?id=7364> (Accessed 10 March 2021).

¹⁰ “Given the upcoming period, religious leaders unanimously appeal to citizens to adhere to all prescribed measures for coronavirus protection prescribed by health authorities, not to lose patience, because in the wake of immunization, responsibility for the control of virus in each of us is the highest. To celebrate responsibly, to be in the family circle and to avoid gatherings, except when necessary, but with consistent adherence to the obligation to maintain a distance and wear a protective mask”, available at: <http://mpc-spe.mk/vesti-i-nastani/soopshstenija/sredba-so-liderite-na-verskite-zaednicidekemvri-2020/> (Accessed 10 March 2021).

¹¹ “Number of social network users worldwide from 2017 to 2025”, Statista [website], available at: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/> (Accessed 10 March 2021).

the threat, health epidemics typically generate burst of attention on social media. Also, they are an important source of real-time information exchange, and their influence on public opinion often outweighs that of the conventional media¹².

Twitter is a free microblogging social media website launched in 2006, with average 192 million monetizable daily active users worldwide¹³. It enables users to communicate in statements, tweets, of up to 140 characters in length, while users are identified by unique user names and can choose whether to reveal their real name and geographical location through the website's preference settings. Privacy settings for accounts are determined by individual users and range from open access accounts that can be identified through general internet searches to closed accounts, which outputs are only visible to users registered as followers. Bruns and Moe (Bruns, Moe, 2014) point out that communication on Twitter is linked to the specific technological affordances of Twitter as a platform, and exists simultaneously on three levels: micro, meso and macro layers of information exchange and user interaction. In micro layer, communication is directed to a specific individual or institution; meso layer refers to follower – followee¹⁴ networks as part of a group conversation; while the macro level covers the vast majority of everyday communicative activity on Twitter, but is complemented by particular forms and formats of tweeting that use specific syntax to indicate an intention to extend or narrow the range of addressees¹⁵. The specified layers do not exist in isolation from one another. Communication usually takes place across several levels at once, with addition of a hashtag or

subtraction of an @username, user can easily shift the level of conversation. According to Bruns and Moe: “it is this flexibility of Twitter as a platform for public communication at various levels of ‘public-ness’, this versatility of transition between the three major layers of public communication, which serves as the fundament for Twitter’s considerable success as a social media service... The triple-layer model – which, it should be noted, evolved through a co-evolutionary process between the platform developers and their users, who introduced the @reply and hashtag conventions – also constitutes a clear point of distinction from the other global social network, Facebook”. Also other authors, such as Stephen Dann point out that the advantage of Twitter over Facebook is the default public nature of Twitter, versus the default private nature of Facebook. This perception arises from the fact that Twitter accounts default to posting content to the public timeline, and can be viewed from a public website which creates a source of secondary published data (Dann, 2015). Because of these features, twitter audience is highly influential across various topics of social life. Despite the relatively small number of users, compared to Facebook, twitter audience in Macedonia has a constant activity and is a kind of avant-garde in commenting on all major socio-political developments. Their comments and criticisms, although created on Twitter, very quickly reach all other social networks, and even the media themselves¹⁶.

One the first depictions of the potential role of social media in public health emergencies was stated in Chew and Eysenbach’s (Chew, Eysenbach, 2010) study of tweets during the 2009 H1N1 Outbreak, since H1N1 was

¹² “Twitter may represent a powerful public health tool for world leaders to rapidly and directly communicate information on COVID-19 to citizens, in addition to more conventional media such as television, radio and newspapers” (Rufai, Bunce, 2020).

¹³ Twitter Quarterly Results: 2020 Fourth Quarter, available at: <https://investor.twitterinc.com/financial-information/quarterly-results/default.aspx> (Accessed 05 March 2021).

¹⁴ To “follow” a Twitter user – to subscribe to the stream of updates originating from that user, and it is not necessarily reciprocal activity.

¹⁵ “Hashtag” – simple key-word preceded by the hash symbol “#” is usually used to mark a tweet as being relevant to a specific topic and make it more easily discoverable to other users.

¹⁶ Time.mk, the website of the most visited news aggregator in Macedonia, which includes articles from more than 100 news sources, also publishes the top tweets from the last 2 and 6 hours.

the first global pandemic that occurred in the age of Web 2.0. In their study, they used manual classifications and preliminary automated analyses of H1N1 pandemic-related tweets on Twitter. In later research of public health issues related to health epidemics, many other authors also used twitter-based research of public opinion.

Ethical considerations. The biggest challenge in conducting research in the internet community is the issue of informed consent, that is the risk of violating ethical principles of privacy and confidentiality. As a starting point in such an ethical dilemma, Essaybach and Till suggest that it should be the determination of the material, posted by the internet community, as public or private (Eysenbach, Till, 2001). In addition, Bryman (Bryman, 2012) points out that the more the website is recognized as public, the less the researcher's obligation to protect the confidentiality and anonymity of the website users, or the less the respondents's obligation to seek informed consent. But very often, the difference between the public and private sphere of the Internet is vague and disputable. Also, complete protection of anonymity is almost impossible in internet surveys, which arises from the difficulty of knowing who has access to the information. This, according to Bryman, places special ethical concerns on quality researchers, because a message posted on the social networking websites may be available for anyone with a computer and internet connection.

According to the Association of Internet Researchers (Franzke et al.), the increasing reliance on internet platforms and applications for research data collection will lead researchers to increasingly confront the terms of use that dictate the conditions under which such research activities can take place. Twitter data, in comparison with other social media platforms, are more openly accessible, that's why when creating an account on Twitter, each user is introduced to the terms and conditions of

www.twitter.com. Additionally, users are pointed out the Twitter's Terms of Service and Privacy Policy, according to which users are consent for their information to be collected and used by third parties¹⁷. Hence, many researchers believe that the justification, regarding the ethical and legal implications of using the data without informed consent, stems from the Twitter's Terms of Service, which state that special permissions are granted to academic researchers who share Tweet IDs and User IDs for non-commercial research purposes. However, some additional conditions are listed on Twitter, and when distributing tweets, user IDs must also be provided. Also, Twitter's terms of service require that if a content is deleted, or it gains protected status, or is otherwise suspended, modified or removed from Twitter, the third-party developers should delete or modify that Twitter Content as soon as possible¹⁸.

In order to minimize ethical risks, the collection and processing of data for this paper were conducted according to the "Internet Research: Ethical Guidelines 3.0" published by the Association of Internet Researchers (Franzke et al.). In order to protect the anonymity and privacy of the users whose tweets were used in the analysis, all user demographics and metadata were excluded.

Methodology. In the aforementioned study (Gjorgjevski, Blazhevski, 2021), the survey of public opinion reflections was based on a thematic analysis of conversations that occurred on the Twitter platform in the period between 26 February 2020 and 31 May 2020. Starting date coincides with the first confirmed case of COVID-19 infection in Macedonia, while the choice of the final date for analysis coincides with the end of the holiday of Orthodox Easter (April 19, 2020), as well as the Islamic holiday of Ramadan Bayram (May 24, 2020). Also, in this paper is applied a qualitative study with thematic analysis of individual tweets between October 25, 2020 and January

¹⁷ Twitter terms of service [website], available at: <https://twitter.com/en/tos>, (Accessed 27 February 2021).

¹⁸ Twitter + Developers [website], available at: <https://developer.twitter.com/en/developer-terms/policy> (Accessed 27 February 2021).

20, 2021. Hence, the research design in this paper is cross-sectional (Bryman, 2012), because the collection of empiric evidence is performed in precisely determined time interval. The collected empiric evidence makes the creation of “relevant notion in depth” of the perception and explanation of the changes by the researched population possible (Newman, 2014). In addition, in this study we should also take into account the comparative dimension, which is incorporated in the analysis of the collected empirical data, while identical methods were used for their collection. The comparison refers to the data after the outbreak of the pandemic, with the data that emerge from the holidays at the end of the year.

According to Braun and Clarke (Braun, Clarke, 2006), thematic analysis is “a method for identifying, analyzing and reporting patterns (themes) within data ... it also often goes further than organizing and describing the data set in (rich) details and it interprets various aspects of the research topic” (Boyatzis, 1998). They also note that: “Thematic analysis involves a number of choices which are often not made explicit, but which need explicitly to be considered and discussed. In practice, these questions should be considered before analysis of the data begins...”. For the purpose of this study, we would refer to the clarification from Braun and Clark that: “a theme captures something important about the data in relation to the research question, and represents some level of patterned response or meaning within the data set”. In addition, themes can be identified in one of two primary ways in thematic analysis: in an inductive or “bottom up” way, or in a theoretical or deductive or “top down” way. An inductive approach refers to approaches that primarily use detailed readings of raw data to derive concepts, themes, or a model through interpretations made from the raw data by an evaluator or researcher. This, according to Thomas (Thomas, 2006), is consistent with Strauss and Corbin’s description: “The re-

searcher begins with an area of study and allows the theory to emerge from the data” (Strauss, Corbin, 1998). While, the deductive refers to data analyses that set out to test whether data are consistent with prior assumptions, theories, or hypotheses identified or constructed by an investigator (Thomas, 2006).

For the purpose of this study, only Macedonian language tweets were collected. In doing so, the advanced Twitter search function was used to filter (a set of predefined search terms) all tweets that contained the words “МПЦ”, “ИВЗ”, “Корона/Ковид 19”, “Куќни/домашни слави”, “Божик” and “Водици”. This study focused solely on the message content of the tweet.

Data analysis. After the search according to the stated keywords, the identified tweets, that is their content was copied and imported in Excel spreadsheets. In doing so, additional demographics of Twitter users, links or metadata were not transferred to the Excel spreadsheet. A total of 125 tweets were extracted as a final sample in this study, while each tweet was analyzed independently, whereby all attached images were reviewed, and a brief description was formulated. In the analysis all the ‘retweets’¹⁹ were treated separately. Additionally, multiple entries from the same user, that contained the search keywords, were collected to form a single entry.

Samples were formed from the extracted tweets, of which, through the application of keywords, the main themes were identified. Numerous dilemmas arose regarding the recognition of the main keywords in a tweet, or the way in which the tweet was transmitted. However, such dilemmas have contributed to the classification of tweets in the most appropriate category. We would like to point out that, during the analysis, each tweet was grouped in only one category. Then categories were grouped into themes. An inductive approach was applied in data analysis, that is the categories and themes were derived from the tweets. Thereby, from the thematic analysis of

¹⁹ A reposted or forwarded message on Twitter, Lexico Dictionary [website], available at: <https://www.lexico.com/en/definition/retweet> (Accessed 02.03.2021).

the data, the following themes have been defined: Exposure of believers to the risk of spreading the virus arising from house celebrations; Adherence to protocols during the Christmas holidays; Intervention of services and inspections to sanction the clergy.

The analysis of the specified themes that arose from the sample of tweets, was in accordance with the established objectives of this study for contextual consideration and understanding of the mentioned themes (Bryman, 2012). Also, despite the presentation of the themes as discrete, there is overlap between them.

Exposure of believers to the risk of spreading the virus arising from house celebrations. The tweets from which this topic originated are concentrated in the period of November and December 2020. Within this period are the major holidays of the Orthodox Christian Church dedicated to: St. Demetrius of Thessaloniki (November 7), Council of St. Archangel Michael (November 21), St. Clement of Ohrid, who is also the patron of the MOC (December 8, is a non-working day for all citizens of Macedonia), and St. Nicholas the Wonderworker (19.12.). The Orthodox Christians in Macedonia, starting from the centuries-old tradition, in addition to the attendance on liturgies in the churches, mark these holidays with domestic celebrations or the so-called "slava". Most of the tweets are critically targeted at citizens, that is the believers who organize the domestic celebrations, as well as their increased presence in the temples during those days. Although to a much lesser extent, there is no lack of criticism of the clergy, as well as accusations of their non-compliance with the recommended measures for prevention and protection against coronavirus. A small number of users, in addition to the tweets, have posted photos of the liturgies, as well as photos of domestic celebrations that were posted on other social networks. It is important to note that in the mentioned period, and shortly before it had a significant increase in the number of citizens infected with the Covid 19 virus, which was reflected in the con-

tent of the tweets. Thus users expressed concern and criticism due to the risk of spreading the coronavirus through domestic celebrations, emphasizing the concern for themselves and the health of their loved ones.

In some of the tweets, a comparison is made between the impact of domestic celebrations on the spread of coronavirus, and the presence in restaurants as well as in the workplace.

Adherence to protocols during Christmas and Epiphany. The celebration of major Christian holidays Christmas and Epiphany, in addition to the holy liturgy in the temples, is also marked by manifestations attended by a large number of believers. These holidays, in accordance with the Law on Holidays of RS Macedonia, are declared non-working days. But, in compliance with the restrictive measures to prevent the spread of coronavirus, such manifestations were not organized. However, in the period before Christmas and on Christmas, number of tweets increased significantly, with the clergy being criticized for the gatherings during the Christmas liturgy. In addition, some of the users posted photos and links from the media, on which some of the believers and the clergy don't wear protective masks. In the content of the tweets, there was an evident condemning tone towards the believers, referring to their negligence, it was highlighted the risk of increased spread of the coronavirus, even among those citizens who did not attend the temples.

Also for the holiday of Epiphany, the manifestations for the lowering of the Holy Cross in the rivers and lakes were canceled, but during the consecration of the water in Lake Ohrid there was a presence of citizens, who celebrated Epiphany with a traditional bathing in the lake. But unlike Christmas, in the content of the tweets, there was almost no criticism of the faithful and the clergy. Despite the fact that the dynamics of the tweets was identical to that during Christmas, the criticism for irresponsible behavior of the citizens was significantly reduced, while the Macedonian Orthodox Church has hardly been criticized. Addi-

tionally, some users even criticized the sanctioning by the police of the believers who celebrated Epiphany with a traditional bathing in Lake Ohrid.

Intervention of services and inspections to sanction the clergy. Tweets within this theme are present throughout the analyzed period, unlike the previous themes where the tweets were concentrated around a narrower time frame. Also, the tweets categorized in this theme overlap with many of the tweets from other themes. Almost all users, whose tweets express criticism and condemnation of the citizens who attend liturgies in the temples, or gather at house celebrations, are also critical of the clergy and the leadership of the Macedonian Orthodox Church. Thereby, many users point out that the blame for the negligent behavior of the believers largely arises from the non-compliance with the prescribed measures for protection against coronavirus in the temples by the clergy. Particular emphasis is placed on the neglect of government measures in the performance of religious rites, for which users often attach photographs of temples. The dynamics of the exchange of tweets was significantly intensified in the period before and during Christmas, which was incited by the publication of certain articles in the media, and then posted on the Twitter network. Some of those articles indicate that the Ministry of Interior and the inspection services should take measures to sanction the clergy and the head of the Macedonian Orthodox Church for disobeying COVID-19 prevention measures. Moreover, in some of the tweets a comparison was made with the undertaken activities for sanctioning catering facilities that organized weddings and other celebrations, suggesting that the same punitive measures should be applied for the Macedonian Orthodox Church.

Conclusion. The coronavirus COVID-19 pandemic, as well as the introduction of restrictive measures to prevent the spread of coronavirus, had a specific reflection on the religious life of the citizens – the believers. In comparison with the findings of our previous study on the religious aspect of the Macedonian society after the outbreak of the COVID-

19 pandemic, the position of the religious communities at the beginning of the pandemic and during the holidays at the end of the year remained unchanged. In doing so, they clearly and unequivocally support the measures for prevention and protection from the coronavirus. Considering that the analyzed period includes the major Orthodox Christian holidays, position of the Macedonian Orthodox Church was confirmed through several announcements, while in some of them the seriousness of the compliance with measures was highlighted with a commanding tone. However, no additional announcements were made by the other religious communities regarding the observance of the measures for protection against the spread of the coronavirus. Their position was confirmed only in a joint statement shortly before New Year's Eve, which emerged from the meeting of the heads of the churches and religious communities in Macedonia, initiated by the Director of the Commission for Relations with Religious Communities and Religious Groups.

After the summing up of the findings from the analysis of the Twitter platform it was noticed that the public interest in religious practices has drastically decreased at the end of the year compared to the beginning of the pandemic. The dynamics and the amount of exchanged tweets were also reflected on the number of tweets – 125, that were extracted as a final sample size, compared to 423 extracted tweets in the previously analyzed period. In doing so, it should be borne in mind that the quantity of communication on Twitter was also influenced by the coincidence of the beginning of the coronavirus pandemic with the Easter and Ramadan holidays. However, the impatience towards the clergy and believers who attend religious services was identical in both compared periods. In the attitude of the users, there was still a strong criticism and condemnation of the believers and religious communities. Users justified this position with their concern about the danger of an increased spread of the Covid 19 virus. The impact of the media announcements on the dynamics of the exchange of tweets was once again confirmed,

which was significantly intensified after each media post regarding the behavior of the faithful and the clergy towards the measures for prevention and protection against the spread of the coronavirus. Also, some of the users emphasized the secular character of the state, pointing out that the sanctions that were applied to the catering facilities that did not comply with the measures, should be applied to the religious communities as well.

References

Boyatzis, R. E. (1998), *Transforming qualitative information: Thematic analysis and code Development*, Sage Publications, Thousand Oaks.

Braun, V. & Clarke, V. (2006), "Using Thematic Analysis in Psychology", *Qualitative Research in Psychology*, 3 (2).

Bruns, A. & Moe, H. (2014), "Structural Layers of Communication on Twitter", in Weller, K. (ed.) *Twitter and Society*, Peter Lang Publishing, New York, USA.

Bryman, A. (2012), *Social Research Methods*, 4th edn, Oxford University Press, Oxford, UK.

Chew, C. and Eysenbach, G. (2010), "Pandemics in the Age of Twitter: Content Analysis of Tweets during the 2009 H1N1 Outbreak", *Plos ONE*, 5 (11).

Dann, S. (2015), "Twitter Data Acquisition and Analysis: Methodology and Best Practice", in Burhalter, J. & Wood, N. (eds.) *Maximizing Commerce and Marketing Strategies through Micro-Blogging*, Business Science Reference.

Eysenbach, G. & Till, J. E. (2001), "Ethical issues in qualitative research on internet communities", *British Medical Journal*, 323 (7321), available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC59687/> (Accessed 27 February 2021)

Franzke et al., "Internet Research: Ethical Guidelines 3.0", available at: <https://aoir.org/reports/ethics3.pdf> (Accessed 02 June 2020)

Gjorgjevski, Gj. and Blazhevski, I. (2021), "The Religious Aspect of the Macedonian Society in the Condition of the Crisis Caused by Covid 19", *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*, 41 (1).

Newman, W. L. (2014), *Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches*, Pearson New International Edition, Seventh Edition, Pearson Education Limited.

"Number of social network users worldwide from 2017 to 2025", *Statista* [website], available at: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/> (Accessed 10 March 2021)

Rufai, S. R. & Bunce, C. (2020), "World leaders' usage of Twitter in response to the COVID-19 pandemic: a content analysis", *Journal of Public Health*, 42 (3).

Strauss, A. & Corbin, J. (1998), *Basics of qualitative research*, 2nd ed., Sage Publications, Newbury Park.

Thomas, D. (2006), "A General Inductive Approach for Qualitative Data Analysis", *American Journal of Evaluation*, 27 (2).

Twitter + Developers [website], available at: <https://developer.twitter.com/en/developer-terms/policy> (Accessed 27 February 2021)

Twitter Quarterly Results: 2020 Fourth Quarter, available at: <https://investor.twitter-inc.com/financial-information/quarterly-results/default.aspx> (Accessed 05 March 2021)

Twitter terms of service [website], available at: <https://twitter.com/en/tos>, (Accessed 27 February 2021)

Received 12 April 2021. Revised 10 August 2021. Accepted 02 September 2021.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2021 г. Поступила после доработки 10 августа 2021 г. Принята к печати 02 сентября 2021 г.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Ivan Blazhevski, PhD, Institute for Sociological, Political and Juridical Research, Ss. Cyril and Methodius University, Skopje, Republic of Macedonia.

Ruzhica Cacanaska, PhD, Head of Doctoral studies – ENVIRONMENTALISM (Social sciences), Institute for Sociological, Political and Juridical Research, Ss. Cyril and Methodius University, Skopje, Republic of Macedonia

Gjoko Gjorgjeski, PhD, Orthodox Faculty of Theology St. Clement of Ohrid, Ss. Cyril and Methodius University, Skopje, Republic of Macedonia

Иван Блажевский, PhD, профессор Института социологических, политических и правовых исследований Университета Святых Кирилла и Мефодия, Скопье, Республика Македония.

Ружица Цацановска, PhD, профессор, Руководитель докторантуры по направлению «Энвайронментализм» (социальные науки) Ин-

ститута социологических, политических и правовых исследований Университета Святых Кирилла и Мефодия, Скопье, Республика Македония.

Джоко Джорджевски, PhD, профессор Православного богословского факультета имени св. Климента Охридского Университета Святых Кирилла и Мефодия, Скопье, Республика Македония.